

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТЕР

ГЕНРИ КАТТЕР

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Приложение БЛАКФ

**Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики**

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Генри Каттнер

**СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**«БААКФ»
2016**

БААКФ-приложение 04 (2016)

Клубное издание

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ. Генри Каттнер и Кэтрин Мур.
Сборник фантастики.
(а.л.: 9,52)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Генри Кэтнер и Кэтрин Люсиль Мур

DOORWAY TO HELL by FRANK PATTON

fantastic

ADVENTURES

WAR
ON
VENUS
by EDGAR RICE
BURROUGHS

MARCH
20c

The
FANTASTIC TWINS
by JOHN YORK CABOT

ПОЗЖЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ

ДЖОННИ ДРЕЙК прижался спиной к стене. Так было сподручнее драться. Но все складывалось так, что мрачная улыбка вряд ли появится на губах Дрейка. Разумеется, из затопленного метро выбраться невозможно, и его противники... их оказалось шестеро: безумный убийца, парочка иностранных агентов, два бандита с пистолетами и мрачный азиат, который мог быть самим Фу Манчу. Почти все они держали в руках огнестрельное оружие, мелькал также меч, а у Фу Манчу был огнемет.

— Ладно, крысы, — сказал Джонни Дрейк. — Вы сами напросились.

Однако он не успел выстрелить. Один из противников внезапно стал более зловещим, чем остальные. Фактически, они вообще испарились, отправились обратно в мир снов, откуда и пришли. Фу Манчу со своим огнеметом убрался докучать Нейланду Смиту. И не осталось ничего — даже затопленного туннеля.

Зато остался мистер Генслер, толстый человек с лицом суслика, который тихонько подошел к Джонни и через его плечо смотрел на журнал с описанием реально произошедших преступлений, лежащий открытым на стойке. Приход мистера Генслера не остался совсем незамеченным. По какой-то фантастической причине, от него всегда сильно пахло ревенем.

Заранее предупрежденный Джонни украдкой оглядел музыкальный магазин, чтобы убедиться, что из его полуденного сна не сбежал ни один преступник, а затем начал бешено копаться в стопках пластинок, тщетно пытаясь закрыть ими журнал. *Как странно*, подумал при этом он, *что молодой человек двадцати двух лет не может найти другого места под солнцем, кроме работы продавцом в «Музыкальной лавке Генслера»*. Год назад перспектива стабильной, хотя и небольшой, зарплаты вдохновляла. Но тогда Джонни еще не знал Генслера.

Запах ревеня стал сильнее. Джонни нервно перекладывал пластинки, и один из дорогих альбомов выпал из его рук и разбился об пол. Вздрогнув при мысли о шести с половиной долларов, которые будутдержаны из его зарплаты, он нагнулся, чтобы подобрать обломки, и, распрымляясь, встретил бледный от ярости взгляд мистера Генслера.

Джонни подавил желание нырнуть под стойку.

К его изумлению, противное лицо мистера Генслера внезапно изменилось к лучшему. Он даже улыбнулся. Покупателю, понял Джонни.

Later than you think!

— Добрый вечер, мисс Моффат, — сказал Генслер. — Разве сегодня вышла новая пластинка?

Слегка растрепанный Джонни, наконец, поднялся.

— Думаю, да. Должен был выйти новый диск Бинга Кросби...

— Точно! Мистер Дрейк позаботится о вас.

И Генслер ушел назад в свой кабинет.

— Здравствуй, дорогой, — вполголоса сказала мисс Моффат.

— Ох, милая! Ты чудесно выглядишь!

Казалось, что Джонни вот-вот перевалится через стойку, поэтому девушка быстро отступила. Она была весьма привлекательной — скорее, милой, чем соблазнительной. Ее звали Дина. Возможно, Джонни ошибался, думая, что это самое красивое имя в мире. Но как можно сказать наверняка?

Они уединились в маленькой комнатке со стеклянными дверями, где Джонни ловко засунул пластинку в проигрыватель. Под прикрытием музыки, он сделал несколько замечаний, в основном, касающихся достоинств девушки, как внешних, так и невидимых на первый взгляд.

Johnny Drake sat spellbound as the incredible news came over the radio

- Я хочу тебя поцеловать, — горячо добавил он.
- Ох, дорогой! Не сейчас, Джонни. Генслер нас увидит. Думаешь, я должна приходить каждую ночь? Тебя могут уволить.
- Я уже хочу, чтобы меня уволили, — с угрюмым видом сказал Джонни. — Мы не можем жениться, пока мне платят такие гроши.
- Ну, у меня есть работа, — практически ответила Дина.
- Но я хочу сам тебя *содержать*, — сказал Джонни.

— Ох, ты такой глупый! — пробормотала Дина и добавила, — но ты настоящий рыцарь. И я люблю тебя.

На большее времени не оставалось. Даже в закрытой комнатке, смутный запах ревеня служил зловещим напоминанием о Генслере.

— Встретимся позже. В парке. В то же время.

И вскоре Дина уже выходила из магазина, неся в прелестной руке пластинку Кросби.

ГЕНСЛЕР посмотрел ей вслед.

— Постоянный покупатель. Ну, закрывай магазин. Я ухожу.

Он уже надел пальто и, как танк, пошел к двери, где развернулся и одарил Джонни сердитым взглядом.

— Стоимость разбитой пластинки будет вычтена из твоей зарплаты, — сказал Генслер, казалось, слегка обрадовавшись этому.

И он ушел, размышая о чем-то нехорошем.

Джонни вздохнул. Трудная у него была жизнь, но, если он сможет жениться на Дине, то будет счастлив вне зависимости от всего остального. Пребывая в печали, он стал закрывать магазин, щелкая выключателями и задергивая шторы. Затем нашел тряпку и нежно стер незаметные записи со всех радиокабинок. Радио было третьей великой любовью Джонни. Преступления — второй, а Дина, разумеется, возглавляла эту троицу.

Джонни взглянул на наручные часы. Пять часов. Ну, он не сильно проголодался. Если пропустит ужин, то сможет провести, по крайней мере, два часа в подвале, колдую над радио, собственноручно собранным из запасных деталей, приобретенных у супердядя Генслера, который даже не забыл прибавить к их стоимости налог на продажу. Кроме того, на пятьдесят центов, вместо обеда, он мог купить Дине букет цветов.

Итак, Джонни отправился вниз, навстречу своей судьбе.

Нельзя сказать, что он был особенно красивым, но, тем не менее, благодаря курносому носу и добрым голубым глазам, обладал некоторым обаянием. Глаза полностью раскрывали его характер. Мир не видел более безвредного человека. Он не дрался ни разу в жизни — он не считал себя трусом, но, каким-то образом, драки всегда обходили его стороной. По крайней мере, если говорить о драках в действительности.

Если хотя бы один сон Джонни материализовался, его тесная комнатушка была бы по колено залита кровью шпионов, убийц, безумных ученых и других тому подобных личностей. К тому же, он бы носил значок агента ФБР. Потому что страстью Джонни были преступления и все, с ними связанное. Он прошагал бы десятки

километров, чтобы посмотреть на любое место, отмеченное буквой «Х»* – не потому, что был психически больным, а из-за того, что знание, полученное из первых рук, добавило бы правдоподобия его снам, в которых он вершил правосудие, защищал людей, сталкивался лицом к лицу с человеческим мусором и неизменно выходил победителем из схваток с преступниками.

Но еще Джонни был инженером. Результаты его работы находились в подвале под магазином – кустарное радио. Изначально оно было собрано со смутной идеей ловить неслышные звуковые волны, или сигналы с Марса – Джонни не был уверен. Его технические знания были довольно обрывочными. Во всяком случае, радио обязано принимать вещание местных станций, даже если не получается все остальное.

ДЖОННИ включил в подвале свет и принял за работу, радостно напевая себе под нос. Когда он щелкнул тумблером, из радио раздался тихий, испуганный вопль и звук кого-то небольшого объекта, неистово носящегося по кругу. Джонни провел небольшое расследование и выяснил, что это была серая мышка, носящаяся среди радиоламп и проводов.

Испугавшись на секунду, он подумал, что добился беспроводной передачи материи. Затем забыл об этом, увлекшись сложной задачей по спасению мышки. К тому времени, как маленькое перепуганное создание было в целости и сохранности помещено на пол рядом с горой мусора, внутренности радио превратились в хаос.

Две недели работы пропали впустую! Джонни простонал и, в несвойственной ему ярости, пнул шкафчик.

– …к концу подходит «Час Дядюшки Билли», и теперь вы знаете, почему кролики едят салат, – раздался замогильный голос. – Увидимся завтра, детишки!

Джонни замер. Это был первый звук, вышедший из радио, не считая отчаянного мышиного писка. Он прислушался.

– Говорит радиостанция «WAZ», ведущий Гленко. Когда вы услышите мелодичный звон, будет ровно пять пятнадцать. – *Дзынь.*

– А теперь четверть часа «Качелей» с Саймоном.

«WAZ». Это была местная радиостанция. Ну и ну. Джонни потянулся к шкафу, но, услышав новый голос, резко остановился.

– Молния! Экстренная сводка новостей! Красавчик Галлагер, преступник, чья карьера превзошла успехи Диллинджера, был

* Х (здесь) – нечто таинственное или неизвестное; загадка или место преступления (прим. перев.)

только что пойман правительственные агентами! Следуя за передвижениями Галлагера, агенты ФБР ворвались в дом на углу Пятой и Флауэр и обнаружили преступника в съемной квартире на верхнем этаже, где он несколько дней укрывался вместе с тремя членами своей банды. После драматической перестрелки, Галлагер попытался убежать через окно и разбился насмерть, упав с четвертого этажа. Преступники держали в заложниках молодого человека, найденного без сознания, но, в целом, невредимого. Полиция штата...

Глаза Джонни засияли. Он выключил радио, взбежал по ступенькам и через три секунды уже понесся по улице с развеивающимся за спиной пальто. Что за удача!

За карьерой Галлагера, Джонни, разумеется, следил во всех газетах. Он и сам неоднократно сталкивался лицом к лицу с коварным убийцей с тонкими губами, и всегда, в этих приятных снах, Джонни выходил победителем. Пошатываясь от удара пули, прошедшей на вылет через его плечо, он выхватывал смертоносный полуавтоматический пистолет и...

Но это был не сон. Джонни знал, где находится этот дом. И, если он поторопится, то, может быть, успеет увидеть агентов ФБР... или даже тело Галлагера!

Вот и то самое здание, ветхое строение на углу. Но тут радость покинула Джонни. Улица была пуста.

Никаких следов Галлагера, агентов или зевак.

Тем не менее, Джонни распахнул скрипучую дверь и очутился в темном коридоре, где пахло луком. Секунду помешкав, он стал подниматься по лестнице. Верхний этаж, сказал диктор на радио.

НА ВЕРХНЕМ этаже, коренастый человек с бледным лицом и уставшими глазами стоял, прислонившись к перилам, и нервно подергивался.

— Добрый вечер! — сказал Джонни. — Кажется, веселье уже закончилось?

Бледнолицый почесался, засунув руку под пальто, и забыл вытащить ее обратно.

— Кого-то ищешь, приятель? — осторожно поинтересовался он.

— Где тело Галлагера? — с надеждой спросил Джонни.

Его собеседник взглянул на лестницу, и губы его задергались.

— Чего?

— Его уже увезли в морг?

Бледнолицый судорожно закашлялся. Его рука появилась из-под пальто вместе с пистолетом.

- Вы агент ФБР? — улыбнулся Джонни.
- Нет, — внезапно обретя голос, прорычал тот. — Я не агент ФБР! И я не играю ни в какие игры. Кто ты такой, черт возьми?
- Джонни не успел ответить. Открылась дверь, и тихий голос задал какой-то непонятный вопрос.

— Сам разбирайся, что тут происходит, Красавчик, — сказал бледнолицый, одновременно хватая Джонни за воротник, и швырнул его через порог.

Свет был ослепительным. Все шторы оказались задернуты. Воздух наполнял сигаретный дым и запах виски. Несколько человек, находившихся внутри, резко вскочили со своих мест при внезапном появлении Джонни, но тот смотрел только на одного — человека со змеиными глазами и тонкими губами, который был...

Который был Красавчиком Галлагером во плоти и крови.

— Вот, смотри, — сказал бледнолицый. — Этот балбес поднялся ко мне и начал расспрашивать про тебя. Я его не знаю. Он даже принял меня за агента ФБР.

Джонни сидел и решал не подниматься.

— Это... это какая-то ошибка! — вырвалось у него. — По радио передали... там сказали, что вас убили...

Лицо Галлагера не изменилось. Он дернул головой, и трое исчезли из комнаты, а один быстро подошел окну иглянул из-за шторы. Минут пять ничего не происходило, и все это время Галлагер бесстрастно смотрел на перепуганного Джонни.

Наконец, приспешники вернулись.

— Все чисто, — доложил один из них. — Этот парень пришел один.

— Хорошо, — тихо сказал Галлагер. — А теперь говори.

НО ДЖОННИ с трудом мог объяснить то, что и сам толком не понимал. Он продолжал твердить про сообщение, которое он услышал по радио, — сообщение, не имеющее смысла, учитывая данные обстоятельства.

— О чем он говорит, Банди? — спросил Галлагер низенького человека с добродушным лицом и пенсне на носу.

Было неясно, что он забыл среди убийц.

— Разрази меня гром, если я хоть что-то понял, — пожал плечами Банди. — Думаю, он чокнутый.

Галлагер прикрыл глаза.

— Может, нам лучше его... ну, ты знаешь?

— Не стоит, — покачал головой добрячок. — По крайней мере, пока. Просто свяжем его.

Джонни слабо пискнул. Сказать, что он чувствовал себя хорошо, означало нагло соврать. Основы известной Вселенной, казалось, рушились вместе с радостью по поводу встречи с преступниками в реальном мире. Это невероятное объявление по радио...

Галлагер нетерпеливо фыркнул и поднял Джонни за воротник рубашки.

– Послушай! Кто послал тебя сюда, приятель? Паук?

– Н-нет! Это радио...

Галлагер бросил Джонни в кресло.

– Свяжите его, – выпалил он и начал расхаживать по комнате, нервно пыхтя сигаретой. Наконец, он повернулся к Банди.

– Надо выбираться отсюда. Это место сводит меня с ума. Почему ты не можешь устроить мне побег? Такой проныра, как ты...

Банди поправил пенсне.

– Я хоть раз тебя подвел?

– Не знаю, – медленно сказал Галлагер. – Я позволил тебе вести дела – и посмотри, где я оказался.

Джонни уставился на Банди. Значит, мелкий прохвост и есть гла-варь шайки! Теперь Джонни вспомнил, что Банди был известным преступником, безжалостным убийцей, которого разыскивали в не-скольких штатах. Но его никогда не связывали с Галлагером.

К этому времени Джонни уже тugo привязали к креслу и отта-щили в угол. Все уселись играть в покер, кроме Банди и человека, стоящего у окна и выглядывающего из-за шторы. Джонни ухи-тился взглянуть на наручные часы. Сегодня он не сможет прийти на встречу с Диной.

Вероятно, он, вообще никогда больше не увидит ее. Джонни по-чувствовал, как по спине пробежали сороконожки, закрыл глаза и попытался размышлять. Радио...

Затем его глаза распахнулись, и в них появилось осознание не-вероятного. Был же вечер среды. А «Час дяди Билли» выходит по четвергам! Как и «Качели» с Саймоном!

Но... пресвятая богородица! Как радиовещательная компания могла допустить такой промах?

Джонни начал потеть. Радио его собственной конструкции, по которому погуляла мышь, дало совершенно фантастические резуль-таты. И был единственный, хоть немного разумительный вариант.

Радио было настроено на... завтра!

Джонни упал в обморок.

ОН очнулся в темном и душном месте, где пахло галошами. Вскоре галоши и недостаток воздуха сделали свое дело, и пленный снова отключился.

Поэтому он пропустил захватывающие события, произошедшие примерно двадцатью тремя часами позже. В половине пятого вечера четверга правительственные агенты вломились в старый дом и устроили перестрелку с Галлагером и его приспешниками. Сам Галлагер попытался убежать через окно, но разбился насмерть, упав с четвертого этажа. Преступники держали в заложниках неопознанного молодого человека, найденного без сознания, но в остальном невредимого...

Оживленный холодной водой и брэнди, неопознанный молодой человек пришел в себя и сказал, что его зовут Джонни Дрейк. Его первое утверждение было встречено с таким подозрением, что он тут же его изменил. Он по ошибке набрел на убежище гангстеров, которые и связали его. Для агентов это звучало гораздо убедительнее.

Затем Джонни позвонил Дине и немного погодя уже сидел у нее в квартире, жадно поедая стейк и картофель-фри. Дина была очень встревожена и сидела у Джонни на коленях, пока он ел.

— Я думала, что ты разлюбил меня, дорогой. Я прождала в парке несколько часов, ко мне даже начал приставать какой-то противный мужик...

— Ох, дорогая, — сказал Джонни и временно перестал есть.

Прошло некоторое время, прежде чем внезапные воспоминания прервали поглощение пищи.

— Ого, — взглянув на часы, сказал он. — Почти четверть шестого.

Он протянул руку, включил маленько радио Дины и настроил станцию «WAZ». Его рот был забит стейком, и Джонни слушал то, во что уже и сам с трудом верил.

Дядя Билли заканчивал непринужденную беседу с детьми. Джонни уже слышал это. Его глаза засияли, когда радио продолжало:

— Говорят радиостанция «WAZ», ведущий Гленко... — Точь-вточка, как то, что он слышал прошлым вечером! — ... четверть часа «Качелей» с Саймоном. — Потом... — Молния! Экстренная сводка новостей! Красавчик Галлагер, преступник, чья карьера превзошла успехи Диллинджера, был только что пойман правительственными агентами... обнаружили преступника в съемной квартире на верхнем этаже... разбился насмерть... неопознанного молодого человека, найденного без сознания...

— Что это, дорогой? — спросила Дина.

Джонни прокашлялся.

— Ничего особенного. Ты только... послушай!

— Мы только что получили информацию, что парня, которого держала в заложниках банда Галлагера, зовут Джон Дрейк, он работает клерком в местном музыкальном магазине. Его история...

— Джонни! — ахнула Дина. — Это ты!

— Конечно... конечно. — Но Джонни плохо расслышал последние слова диктора, поскольку крепко поцеловал Дину. — Дорогая, думаю, мы уже можем переезжать в город. Ты уволишься с работы... мы поженимся... разбогатеем...

— Ох, дорогой, — упрямо сказала Дина. — Ты сошел с ума, но я люблю тебя.

ЧЕРЕЗ полчаса Джонни уже отпирал дверь в «Музыкальную лавку Генслера». Ему не терпелось добраться до радио и убедиться, что ему это не снится. Радио по-прежнему молча стояло в подвале, в окружении хитроумно перепутанных проводов. Руки Джонни дрожали, пока он включал аппарат и прислушивался к нарастающему гулу энергии, нагревающей лампы.

Наконец, послышалась музыка, тихая и приятная. Это могло быть что угодно. Джонни попытался настроить радио на другую станцию, но тишина была единственным ответом. Видимо, прибор можно было настроить только на одну радиостанцию, местную. Джонни вернул «WAZ».

Там проигрывали «Кэмптаунские гонки». Джонни взбежал по лестнице, нашел радиопрограмму на неделю и открыл нужную страницу. Вскоре он наткнулся на то, что искал: WAZ – 6:00 – Песни Стивена Фостера. И это должно было идти в пятницу вечером.

А сегодня был четверг.

Джонни лихорадочно просматривал страницы. WAZ – 6:15 – Викторина «Кто это?». Он взглянул на часы. Через пять минут.

В 6:15 радио объявило начало викторины.

— Вот это да! — с трудом поверив в то, что произошло, воскликнул Джонни. — Радио настроено на завтра!

— Превосходно, — раздался из мрака лестницы знакомый голос. — К счастью, я всегда доверяю своему нюху.

Джонни повернулся и увидел, как к нему приближается худая фигура в пальто — добродушный на вид, низенький человек с пенсне на носу.

— Банди, — беззвучно сказал Джонни.

— А ты кого ждал? — улыбнулся опасный преступник. — Меня не было с Галлагером, когда ворвались агенты. Чутье подсказало мне... — Он указал на кресло. — Садись, парень. Поговорим.

Джонни медленно опустился на стул, облизнув губы.

— Вы убьете меня? Чтобы я не проболтался?

— Расслабься, — спокойно сказал Банди. — Я ничего тебе не сделаю. По крайней мере, если твое радио работает так, как я себе это представляю. А теперь послушай. — Он сел, пристально смотря на Джонни, и положил руку на колено молодого человека, располагая к доверию. — Я никогда не пренебрегаю наукой. И когда ты вломился прошлой ночью и начал болтать о своем радио, у меня появилось предчувствие. Разумеется, в твоем изложении это звучало безумно. Но ты знал, что Галлагер прятался в этом убежище — а откуда ты мог узнать об этом?

Джонни молча указал на радио.

— Ага. Конечно, тебе могла попасть в руки такая информация, но ты никак не мог знать, что Галлагер выпрыгнет из окна, когда ворвутся агенты. Так что я смылся загодя и стал ждать, что произойдет.

— Вы знали... Хочу сказать, вы оставили своих приятелей умирать...

— Они лишь доставляли неприятности, — улыбнулся Банди. — Всегда действовали слишком топорно. Так что я использовал их, как морских свинок. И это сработало. Теперь мне кажется, что в твоем странном радио что-то есть... и я хочу понять, что именно.

— Ну... — сказал Джонни.

ОН РАССКАЗЫВАЛ. Банди слушал и одновременно следил за тем, что передают по радио. Окончательно убедился он только в восьмом часу. Именно тогда вышла в эфир Кейт Смит, на день раньше положенного.

— Как, черт побери, это работает? — спросил Банди.

— Не знаю, — сказал Джонни. — Мне просто повезло. Я не смогу собрать его снова — не понимаю, как так получилось.

— Ну, смотри, не сломай его! — резко сказал Банди. — Ты наткнулся на золотую жилу!

— Если бы я только понял, как оно работает, — пробормотал Джонни. — Как мне кажется — это все из-за того, что пространство искривлено, по словам Эйнштейна.

— А, Эйнштейна!

— Да... Электромагнитные волны со временем возвращаются к своему источнику. Но на это требуются миллиарды лет. Им приходится проходить через всю Вселенную. А мое радио принимает передачи, транслируемые через двадцать четыре часа. Может быть... ну, Эйнштейн говорит, что время просто еще одно измерение, да?

— Почему бы и нет? — заметил Банди.

— Возможно, время тоже искривлено. Радиоволны совершают полный оборот во времени и продолжают распространяться. Достигают исходной точки и затем начинают двигаться в обратную сторону.

— Музыка повторяется, — сказал Банди. — И выходит отсюда. Вот что важно. Ладно. Я не понимаю, как оно устроено, и могу поспорить, что ты тоже. Но это не имеет значения. У нас есть радио, и оно настроено на завтра. Так что будем сотрудничать.

Джонни прокашлялся.

— Послушайте, мистер Банди...

— Заткнись. Думаю... я забрал бы радио с собой, но боюсь его трогать. Любая встряска может его испортить. И если оно сломается...ой! Нет, лучше держи его тут. В любом случае, я постоянно переезжаю и не могу всюду таскать его с собой. Копы никогда не подумают на тебя.

— Радио мое! — неуверенно возразил Джонни.

— Ты еще не дорос, чтобы пользоваться им. Почему ты торчишь в музыкальной лавке? Ты тут работаешь? У тебя же есть ключ, не так ли?

Джонни пришлось кое-что объяснить. Банди кивнул.

— Мне не нужен ключ, чтобы забраться в эту берлогу — сегодня я использовал отмычку. Но лучше все равно сделай для меня дубликат. С этого момента мы партнеры.

— Представляем вашему вниманию последние новости, — сказало радио, а Банди достал карандаш и бумагу.

— Слушай! — приказал он.

НИЧЕГО ОСОБО интересного не было. Но Банди все равно начеркал пару строк. «Белая звезда», аутсайдер, взяла большой приз на скачках в Саратоге. Семья Брокоу погибла в автокатастрофе...

— Достаточно, — убрав листок в карман, подытожил Банди. — Уловил суть?

— Вы хотите сделать ставку на «Белую звезду»?

— Конечно. Ведь она выиграет завтра, не так ли?

— Ну...

— Посмотрим, — уверенно сказал Банди. — И эта семья Брокоу... я все разузнаю и оформлю на них страховку. Теперь ясно?

— Но...

Джонни сделалось плохо. В таких темных делишках было нечто омерзительное. Почти, как убийство.

— Мы получим большую прибыль, — сказал Банди. — А теперь слушай. Я дам тебе телефонный номер, можешь звонить мне вся-

кий раз, когда твоего босса нет на месте. Будем слушать эту золотую жилу... – Он кивнул на радио. – ...и узнавать, что произойдет завтра. Но... смотри, не глупи. Потому что, если я узнаю, что меня ждут копы, для тебя все закончится плохо. Не я, так мои друзья разберутся с тобой... – За стеклами пенсне сверкнули тусклые глаза.

– Ясно, – слабо кивнул Джонни. – Но... я бы и так не стал...

– Конечно, нет... – усмехнулся Банди и достал из кармана колоду карт. – В любом случае, мы пробудем тут до полуночи. Послушаем, что нам еще скажет радио. Во что будешь – в очко или покер?

– Наверное, в покер.

Джонни ошарашенно смотрел, как Банди снимает пальто, вешает его на удобный крючок и достает колоду карт.

– А вот и Бэн Берни! – сказало радио.

Джонни начало подташнивать.

ПРОШЛО несколько недель. Джонни чувствовал себя крайне несчастным. Его жизнь превратилась в один сплошной ужас. Что, если Генслер все узнает? А вдруг полиция нападет на след? Что, если... миллион всяких пугающих «если»...

Банди преуспевал. Теперь он занимался алмазами, как обычно воспользовавшись тем, что передавали по новостям завтрашнего дня. И заставлял Джонни подолгу сидеть в подвале, целыми вечерами внимательно слушая радио. Джонни уже почти ненавидел это устройство.

Что касается Дины – она не возмущалась, но ей было тяжело, потому что Джонни пренебрегал ею. Объяснения были невозможны, а извинения – бесполезны. Дина не устраивала сцен, но ее глаза всегда были покрасневшими.

Джонни уже думал о том, чтобы убить Банди. Но тот был закоренелым убийцей, безжалостным и свирепым. Когда по радио объявили о секретной доставке целой коллекции алмазов, привезенной из Амстердама в самый большой ювелирный магазин в городе, Банди заулыбался. На следующий день грузовик был остановлен, его водитель убит, алмазы украдены.

– Я не понимаю, – сказал Джонни. – Мы же слышали, как станция «WAZ» объявила, что алмазы доставлены успешно. Но это не так. Вы же их украли.

Банди поставил поднос на стол.

– Мне одну карту... Ты не прав. Это радио никогда не ошибается. У меня есть сообщение. – Он выудил конверт. – Разумеется, я не сообщил, что похитил эти алмазы, но... послал объявление. Цитирую: «Сегодня ювелирная компания «Францен» сообщила ре-

репортеру, что ожидает секретную поставку алмазов из Амстердама. К этому времени, сообщил мистер Францен из своего дома, они уже должны были прибыть в целости и сохранности, так что я могу свободно опубликовать эту информацию». Конец цитаты.

— Но...

— Пойдем наверх. — Банди поднялся в кабинет и повозился со стоящим там радиоприемником. Он тут же попал на «WAZ». — Вот, что случилось прошлой ночью. Как раз примерно в это время.

Сначала были обычные новости. А потом...

— Ювелирная компания «Францен» сообщила репортеру...

Стоя в темноте, они молча ждали, но сообщение оказалось в точности таким, как и в письме Банди.

— Видишь? — сказал Банди. — Нельзя изменить будущее. Идем вниз. Тут нас могут заметить.

В полночь Банди отложил карты и пошел за пальто.

— Я улетаю на пару дней во Флориду, — сказал он. — Веди себя хорошо, пока меня нет. И продолжай записывать новости.

— Конечно, — тупо сказал Джонни. — Конечно.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день разразилась катастрофа.

Генслер, в зловонном облаке ревения, велел Джонни убраться в подвале.

— И убери оттуда свое радиоприемник, — выпалил он. — Он жрет слишком много электричества.

— Н-но, я заплачу за это...

— Не спорь, — потребовал Генслер. — Просто убери его оттуда.

У Джонни скрутило желудок.

— Послушайте, мистер Генслер, — отчаянно сказал он. — Мне только-только удалось собрать его. Я не смогу повторить это дома. Если я перенесу радио, оно перестанет работать!

— Вот и отлично! — заявил Генслер. — Возможно, тогда ты будешь уделять больше внимания работе.

Весь день Джонни бродил, как в тумане. Он думал было отправить Банди телеграмму, но не знал, где именно тот во Флориде. Джонни знал, что Банди обвинит его в том, что он сломал радио. И еще Джонни был уверен, что не сможет собрать радиоприемник дома, чтобы прослушать завтрашние новости.

Надеясь на чудо, всю ночь он слушал выпуски новостей. Могло помочь лишь одно. Начались заключительные заезды на автодроме в Индианаполисе, и Номер Семь выиграл главный приз. Номер Семь.

Джонни провел бессонную ночь. На следующий день он опоздал на работу, но сумел раздобыть три сотни долларов, погрязнув в долгах на следующие три сотни лет.

Генслер был в ярости.

— Кредиторские конторы звонят мне все утро. Боже правый, Дрейк, что собираешься делать?

— Я хочу купить этот магазин, — сказал Джонни.

— Купить… что? Ты спятил!

— Послушайте. За сколько вы продадите свой бизнес?

Генслер ответил.

— Ну, предположим, как вариант, завтра я дам вам шесть сотен, а остальное… гм… через тридцать дней.

— Ты не достанешь остальное за тридцать дней, — сказал Генслер.

— А я уж точно не верну тебе эти шесть сотен.

Жадность восторжествовала, и Джонни получил согласие. Прошло несколько дней. Банди не возвращался. Тридцатидневный срок неумолимо подходил к концу. А Джонни ни на секунду не отходил от радио.

НОВОСТИ с ипподрома «Санта Анита» чуть было не опоздали. У Джонни не было капитала. Он выпрашивал, занимал, во всем себя ограничивал, ставил по доллару там, по пять тут. Ставил на бейсбол, регаты, гольф, теннис, бокс, рестлинг и на прыжки лягушек, соревнование между которыми проходило на ежегодном фестивале в Калаверасе. И, разумеется, неизменно выигрывал. Но, даже увеличивая свои доходы в геометрической прогрессии, нужная сумма набиралась с пугающей медлительностью.

Тем не менее, Джонни собрал деньги, и даже с небольшим запасом. Заплатив Генслеру всю сумму и получив необходимые документы, он расслабился, подумав, что можно сделать передышку. Передышку? Ха!

Пару месяцев назад мысль о владении музыкальным магазином привела бы Джонни в полнейший восторг. Но сейчас это ничего не значило. Поскольку он не смел жениться на Дине — это бы сделало ее невестой и одновременно потенциальной вдовой. А Дина…

— Джонни, — однажды сказала Дина. — Скажи мне правду. Я не буду злиться. Ты хочешь разорвать нашу помолвку?

От такого удара сердце бедного Джонни задрожало и чуть не разлетелось на кусочки.

Затем из Флориды вернулся Банди, бронзовый, улыбающийся и полный планов на будущее. Он был рад услышать, что теперь магазином владел Джонни.

— Почему я не подумал об этом раньше? — сказал он. — Я бы купил его тебе. Без Генслера, путающегося под ногами, все будет гораздо проще.

— Конечно, — безучастно сказал Джонни. — Послушайте, может, я просто отдам вам магазин и радио? Я больше не хочу участвовать в этом.

— Прости, но ты слишком хорошее прикрытие. Я не могу тебя потерять. И ты в любом случае знаешь слишком много. — Банди потер руки. — Вскоре мы станем очень богатыми. — Он повесил пальто на крючок и обшарил по карманам в поисках сигарет. — Черт, закончился. Может, у тебя есть?

Джонни покачал головой.

— Ну, я сбегаю за угол и куплю пачку. Продолжай слушать радио. С этого момента никаких мелких дел. Брюс Банди на вершине, и он не собирается оттуда слетать.

Пенсне триумфально сверкнуло, когда Банди легко взбежал по лестнице и исчез.

Джонни уставился на ненавистное радио и услышал ненавистную музыку, разносившуюся по бездне времени. Выхода нет. Хуже уже быть не может...

Ох!.. или, может?

Начались часовые новости. Джонни сделал пару заметок. Затем замер, а его глаза округлились.

— При попытке перейти Пятую улицу, владелец местного музыкального магазина Джон Дрейк был насмерть сбит грузовиком...

— О Боже! — посерев, как устрица, воскликнул Джонни Дрейк.

Радио, внезапно, превратилось в адскую машину. В страхе Джонни быстро выключил его и ушел в угол, где уставился в одну точку, не понимая, откуда дует ледяной ветер.

КОГДА он пришел к Дине на следующий вечер, она была сильно удивлена. Потому что Джонни настыривал и пришел с подарками: розами, вином и конфетами. Он словно помолодел на сотню лет.

— Джонни! — сказал она. — Что случилось?

— Я люблю тебя, — объяснил он. — Поцелуй меня! Быстрее!

Впервые за несколько недель Дина обрадовалась.

— Розы! И конфеты!

— И шампанское, — засмеялся Джонни. — Это еще не все. Завтра будет обручальное кольцо с бриллиантами... покрытое бриллиантами. Потом мы поженимся. Я продам магазин. Вероятно, мы не станем богачами, но сможем покупать себе мороженое каждый день.

— Нет, ты не спятил, — задумчиво сказала Дина. — Но я не понимаю. Джонни буквально заплясал на месте, потом рванулся к радио.

— Как раз вовремя. Слушай, дорогая.

В эфире была станция «WAZ» с выпуском часовых новостей. Джонни подмигнул Дине.

— Вот, началось.

— При попытке перейти Пятую улицу, — сказал диктор, — владелец местного музыкального магазина Джон Дрейк был насмерть сбит грузовиком...

— Джонни!

— Да в порядке я. Разве я похож на мертвеца?

— Нет, но... тебя не ранило?

— Меня вообще не было сегодня на Пятой улице, дорогая. Погоди минутку. Дослушай до конца. А то я вчера не успел...

— Что?

— А? Н-ничего. Просто слушай.

Радио продолжало говорить в непринужденной манере:

— Этим заканчивается наш выпуск. До встречи через час. Следующий... секунду! — Возникла пауза. — Молния! Сбитый сегодня на Пятой улице человек, ошибочно идентифицированный, как Джон Дрейк, был опознан полицейскими. Это оказался Брюс Банди, известный бандит и убийца! Ошибка произошла, когда репортер с места происшествия осмотрел содержимое карманов пальто Банди и нашел документы, бумажник и паспорт, принадлежащие Джону Дрейку...

Джонни выключил радио.

— Так что, Брюс Банди мертв, — пробормотал он.

Дина пристально посмотрела на Джонни.

— Твой бумажник нашли у него в кармане? Как...

— Может быть, кто-то положил его туда, — улыбаясь, как Мона Лиза и Чеширский кот одновременно, ответил Джонни. — Во всяком случае, смерть Банди — несчастный случай. Никто не сможет обвинить меня!

— Но с чего бы кому-то винить тебя?

Вместо ответа, Джонни положил Дине в рот шоколадную конфету.

— Неважно. Просто думай о завтрашнем дне. Нам надо купить обручальное кольцо, выбрать дом, продать магазин...

Дина прижалась щекой к лицу Джонни.

— Думаешь, стоит его продать? Я могу помочь тебе, а он приносит доход.

— Ты права, — согласился Джонни. — Пожалуй, я все-таки оставлю магазин себе. Но он будет закрыт. Сделаю его своим кабинетом. Понимаешь, дорогая, я нашел новую работу. Хорошая зарплата, гибкий график и карьерный рост.

- Не может быть! Что это за работа?
- Веду в одном журнале колонку светских сплетен.
- Н-но... разве... ты справишься с этим?
- А что тут такого? — озорно ухмыльнулся Джонни. — Главное, узнавать о событиях еще до того, как они произойдут. Что здесь трудного?
- О, дорогой, — прижимаясь теснее к Джонни, сказала Дина. — Какой ты замечательный!

Later than you think, (Fantastic Adventures, 1942 № 3), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

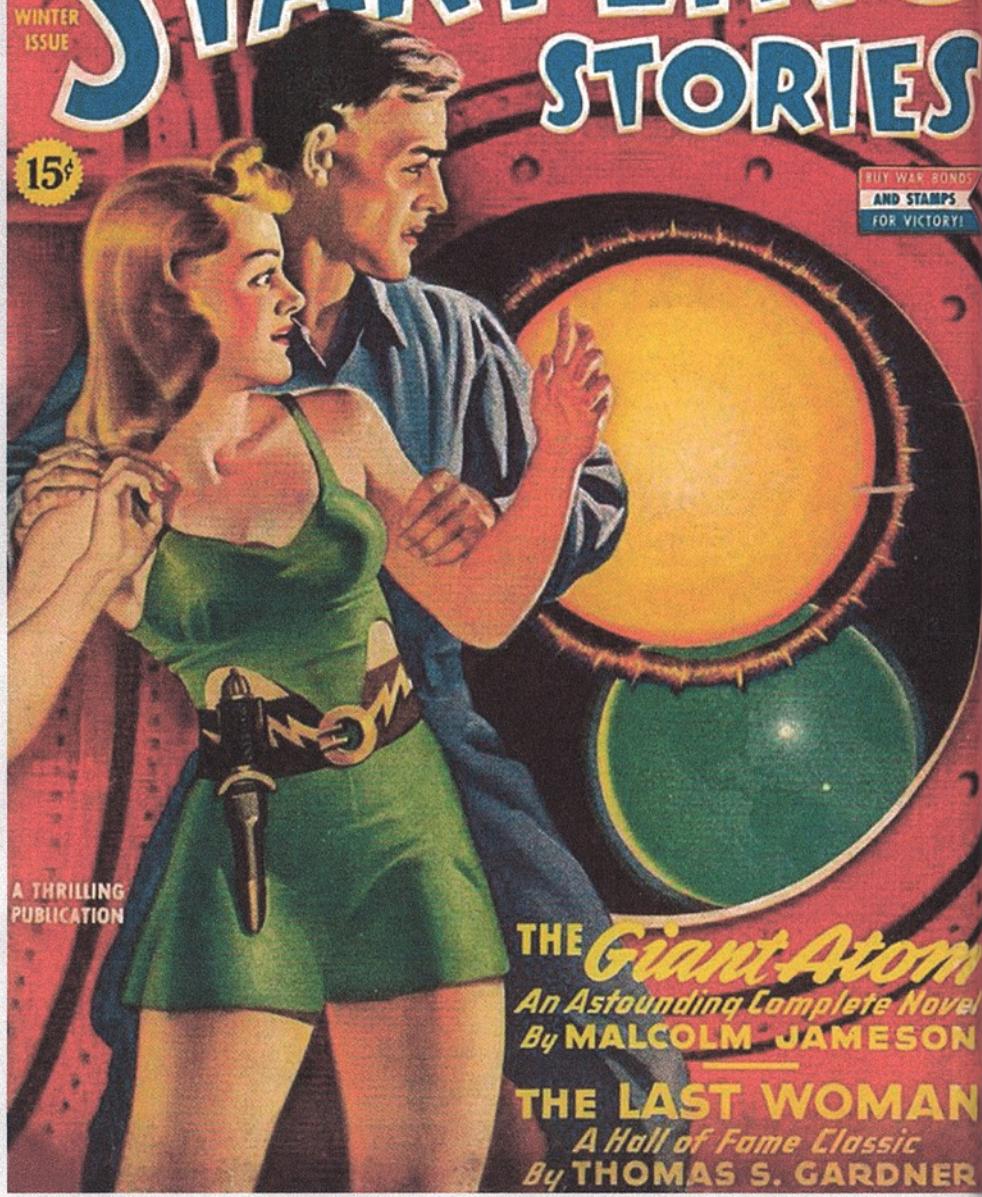
A NOVEL OF THE FUTURE COMPLETE IN THIS ISSUE!

STARTLING STORIES

WINTER
ISSUE

15¢

BUY WAR BONDS
AND STAMPS
FOR VICTORY!

A THRILLING
PUBLICATION

THE *Giant Atom*
An Astounding Complete Novel
By MALCOLM JAMESON

THE LAST WOMAN
A Hall of Fame Classic
By THOMAS S. GARDNER

У МУЗЫКИ СВОЕ ОЧАРОВАНИЕ

ВСЕ НАЧАЛОТЬ ненавязчиво, как это обычно случается с различными бедствиями. Тэкс Дилл, главный детектив в Скай-сити – «Космической Ривьере» – чуть не проигнорировал сообщение. Так было бы лучше – и для его работы и для него самого. Но затем он передумал.

Сначала всегда трудно понять. Полицейский двадцать второго века должен быть постоянно начеку. Даже самый простой случай может значить... да почти все, что угодно!

Работой Дилла было следить, чтобы шантаж, грабежи и убийства никогда не вредили репутации Скай-Сити. Поэтому он проницательным взором просмотрел сообщение, принесенное помощником, и почесал серый ежик волос.

– Проблемы в зоопарке, да? – спросил Дилл парня в форме.

– Да, сэр. Впрочем, не уверен, что это проблема. – Парень ухмыльнулся. – Какой-то тип кинул кирпичом в клетку с вампирами, и маленькие кровососы выбрались наружу.

Кислое, морщинистое лицо Дилла стало еще кислее. Он находился в Лабиринте – саду с хрустальной крышей, расположенным на темной стороне астероида – и разговаривал с милой рыжеволосой девушкой, которая, казалось, была весьма впечатлена должностью Дилла.

Из музыкальной шкатулки под скамейкой доносилась тихая музыка. Рыжая задумчиво смотрела на свои ноги. Дилл жевал голубатую венерианскую сигару.

– Прошу прощения, леди. Важное дело. Я скоро вернусь.

Ответа не последовало. Дилл вздохнул и вышел из Лабиринта через огромный Солнечный зал, где нынешний дирижер оркестра Рэд Венэйбл выступал с возвышения перед аудиторией, собравшейся со всей Системы. Дилл сердито посмотрел на Вэнейбла и получил в ответ довольный взгляд. Потом детектив быстро спустился на лифте в центр полого астероида.

Скай-сити, космическая Ривьера! Экраны и динамики рекламировали аттракционы города повсюду от Венеры до Каллисто – его искусственную гравитацию, атмосферу, специальные условия для жителей всех планет, кухню, за которую отвечал известный шеф-повар Бертрам, и многообразие других развлечений, но не говорили ни слова о Тэксе Дилле, человеке, ограждавшем Скай-сити от мелких воришек и аферистов. Более того! С ним обращались, как с псом.

Детектив с горечью впился в сигару зубами.

Верно, Дилл не был обязан работать так усердно, как он это делал. Но низенький детектив с кислым лицом любил, когда все работает, как часы. Он очень гордился своей работой и предпочитал все делать сам. Кроме того, это давало ему больше причин поворчать.

Дилл прошел по коридору и остановился кивнуть работнику в униформе.

- Ну и?
 - Гости уходят из зоопарка, мистер Дилл.
 - Понятно. А из вампиров кто-нибудь выбрался?
 - Нет – никого меньше карлика-марсианина фотоэлектрические пластины не зарегистрировали. – Работник зоопарка указал на стены. – И мы окружили большинство вампиров соляным кольцом.
 - Хорошо, – проворчал Дилл. – Кто бросил кирпич?
 - Мы не знаем. Никто не видел, как это сделали. Какой-то мальчишка, наверное, – тут их полно вокруг.
 - Гм, – промычал детектив и вошел в зоопарк, большую пещеру, заполненную клетками и прозрачным пластиком.
- Там никого не было, не считая работников… и, разумеется, животных в неволе, самых разнообразных: от крошечных обезьянок до венерианской рыбы-тюленя в аквариуме. Повсюду стояли гравитационные шесты – высокие стержни с дисками, похожими на большие тарелки.
- Мы посолили диски, мистер Дилл. И включена десятикратная гравитация.

ВНЕЗАПНО ИЗ НИОТКУДА появилось вытянутое, змееподобное создание с полуупрозрачными крыльями, как у летучих мышей. Оно спикировало на один из дисков, с грохотом приземлилось и замерло. Работник зоопарка взял палку с петлей на конце, поймал ею создание и высвободил из искусственного гравитационного поля, неподвижно державшего вампира.

Дилл подошел к животному, свернувшемуся в неприветливый, пульсирующий шар. Кроме пасти, никаких отличительных деталей у него не было видно. Создание походило на амазонскую летучую мышь, хотя и являлось рептилией. Родом с Венеры, оно нападало только на спящих животных. Однако, один вампир может высосать большое количество крови, а десятка таких хватит, чтобы убить человека.

- Сколько из них еще на свободе? – спросил Дилл.
 - Шесть или семь. С помощью соли мы их быстро поймаем.
 - Да. Не открывайте зоопарк, пока все не будут отловлены.
- К ним подошел здоровяк с мясистым, багровым лицом.
- Какого дьявола ты тут делаешь? – сверля взглядом Дилла, потребовал он.

Это был смотритель зоопарка Саймон Моргансен.

— Просто проверяю. Есть возражения? — Кислое лицо Дилла выглядело печальнее, чем обычно.

— Да, — сказал Моргансен, — есть. Какого черта ты не занимаешься своими делами? И всюду суешь свой нос.

— Может быть, это и есть мое дело, — проворчал Дилл. — Я должен знать, что происходит вокруг.

Лицо Моргансена стало фиолетовым.

— Мистер Фарго! — завопил он. — Мистер Фарго! Подойдите сюда на минуточку, пожалуйста.

Из-за клетки появился опрятный, энергичный человек, нервный и весь натянутый, как струна. Нервно пыхтя сигаретой, он переводил взгляд то на зрителя, то на детектива.

— Я тут. В чем дело?

Фарго был генеральным директором Скай-сити.

— В нем! — указывая на Дилла, выпалил Моргансен. — Я знал, что он припрется следить за мной. Вот почему я позвал вас! А теперь послушайте. Сбежало несколько безвредных вампиров. Я — смотритель, и это моя забота. Но наш хлопотун лезет повсюду. Повсюду!

Фарго потер лоб, словно у него заболела голова.

— Конечно... пойдемте, Дилл.

Директор пошел к двери, и детектив последовал за ним, злобно глянув на Моргансена, ухмыльнувшегося в ответ.

В лифте Фарго выдул завиток дыма.

— Я предупреждал вас насчет жалоб, — сказал он. — И речь не только о Моргансене. Вы превышаете свои полномочия, Дилл.

— Я знаю свою работу.

— Если бы вы занимались только ей! Послушайте! Если Бертрам находит на кухне испорченный персик, вы тут же оказываетесь там, чтобы исследовать его на яды. Если сбегает несколько вампиров,

MUSIC HATH CHARMS

By HENRY KUTTNER

Detective Dill, Crime-Buster of the Twenty-Second Century, Turns Up a Murderer in Sky City, the Planet of Pleasure!

вы мчитесь в зоопарк. Я не могу отделаться от мысли, что вы просто создаете видимость деятельности.

— Предпочитаю быть в курсе всего...

— Я не потерплю, чтобы вы нарушали работу всего Скай-сити, — раздраженно сказал Фарго. — Я уже предупреждал вас, Дилл. Это последний раз. Если я получу хотя бы еще одну жалобу, я вас уволю.

Лицо Дилла не выразило никаких эмоций, но глаза предательски забегали.

— Понятно? — уточнил Фарго.

— Ага, — мертвым голосом сказал Дилл.

Когда лифт остановился, Фарго вышел, а детектив остался стоять на месте, жуя сигару и пытаясь подавить тесное, удушливое ощущение в животе. Разжалование...

ЛИФТ автоматически остановился на этаже с Лабиринтом, и Дилл вышел из кабинки. В тот момент он выглядел необъяснимо старым, его обычно расправленные плечи ссутулились, а осанкой он перестал походить на дерзкого петуха.

Может быть, Фарго прав. Может быть, он, действительно, совал нос не в свои дела. Но... к черту все! Дилл всегда гордился своей работой, всегда пытался делать ее правильно. Возможно, он просто постарел...

На его плечо легла тяжелая рука, а в ушах загремел голос Рэда Венэйбла:

— Как великий сыщик чувствует себя сегодня? Не очень?

Седой ежик Дилла яростно встопоршился.

— Черта с два. Меня просто тошнит от Скай-сити. Не знаю, почему я еще тут. Я мог бы получить такую же работу в Ривьере Марсопола.

По-мальчишески красивое лицо Венэйбла искривилось в ухмылке.

— Только не ты. Скай-сити уже в твоей крови. Впрочем, я чувствую то же самое. Пробыв тут лишь пару недель, мне уже больно думать об отъезде.

Они подошли к одной из скамеек.

Все еще ворча, Венэйбл опустился на нее.

— Фу-ух, ну, и устал же я! — воскликнул он.

— Устал? На твоей-то должности? Если бы я махал дирижерской палочкой и насиживал калистианскую оперу, мне бы и в голову не пришло...

Дилл внезапно замолк.

Глава оркестра стряхнул пыль с безукоризненно чистой манжеты.

— Флаг тебе в руки, сыщик. Я на ногах с четырех утра по земному времени. Впервые за весь день я могу расслабиться. А уже через

десять минут мне надо возвращаться и сменить Джо на дирижерском посту. Впрочем, Джо хорош. Только послушай это арпеджио!

Венэйбл наклонил голову и принялся кивать в такт музыки, доносившейся из скрытых динамиков, рассеянных по всему лабиринту.

— Если ты называешь это работой, то у тебя космическая лихорадка, — проворчал Дилл.

Венэйбл посмотрел на детектива.

— Послушай. Карьера дирижера очень короткая. Как только начинаются проблемы, все кончено. Шанс вернуться на вершину — мизерный. А знаешь, как не свалиться с нее? Работать до седьмого пота, вот как.

— Гм-м.

— А ты знаешь, что такое оркестровка? Мне знакомы все приемы и сложные ритмы, я знаю, как пользоваться инструментами практически со всех планет. Мой барабанщик — единственный парень с солнечной стороны Плутона, который в состоянии справиться с плутонианским тройным малым барабаном. Думаешь, легко работать, когда эта штука бренчит вся сразу? Жить в двадцать втором веке — не шутка. Пару сотен лет назад нужно было уметь обращаться только с земными инструментами. У стариков: Уайтмэна, Гудмэна и прочих все было просто. А мне нужно знать все струнные, духовые, ударные и всякие иные музыкальные инструменты, используемые от Меркурия до Плутона. Притом знать от и до! — Венэйбл вздохнул. — Сегодня состоится премьера «Стона метеора». Нужно было прослушать инструменты со всех планет, чтобы показать путь метеора из глубин космоса до самого Солнца. Они сильно отличаются друг от друга, но как еще я должен понять, звучат ли они вместе? К тому же, финальная часть там, как в «Болеро»... — Дирижер задумался. — Ну что, моя работа все еще кажется тебе легкой? А вот если бы я был на твоем месте... у тебя под рукой все достижения науки и техники. Как только происходит убийство, ты накачиваешь подозреваемых сывороткой правды...

— Разжалование! — прошептал Дилл, но Венэйбл не услышал его.

— Ты когда-нибудь слышал о конституции? — выпалил тогда детектив. — Конечно, как только найдешь подозреваемых, можешь вкалывать им скополамин, но сначала тебе нужна целая куча улик — чтобы хватило в суде. «Обоснованные доказательства и почва для законных подозрений», — процитировал Дилл. — А это не так-то просто. Кроме этого, моя работа заключается в том, чтобы предотвращать преступления в Скай-сити. Тут пытаются обосноваться аферисты всех видов! Ты бы удивился, узнав, в чем заключались преступные схемы, которые я раскрыл. Один парень сделал такую колоду карт, что масть и старшинство карт были видны для рентгеновских лучей... и у него была искусственная рука со встроенным рентгеном!

— Ну...

ДИЛЛ хотел, чтобы кто-нибудь смог понять его чувства.

— Современное преступление — как Лабиринт, — продолжал он, указывая на гигантский лабиринт, находящийся под прозрачным куполом, лабиринт из толстых живых изгородей высотой по плечо.

— Преступники в курсе последних достижений науки. Больше не существует простых преступлений. Если человек задумал что-то незаконное, он не может позволить подозрениям указать на него. Так что... как только я замечаю что-нибудь хоть немного необычное, мне приходится проверять все возможные варианты.

— Ладно, пора возвращаться к работе, — вставая, сказал Венэйбл.
— Хочешь посмотреть?

— Пожалуй, гляну, — мрачно согласился Дилл и пошел за Венэйблом ко входу в огромный Солнечный зал.

Дирижер остановился, встретившись взглядом с главным официантом, быстро подошедшим к нему.

— Привет, Рекс. Видел сегодня ганимедиан?

— Да — только что вошли две важные шишки, и еще один с Каллисто. Хотя минутку... Эти двое отменили заказанные билеты и ушли в казино. Но гани-калистанин все еще тут.

— Дьявол, — сказал Венэйбл. — Это все портит.

— Почему? — взглянул на него Дилл.

— Ганимедиане — невропаты, знаешь ли. Они обладают повышенной чувствительностью к определенным цветам и звукам. Проблема в том, что в моей новой пьесе — «Стоне метеора» — есть отрывок, который может навредить ганимедианам. Он на две октавы выше си. От этого у них просто раскалывается голова.

— Да, я помню, — кивнул детектив. — Значит, придется сыграть что-нибудь еще?

Венэйбл покачал головой.

— Не-а. Я сделал две версии «Стона метеора» — одна из них без этого отрывка, на случай, если в зале есть ганимедиане. Она не такая хорошая, как полная версия. Но все же...

Дирижер вздохнул, кивнул Диллу и поднялся на помост под аплодисменты, часть из них передалась через усилители, установленные в прозрачных пластиковых куполах, под которыми жители различных планет обедали в искусственной атмосфере и гравитации.

Дилл повернулся к главному официанту.

— Где этот гани-калистанин?

— Вон там. Переселенец в третьем поколении. Его семья много десятилетий живет на Каллисто, — они болотные фермеры. Его имя — Хек Даддаби. Выиграл какое-то соревнование и в качестве награды получил путевку в Скай-сити. Кажется, он в полном восторге, да?

Это было правдой. Низенький ганимедианин с добрым лицом, висящими, как у спаниеля, ушами и носом, похожим на пуговицу, расположившимся над маленьким, печальным надутым ртом, казалось, пребывал в полнейшем восхищении. Всю свою жизнь, он, возможно, жил в нищете – а теперь это! Скай-сити! Его толстое тело довольно дрожало. Все ганимедиане толстеют, когда покидают родной мир.

Дилл вышел из зала. Он чувствовал себя уставшим и опустошенным. Обычно, в это время он совершил рутинный обход, но сегодня, вспомнив разговор с Томом Фарго, не решился. Хлопотун, сующий нос не в свои дела.

Ну, его присутствие в Казино, в любом случае было оправдано. Жужа сигару, Дилл бродил между игровыми столами с кислым и мрачным видом. Сегодня шулеров не наблюдалось. Час назад он получил два сообщения, которые раньше бы означали незамедлительное расследование – но сейчас детектив счел их мелкими недоразумениями. Прохудившийся кислородный шланг и венерианин с острым приступом ринита... Если бы Дилл стал все проверять, то опять вмешался бы в чужие дела.

ПОТОМ пришло третье сообщение. Зубы Дилла вцепились в сигарету сильнее прежнего. Он шепотом выругался, сердито посмотрел на работника, принесшего записку, и услышал, как в голове зазвенел тревожный звоночек. Этот звук всегда означал опасность. Дилл верил своему чутью.

– В лазарете, да?

– Все верно, сэр.

Лазарет находился под управлением сторонника строгой дисциплины, горячо возмущающегося в ответ на всяческие вмешательства в его деятельность. Ну и что? Дилл отлично знал, что доктор Амос Галлагер воспротивится вторжению детектива.

– Вот черт! – воскликнул Дилл и, чуть ли не оттолкнув работника, побежал к ближайшему лифту.

В палате реанимации лежали двое ганимедиан, осунувшиеся и без сознания. Дилл внимательно посмотрел на них и узнал Ваг'гу ден Зони и Барона та Нор'фала, совладельцев «Эйрфлэйкс», известной ганимедианской продовольственной компании. Ден Зони походил на дьявола, согласно концепции Доре*, не считая ушей спаниеля и очков без оправы. Его тонкие губы постоянно подергива-

* Поль Гюстав Доре (1832 - 1883) - французский гравер, иллюстратор и живописец, знаменит своими иллюстрациями Библии (прим. перев.)

вались – синдром неврастеника. Кольца с драгоценными камнями покрывали его щупальцевидные пальцы.

У Барона та Нор'фала была густая борода, состоящая из разноцветных полосок, и он носил простую черную форму, которую в данный момент снимали с него интерны. Единственное, что осталось на его теле, – огромная тиара с бриллиантами.

Доктор Галлагер, большой белолицый человек с холодными глазами, протопал вперед.

– Опять ты, Дилл? Фарго же пообещал, что ты не будешь совать нос в мою вотчину!

– Простая проверка, – сдерживая гнев, ответил Дилл. – У вас все в порядке?

– Да! – взорвался Галлагер. – Я и сам могу со всем разобраться! Тут все проще некуда – вырвавшиеся на свободу вампиры забрались в номер ганимедиан и укусили этих двоих. Переливание все исправит. Узнал, что хотел? А теперь выметайся!

– Прошу прощения, – сказал Дилл. – Думаю, я останусь еще ненадолго.

Галлагер стал фиолетовым, как свекла.

– Раз так, – тихо сказал он, – я обо всем расскажу Фарго. – Закончив угрожать, он повернулся к интерну. – Покажи мне их карты.

– Да, доктор. Вагга ден Зони – группа крови Х-4. Барон та Норфал – группа D.

Галлагер закусил толстую губу.

– Х-4? Где мы достанем Х-4? Одна из редчайших групп во всей Системе. Группы D для Норфала у нас полно, но Х-4 свертывается в любой среде.

Интер выглядел обеспокоенным.

– Мне сходить за группой D?

– Да. Для Нор'фала. Начинай переливание. Кажется, второму нам придется влить вместе с плазмой крови соляной раствор.

Дилл отошел в угол, а его проницательные глаза продолжали наблюдения. Он смутно чувствовал, что что-то не так – но что именно, понять не мог. Разумеется, это означало конец его карьеры, предупреждение Фарго было весьма ясным. Если Дилл снова вмешается... Но любой человек должен выполнять свою работу, причем как можно лучше. Такое происшествие, незначительное на первый взгляд, требует расследования. Это была теория Дилла. Даже если он ошибся в этот раз, принцип сохраняется.

Ему придется остаться и наблюдать – пусть это и приведет к разжалованию.

Доктор Галлагер выкрикнул что-то нечленораздельное.

– Тот другой ганимедианин... каллистианский иммигрант! Разве у него не Х-4?

— Да, сэр! — взмахнув другой картой, сказал интерн. — У него именно такая! Мне сходить...

— Приведи его! Убедись, что он согласен на переливание. Вот это удача! Он определенно единственный, не считая ден Зони, у кого в Скай-сити группа крови X-4.

ДИЛЛ выхватил карту у убежавшего интерна и краем глаза заметил сердитый взгляд Галлагера. Но доктор был слишком занят, чтобы возмущаться. Дилл просмотрел отчет. Хек Даддаби, потомок болотных фермеров, обладал отличным здоровьем. Медицинская карта, составляемая на всех посетителей Скай-сити, ясно показывала это.

Вскоре прибыл Хек Даддаби, похожий на спаниеля еще больше обычного. Он говорил тихо и часто проглатывал буквы.

— Я что-то сделал не так, господа? — поинтересовался он. — Бояюсь, я об'ечен попадать в неп'иятности. С нашей семьей всегда так было. Моему деду п'ишлось оставить Ганимед, чтобы спасти свою жизнь, и с тех пор нас п'есследуют неудачи. Из огня да в полымя, как вы гово'ите. Я улечу сию же секунду, — я и не должен был п'и-летать. Я всего лишь бедный болотный фелмел...

— Постойте, — сказал Галлагер. — Мы хотим попросить вас об одолжении, мистер Даддаби.

— Мистер? — Глаза существа заблестели. — Вы назвали меня мистером? Ох, вы слишком доб'ы ко мне.

Галлагер объяснил ситуацию, и от изумления у Хека Даддаби открылся рот. Он повернулся, чтобы взглянуть на операционные столы, где лежали неподвижные фигуры.

— Барон та Нор'фал и Вагга ден Зони? Я бы отдал им и свое се'дце!

— Это ваши друзья?

— Послушайте, — возбужденно сказал Хек Даддаби. — Я бедный болотный фелмел. Я работаю с ут'а до ночи. Как-то 'аз «Эй'флэйкс» о'ганизовала конку'с! Посылаете шесть этикеток и эссе. Я так и сделал. И выиг'ал. Я выиг'ал восьмой п'из — оплаченную путевку в Скай-сити. Тут п'осто чудесно! И посмотрите на этих двоих...

— Он указал на лежащих без сознания ганимедиан. — Они владеют компанией «Эй'флэйкс».

Дилл нахмурился, а Галлагер и интерны занялись работой. Потом детектив пристал к одному из практикантов.

— Сколько времени это займет?

— Немного. Мы используем последние достижения науки. Стимулирующие лучи. Все трое этих парней будут в сознании уже через час. Во время переливания мы закачиваем в кровоток гормоны.

Интерн убежал, когда Галлагер прикрикнул на него. Дилл повернулся к двери и остановился, когда доктор выпалил ему в спину:

— Я прослежу, чтобы Фарго узнал о том, что ты опять совал нос в мои дела...

— Ага, — сказал Дилл и ушел.

У него появилась идея.

Оказавшись в своей квартире, он включил телерадио. Чтобы настроить его на нужную волну, ушло некоторое время, но, наконец, Дилл приступил к прослушиванию.

— Обзор новостей с Ганимеда. Война между Матомой и Южным Герном все еще в разгаре, обе армии роботов пребывают в полной боевой готовности. Майор Танн офф Орлуз слег с инфарктом и находится при смерти. Красная чума свирепствует к югу от полюса, уничтожая диких люпинов, животных, похожих на земных кроликов. К счастью чума уже не смертельна для ганимедиан из-за естественного иммунитета, приобретенного двумя последними поколениями. Корабль развлечений «Белое небо» был конфискован властями. Это любовное гнездышко совершило набег...

Дилл прикусил сигару. Наконец, он послал сообщение на Каллисто, отметив его «CQD», что означало наивысшую срочность, и написал его большими буквами и курсивом. Сообщение, отправленные полиции с маркировкой «CQD», являются вторыми по важности, после сообщений Космического Патруля.

ЗАЗВОНИЛ аудиофон.

— Мистер Фарго вызывает мистера Дилла. Мистер Фарго вызывает...

Дилл не ответил. Он и так знал, что нужно Фарго! А у него пока не было достаточно улик, чтобы дать обоснование необходимости скополаминового теста.

Не то, чтобы это было нужно. Зная психологию ганимедиан так хорошо, как он, Дилл понял, что ганимедианский преступник, вероятно, сломается и во всем сознается, если его ткнуть носом в неопровергимые улики. К несчастью, после этого часто наступает маниакально-депрессивный припадок, и ганимедианин может впасть в неистовство.

Дилл нащупал на бедре пистолет, скрытый под хорошо сидящим, элегантным, темно-синим пальто.

Но нельзя позволить Фарго вмешиваться — пока нельзя. Это разрушит все планы детектива.

К этому времени Дилл убедился, что в Скай-сити было совершено преступление, и, чтобы это доказать, ему не хватало только одного. Через полчаса он раздобыл эту улику. Зажужжало телерадио. Дилл подскочил к нему.

– Да? Что они сказали? Патология? Умер от последствий? Отлично! Спасибо службе «CQD».

Он повернулся к аудиофону.

– Это Дилл... Текс Дилл. Где ганимедиане, которым только что перелили кровь?

– Они в Лабиринте, сэр. Мистер Фарго хочет поговорить с вами.

– Я свяжусь с ним позже, – отрезал Дилл и побежал к двери.

Лифт, поднимающий по уровням Скай-сити, двигался слишком медленно для детектива. Когда открылась дверь, Дилл пулей вылетел оттуда, чуть не сбил с ног какого-то гостя города и направился к Лабиринту.

У входа он остановился, пытаясь обнаружить ганимедиан. Хотя живые изгороди были всего лишь по плечо высотой, ни Нор'фала ни ден Зони видно не было. Они, наверное, сидели на одной из скамеек. Тихая музыка, доносящаяся из Солнечного зала, показалась Диллу неуместной.

Кто-то грубо схватил его за руку.

– Дилл! Вот ты где, черт возьми.

Это был Фарго, его узкое лицо покраснело. Дилл попытался вырваться.

– Не сейчас, мистер Фарго. Я наткнулся на кое-что важное. Я...

Хватка управляющего усилилась.

– Это может подождать. Доктор Галлагер сказал, ты приходил в госпиталь и приказывал, что ему делать. Я гонялся за тобой по всему Скай-сити. Что ты задумал?

Дилл пожевал сигару.

– Расскажу позже. Дайте мне пять минут...

Губы Фарго искривились.

– Если у тебя что-то есть, выкладывай прямо сейчас. Я уже устал от твоих «расследований». Жалоба доктора Галлагера была последней каплей. Ты разжалован, Дилл. Извини, но это твоя вина.

Детектив напрягся, над скулами выступили два красных пятна.

– Хорошо, – сказал он через секунду. – Я разжалован. А теперь отпустите меня. Меня ждет работа.

– Ты освобожден от службы. Кажется, ты совсем спятил!

– Да, ради Христа, послушайте! – закричал Дилл. – По Лабиринту бродит ганимедианин, одержимый мыслью об убийстве, и он уже пытался совершить преступление! Я хочу поймать его до того, как он натворит что-нибудь еще. Вы же знаете, как эмоционально нестабильны ганимедиане. Он может слететь с катушек!

Фарго уставился на детектива.

– Что?

— СЕГОДНЯ вечером из зоопарка были похищены шесть вампиров, — с яростным терпением продолжал Дилл. — Фотоэлектрические пластины не засекли ни одного объекта такого размера, и я предположил, что кто-то вынес созданий с собой. Думаю, под пальто или в специально сделанной для этого клетке. Вот почему ден Зони и Барон та Нор'фала укусили, — вампиров выпустили в номере ганимедиан!

— О чём, черт побери, ты говоришь? — потребовал Фарго.

— Об убийстве, — прорычал Дилл. — У меня есть улики. Я отправил на Каллисто «CQD» запрос и узнал, кто убийца. Так что...

Стена рядом с ними яростно затряслась. Раздался резкий, пронзительный крик и бешеный вой. Из-за стены вырвалась голубая вспышка аннигиляционного луча и, описав дугу, погасла. Застучали шаги. Лицо Дилла побелело.

— Святой Юпитер! — прошептал он. — Они услышали нас! Они были с другой стороны стены!

Детектив рванулся влево, ошаращеный Фарго сразу за ним, и они как раз успели обогнать лиственый парапет, чтобы увидеть убегающих ганимедиан: Ваггу ден Зони и Барона та Нор'фала.

В тусклом свете было трудно отличить их друг от друга, и понять, кто за кем бежал. Но вторая фигура, наспех прицелившись, выстрелила голубым лучом, и убегающие ганимедиане сразу же скрылись за углом.

Преступники исчезли в Лабиринте. Дилл пробежал вперед и пригнулся, чтобы увернуться от выстрела. Он вытащил пистолет, но тут же затормозил.

— В Лабиринте куча народу, — сказал он. — Я не смею...

Фарго побледнел.

— Он пытался убить... Дилл, нам надо их остановить!

Сигара Дилла превратилась в лохмотья.

— Зачем вы только заставили меня все рассказать? — быстро проговорил детектив. — Они услышали меня, поняли, что я все знаю, и впали в безумие! В этом все ганимедиане. Чокнутые невропаты... Теперь они прижимаются к земле — держатся ниже стен. Играют в жмурки. С аннигиляционным лучом!

— Все выходы из Лабиринта находятся на террасах наверху, — заметил Фарго. — Они не выберутся, оставшись незамеченными.

Оба человека принялись осматривать живую изгородь. Признаков движения не было видно. Но где-то там находился убийца, высаживающий свою добычу — и безобидные, ничего не подозревающие гости Скай-сити, разбросанные по всему Лабиринту.

— Пойдем за ними, — взвыл Фарго. — Нам больше ничего не остается.

— Если убийца увидит нас, то сожжет своим лучом, — заметил Дилл. — В таком состоянии он может впасть в бешенство, словно дикий кабан, и сравнять с землей хоть весь Лабиринт, чтобы добраться до цели. Мы не можем так рисковать.

— Но мы должны что-то сделать!

Повисло молчание, нарушающее только музыкой Рэда Венэйбла, разносящейся через сотню динамиков.

— Я знаю! — воскликнул Дилл и развернулся.

Он умчался в Солнечный зал, быстро и грубо переговорил с Венэйблом, а затем вернулся. Фарго посмотрел на него с вопросительным беспокойством.

— Ну?

— Ждите. Готовьтесь.

МУЗЫКА прекратилась. И зазвучала снова, на этот раз уже немного по-другому. И, внезапно, из глубин Лабиринта раздался пронзительный вой, полный муки.

Затем еще один, даже громче, чем прежде.

Дилл расслабился.

— Сработало, — сказал он. — Идемте!

— Но...

Детектив уже тащил управляющего через живые изгороди.

— Я сказал Венэйбулу, чтобы он сыграл отрывок из «Стона метеора». Он повторяет его снова и снова. Вечером он сказал мне, что вырежет его, поскольку в зале присутствовали ганимедиане. Этот отрывок на две октавы выше си, от чего ганимедиан охватывает жутчайшая нервозность. Можно не торопиться. Только послушайте эти вопли!

Они увидели Ваггу ден Зони, очки его исчезли, руки зажимали уши, а лицо искривилось от боли. Дилл протащил Фарго мимо воющего ганимедианина.

— Не будем тратить на него время. Нам нужен Барон.

Они нашли Барона через минуту или около того, сидящего посреди дорожки, пытающегося заткнуть уши и дергающегося, как рыба, выброшенная на берег. Он жалобно вопил. Увидев землян, он сделал отчаянную попытку схватить излучатель, лежащий рядом с ним, но Дилл подскочил и ногой отшвырнул оружие в сторону. Затем заковал тощие запястья ганимедианина в наручники.

— Ладно, — сказал он. — Теперь можно сказать Рэду, чтобы он сменил мелодию.

Фарго кивнул и убежал.

Через минуту музыка изменилась, превратившись в сонный вальс. Крики ганимедиан стихли. Фарго вернулся вместе с Ваггой ден Зони.

— Он пытался меня убить! — задыхаясь, воскликнул последний.
— Он... он...

— Конечно, — успокаивающе сказал Дилл. — Но теперь все позади. Мы закроем Барона в камере и будем накачивать его скополамином, пока он не признается. Вам лучше прилечь, мистер ден Зони. И примите успокоительное.

Пошатываясь, ганимедианин ушел, поддерживаемый спешно вызванным работником Лабиринта, в то время как второй работник уводил Барона та Нор'фала, выкрикивающего страшные и загадочные ругательства на своем языке.

Фарго опустился на скамейку и дрожащими пальцами зажег сигарету.

— Все кончено, — спокойно сказал Дилл. — Никаких происшествий, никаких несчастных случаев. Но я чуть не опоздал.

ФАРГО благодарно вдохнул дым в легкие.

— Я... да. Что это было? Вот. Сядь и все расскажи!

Детектив подчинился.

— Я уже рассказал, как вампиры попали в номер ганимедиан. Так вот, Барон хотел, чтобы стало необходимым переливание крови. Для ден Зони, по крайней мере. Он позволил вампирам напасть и на себя, чтобы снять с себя подозрения.

— Переливание?

— У Вагги ден Зони редкая группа крови, — X-4, — ни одна больница не может хранить ее дольше пары часов. Барон все спланировал заранее. Они с ден Зони владеют компанией «Эйрфлэйкс», как вы знаете. Когда они устроили конкурс, та Нор'фал проверил всех и нашел того, у кого такая же группа крови... и кое-что еще. Барон все устроил так, чтобы путевку на Скай-сити выиграл молодой каллистианский болотный фермер Хек Даддаби. И убедился, что они с ден Зони окажутся тут в одно и то же время. Зачем? Чтобы ден Зони перелили кровь Даддаби.

— Но ведь Даддаби совершенно здоров, — возразил Фарго. — Доктор Фарго проверил это перед тем, как начать переливание.

— Красная чума, — сказал Дилл. — Вот ответ. Хуже, чем старая черная чума на Земле. Еще три поколения назад красная чума периодически сметала население Ганимеда. Она травила ганимедиан, как хлор комаров. Потом раса обрела естественный иммунитет, и после этого чума убила лишь несколько существ. Но дед Хека Даддаби покинул Ганимед, чтобы сбежать от красной чумы. Он переехал на Каллисто, где вирус не может существовать. Вот что я уточнял по космическому телеграфу.

Фарго начал понимать.

— Хочешь сказать...

– Кровь Даддаби имеет наследственную уязвимость, и Барон приложил все усилия, чтобы выяснить это. Находясь на Каллисто, вдали от вируса, семья Даддаби не получила иммунитет против чумы. И если бы Даддаби вернулся на Ганимед и подхватил бы вирус, то умер бы через пару часов. Дважды два равно четыре. Барон планировал накачать Ваггу ден Зони кровью Даддаби, у которой нет иммунитета к чуме, свирепствующей на Ганимеде прямо сейчас. Теперь она убивает только животных, но, попади туда ден Зони, долго он бы не протянул. Но, узнав ответ, мы можем дать ден Зони противоядие, которое обеспечит ему искусственный иммунитет. Через неделю он уже будет готов вернуться на родину.

– Чертова комета! – воскликнул Фарго. – Вот дьявол! Но... зачем Барону это нужно? У него же должен быть какой-то мотив.

– Это я тоже выяснил. Вагга ден Зони настаивал на том, чтобы большая часть прибыли возвращалась в компанию, а у него пятьдесят один процент акций. Мотивом была обычная жадность. Как всегда. – Дилл выбросил сигару. – Так что все сходится. Прошу прощения, что мне пришлось засунуть нос в зоопарк и больницу, но... иначе я не мог. – Он пожал плечами. – Я улетаю на Землю со следующим рейсом.

– Что? – Фарго подпрыгнул.

Прежде чем Дилл успел ответить, у живой изгороди появилось двое: смотритель зоопарка Моргансен и доктор Галлагер. Увидев детектива, их глаза победно засверкали.

– Вижу, вы нашли его, мистер Фарго, – ухмыльнулся Галлагер.

– Мы не собираемся быть с Диллом слишком суровыми, – сказал Моргансен. – В конце концов, он уже весьма старый. Но, думаю, извинение...

– Извинение, – тихо сказал Фарго. – Хорошая мысль. Да, думаю, извинение необходимо.

НА ЛИЦЕ доктора Галлагера появилась ухмылка. Но она тут же исчезла, когда Фарго продолжал:

– Ты знаешь свое дело лучше всех, Дилл. Если оно приводит тебя в больницу, зоопарк или мой кабинет, все нормально – с этого момента у тебя *карт бланши*. Жаль, что я не понял этого раньше. В любом случае – приношу извинения!

– Но... но... но... – забормотал покрасневший Моргансен.

Доктор Галлагер попятился.

– *Что? Что вы сказали?*

– Мне нужно составить отчет, – улыбнулся Фарго. – Увидимся позже, Дилл. Я уверен, что Моргансен и Галлагер хотят вам что-то сказать, так что я пойду.

– Вы ожидаете, что я... извинюсь перед... этим...

— Делайте, как считаете нужным, — бросил Фарго через плечо. — Вам решать, хотите ли вы тут дальше работать или нет.

Он исчез. Дилл нашел новую сигару, сунул ее в рот и стал ждать.

Галлагер обменялся с Моргансеном долгим, озадаченным взглядом. Затем, словно слова вызывали невыносимую боль, он гневно посмотрел на Дилла и пробормотал нечто, похожее на извинение. Моргансен повторил за ним.

И оба, готовые взорваться, развернулись и зашагали прочь из Лабиринта. Дилл усмехнулся.

— Ох, какой же вы замечательный, мистер Дилл, — раздался позади него чей-то голос. Я все слышала.

Он обернулся. Это оказалась симпатичная рыжая девушка, с которой он разговаривал, когда получил сообщение из зоопарка.

В ее улыбке светилось поклонению герою.

— Я ждала, — сказала она. — Вы обещали вернуться. Не могу даже представить, что значит работать тут детективом!

Дилл уселся на скамейку рядом с ней.

— Гм-м... — проворчал он с кислым лицом. — А вы чем занимаетесь?

— Я школьная учительница. В отпуске.

— Да? — яростно прикусив сигару, спросил Текс Дилл. — Да, ваша работа гораздо проще. Я бы сию же минуту поменялся с вами. Я сейчас...

И он ушел!

Music hath charms, (Startling Stories, 1943 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

SPECIAL ROBERT BLOCH ISSUE

Weird Tales[®]

Spring 1991

US \$4.95

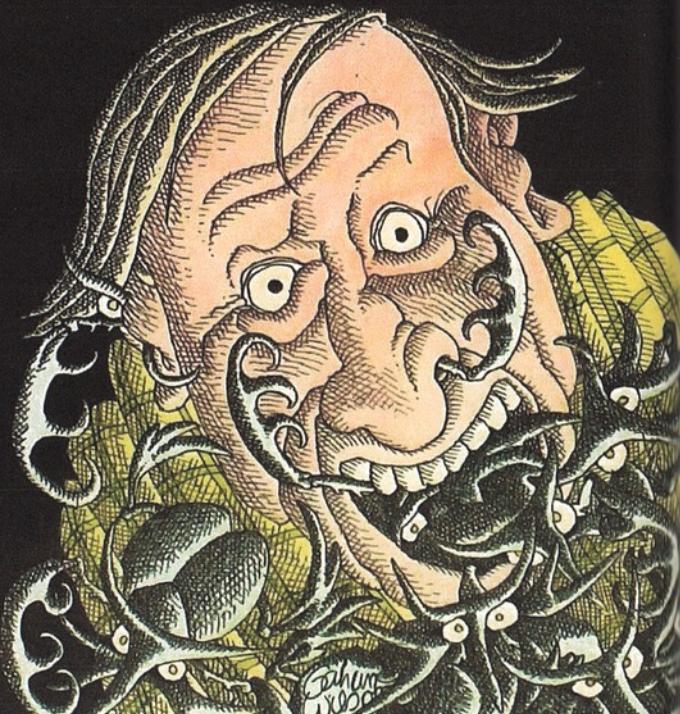
HENRY
KUTTNER

Ray
Bradbury

Lawrence
Watt-Evans

Michael
Rutherford

Artwork
by
GAHAN
WILSON

МЕШОК-КУСАКА

— У меня тут в мешке, — сказал низенький, сморщеный человек, — призрак.

Никто не проронил ни слова. Всем хотелось узнать, в чем смысл шутки. Но человечек выглядел смехоторно серьезным.

— Мне не нужен этот призрак, — продолжал он. — Я желаю прощать его. Кто-нибудь предложит десять долларов?

Кто-то протянул банкноту.

— Спасибо, — поблагодарил низенький и ушел.

Никто не понял, кто это был и как он попал сюда. Праздновали конец недели и не жалели алкоголя, а когда хозяин предложил устроить импровизированный аукцион, всем показалось это очень веселым. На продажу были выставлены самые фантастические вещи — от использованной зубной щетки до курицы, найденной в соседском курятнике. Никто не удивился, когда Орлин Кайл купил привидение, поскольку он был душой компании, стройным парнем с пухлым лицом, склонный к хохмам и подшучиваниям.

Итак, он купил привидение или то, что на самом деле лежало в мешке. Морщинистый человечек ушел так быстро и беспрепятственно, что расспросить его никто не успел, и лишь позже люди заинтересовались, кто он такой и как сюда попал. Но никто не приложил каких-либо усилий, чтобы узнать это, поскольку выпивки было много, а Кайл был в ударе и беспрестанно отпускал шуточки насчет мешка.

Это был простой брезентовый мешок, чем-то наполненный, но удивительно легкий для своих размеров. Форма менялась, как сама по себе, так и при сжимании, нажатии или тычке, так что было не-понятно, что на самом деле находится в мешке. Мешок был тугу завязан толстой веревкой. Кайл перекинул мешок через плечо и бродил по дому, рассказывая истории всем, кто хотел слушать его. Благодаря опьянению, многие находили его примитивные попытки пощутить забавными — с чем он полностью соглашался.

Шатаясь, Кайл вошел в кухню и нашел хозяина Джонни Вэйла, подмигивающего миссис Вэйл через стол, заставленный бутылками и стаканами.

— А вот и Орри, — сказала миссис Вэйл, маленькая грустная брюнетка с печальными глазами, правда, сейчас слегка остекленевшими.

— Со своим другом, — добавил Кайл. — Могу я заинтересовать вас привидением?

— Тебе налить стаканчик? — предложил Вэйл.

- Налить. И даже два.
- Не напивайся, как свинья, – взяв бутылку и стакан, сказала миссис Вэйл.
- Я и не собираюсь, – подтолкнув второй стакан к бутылке со скотчем, ответил Кайл. – Один для меня и один для призрака. Он тоже хочет выпить, знаете ли.
- Причем тут признаки? – спросил Джонни Вэйл.
- Ах, да – вы ведь не дождались конца аукциона?
- Кайл объяснил, откуда взялся призрак, и что произошло дальше. Ближе к концу рассказа, Вэйл с женой начали смотреть на мешок с неподдельным интересом.
- Итак, – заключил Кайл, – теперь я владелец настоящего живого призрака.
- Или мертвой кошки, – сдавленный смешок Джонни Вэйла был одновременно скептическим и неприятным.
- Кайл не обратил на него внимания, взял со стола первый стакан и опустошил его одним глотком. Когда он собрался проделать то же самое со вторым, миссис Вэйл резко взмахнула рукой.
- Стой… ты же сказал, что это для призрака.
- Прошу прощения, моя ошибка. Он не пьет на пустой желудок. Придется допивать самому.
- Миссис Вэйл засмеялась, щедро наливая себе на три пальца, а ее глаза нервно скользнули по мешку.
- Орри, а что в мешке на самом деле?
- Давайте глянем. – Джонни Вэйл нагнулся и осторожно поднял мешок. – Не очень тяжелый, да?
- Призраки, как правило, легкие, – сказал Кайл.
- Вэйл пробежал рукой по основанию мешка.
- Внутри точно что-то есть. И наощупь оно… мягкое.
- Хочешь сказать, приятное? – Фрэн Вэйл засмеялась снова. – Дай его мне, Джонни.
- Вэйл бросил мешок ей.
- Она выронила стакан, и он разбился об пол, когда она поймала мешок.
- Никто не обратил внимания на происшедшее.
- Фрэн Вэйл осторожно ткнула в мешок указательным пальцем.
- Ты прав, Джонни. Я тоже что-то чувствую. – Ее губы скривились в улыбку, и она начала гладить выпуклость под тканью. – Хороший призрак, – замурлыкала она. – Хороший…
- Кайл покачал головой.
- Совсем нет, – прошептал он. – Его засунули в мешок не просто так. Может быть, у него есть когти. Или зубы.

— Тогда почему он не прогрыз мешок? — фыркнул Джонни Вэйл.
— А может, ему не нравится вкус брезента, — наливая еще один стакан, сказал Кайл и, подняв голову, взмахнул рукой. — Подожди, Фрэн... не тряси его!

— Почему? — Она начала возиться с веревкой, перевязывающей верх мешка. — Кончай валять дурака, Орри. Давай посмотрим, что там внутри на самом деле...

Внезапно, Фрэн тихо и испуганно вскрикнула и отбросила все еще завязанный мешок в сторону. Мешок беззвучно приземлился на пол и начал загадочно вздуваться.

— Нет, — сказала она. — Я... я... — Ее голос стих, но она выдавила из себя улыбку. — Орри, в нем что-то живое.

— Конечно, — сказал Кайл. — Полуживое. Призрак.

Миссис Вэйл повернулась и подошла к двери. Ее походка была неровной, а, когда она остановилась в дверях, чтобы взглянуть на мешок, в ее глазах сверкнул страх.

— Я выпила больше, чем нужно, — пробормотала она. — Гораздо больше.

Она вышла в зал, а ее пальцы рассеянно блуждали по губам.

Джонни Вэйл сердито посмотрел на Кайла.

— Что за черт? — сказал он. — Ты напугал ее. Сильно напугал.

— Не я. — Кайл указал на мешок. — Оно.

Пальцы Вэйла сжалась в кулак.

— Послушай, Орри. Заканчивай со своими шутками...

— Ну, тогда выпей еще стаканчик и успокойся. — Кайл взял с пола мешок и направился к выходу.

— Эй, куда это ты собрался? — догнал его голос Джонни Вэйла.

— За Фрэн. Надо же извиниться, верно?

— Верно.

Хозяин вечеринки расслабился, помахал Кайлу вслед, и тот крепко сжал горловину мешка, идя по залу.

Кайл нашел миссис Вэйл в гостиной, сидящей на диване с двумя гостями. Все трое были спиной к выходу из зала, но Кайл узнал компаньонов Фрэн Вэйл по прошлой встрече. Пит и Эйлин Клемент, молодая супружеская чета, которая, казалось, была не в своей тарелке на этой людной вечеринке. Парень, как вспомнил Кайл, был одним из вежливых, но глядящих на других свысока людей. Что касается его жены... это было совсем другое дело — кудрявая малышка с большими круглыми глазами...

Кайл подкрался к ним сзади и резко взмахнул мешком прямо перед испуганным лицом миссис Вэйл. Результат превзошел все ожидания. У нее был такой вид, словно она вот-вот грохнется в об-

морок. С криком вскочив, она оттолкнула мешок и, пошатываясь, побежала прочь. Кайл опередил ее.

Усмехаясь, он загнал женщину в угол, размахивая мешком из стороны в сторону и развлекая Клементов. Кайл заметил, как Пит Клемент прищурился, но глаза Эйлин округлились. Именно это и было нужно Кайлу – привлечь ее внимание. Что касается миссис Вэйл, ее вниманием он завладел уже давно, хотел он этого или нет, глупая курица.

- Не надо, Орри, – сказала он напряженным голосом.
- Пожалуйста...
- Буу! Призрак хочет увидеть тебя.
- Орри... Я не...
- Буу! Хочешь увидеть призрака?
- Нет... прекрати... пожалуйста, Орри...
- Кончай дурачиться, – вставая с дивана, сказал Пит Клемент. – Это уже не смешно!

Муж Эйлин был худым, и Кайл нарочно не обращал на него внимания, пока тот не схватил его за плечо и развернул к себе.

Кайл бросил мешок и ударил Клемента в челюсть. Парень отшатнулся и налетел на только что вошедшего Джонни Вэйла.

Миссис Вэйл воспользовалась возможностью убежать. Кайл погнался за ней и, когда Джонни Вэйл перегородил ему путь, сделал глупость, попытавшись ударить и его.

В результате Орлин Кайл грохнулся на спину, сбив торшер, и ударился головой так, что потерял сознание.

Когда он очнулся, то увидел рядом с собой блондинку. Она держала два стакана и бутылку с бренди.

Простонав, Кайл приподнялся на локте, заметив, что в тусклом помещении больше никого нет. Пристально глядя на девушку, он потер ушибленный затылок.

- Ну, ты и дурак, – сказала блондинка. – Вот выпей. Полегчает.
- Это была невеста Кайла Сандра Оуэн. Она сунула ему стакан, налила примерно на треть и поднесла бутылку к своим губам. Они выпили вместе.
- Сколько я был в отключке? – спросил Кайл.
- Не знаю. Мне только что сказали...
- А где ты была все это время?
- Неподалеку. – Она предвосхитила дальнейшие расспросы, налив еще один стакан. – Выпей второй. Полезно для печени.
- Меня не били в печень.
- Ты же знаешь, что с Джонни не стоит связываться, – сказала она. – Он противный тип.

– Он к тебе не приставал?

Сандра покачала головой и указала на мешок, лежащий рядом с ними.

– Это тот мешок, о котором я столько слышала?

– Да, – буркнул Кайл и пошевелил челюстью.

– Где ты его взял?

– На аукционе. – Он внезапно нахмурился. – Черт возьми, Сандра, куда ты пропала с самого начала? Я хочу знать...

Она покачала головой

– Сначала ответь ты. Кто тебе продал этот мешок?

– Не знаю. Какой-то старик, который неизвестно откуда взялся. До этого его никто не видел.

– Фрэн говорила, что ты считаешь его колдуном.

– Это просто часть шутки.

– Ну, она-то в это верит. Фрэн называет себя медиумом. Вот почему она так испугалась того, что находится в мешке.

– Психопатка она, вот кто, – сказал Кайл. – В мешке ничего нет.

– А ты проверял?

Кайл покачал головой. Кончики его пальцев начали неметь, так что он выпил еще стаканчик.

– Дай взглянуть, – попросила Сандра.

– Еще рано.

– Почему? какая теперь разница? Твоя шутка все равно провалилась.

Действительно ли это так? Кайл нахмурился. Он заварил эту кашу не для того, чтобы получить в челюсть. И его хохмы не заканчивались тем, что смеялись над ним самим. Должен был быть способ повернуть все в свою пользу. Может, кончики его пальцев и онемели, но мозги работали, как надо.

– Послушай Сандра, – сказал он. – У меня есть идея.

Понизив голос, Кайл рассказал, что пришло ему в голову, и она выслушала, не проронив ни слова.

– Сделаешь это? – спросил Кайл.

Сандра кивнула.

– Я ничего не имею против *нее*, но Джонни... – Она замолчала, избегая смотреть Кайлу в глаза.

Зная Сандру, у него зародилось подозрение, но он отбросил его. Он ничего не смог бы поделать с изменениями Сандры. Девушка с лицом распутной Моны Лизы была единственным, кого он любил, и, вероятно, единственным, кого любила она.

Они сидели на полу, пока не прикончили бутылку. К этому времени уже было очень поздно, и в доме все стихло – гости устроились на ночь в спальнях наверху.

Кайл с Сандрай неуверенно поднялись по лестнице, затем разделились, чтобы благоразумно постучать в разные двери и шепотом поговорить с обитателями комнат за ними. Если постучать неуклюже, а зашептать невнятно, то все пройдет гладко. Совесть им не мешала.

Сандра сумела собрать волю в кулак, добравшись до конца зала, и постучала в дверь Вэйла.

Через некоторое время он открыл дверь, протирая глаза.

– В чем дело? – спросил он.

– Орри. Кажется, он заболел.

– Ох уж, этот Орри, – покачал головой Вэйл. – Он просто напился.

– Нет. Ему по-настоящему плохо, Джонни. Сам посмотри.

Вэйл нацепил халат и, хмурясь, пошел за Сандрай по темному коридору. Дверь в ее комнату была распахнута, Сандра пропустила его вперед. Затем быстро захлопнула дверь и заперла Вэйла внутри. Потом подошла к следующей комнате по коридору, не дожидаясь реакции Вэйла. Она была громкой и сквернословной, когда Вэйл понял, что его обвели вокруг пальца.

Подойдя к следующей двери, Сандра открыла ее, и оттуда вышел Кайл, держа в руке мешок.

– Все готово?

– Да. Ты запер Клементов?

– Конечно, – кивнул он. – Теперь надо разбудить остальных.

Это оказалось несложно: Джонни Вэйл колотил в одну дверь, а кто-то еще – наверное, Пит Клемент – в другую. Уже очень скоро все собирались перед спальней Вэйлов, с лицами, выражавшими разную степень опьянения и ожидания. По залу за ними разносился сдавленный стук.

– Быстрее, – прошептала Сандра.

Кайл кивнул и тихо открыл дверь. Его свободная рука нашла выключатель. Тусклый свет озарил комнату.

Укрытая одеялами миссис Вэйл лежала на дальней стороне двухспальной кровати и спала, несмотря на возню в доме. Теперь, разбуженная светом, она поморгала и перекатилась на спину.

– Идеальная хозяйка, – сказала Сандра.

Гости за ней что-то забормотали, втекая в комнату. Пока они смотрели, Кайл на цыпочках подошел к кровати.

Внезапно, он вытащил из-за спины мешок.

Фрэн Вэйл издала тихий вопль, но он утонул в общем смехе.

— Тут у нас, — подогревая интерес публики, сказал Кайл, — великолепный экземпляр призрака. Он сказал мне, что хочет повидаться с тобой. А ты хочешь с ним познакомиться?

— Орри, — прошептала миссис Вэйл. — Пожалуйста, прекрати. Где Джонни?

Отдаленные крики выдали его местоположение, и Кайлу не пришлось отвечать. Вместо этого он поднес мешок поближе к Фрэн.

— Прошу прощения, что вошел без стука. — Кайл говорил с британским акцентом, что некоторым людям казалось очень забавным, особенно когда они были пьяны. — Но мы все обсудили и решили, что время пришло.

— Время? Какое время?

— Ведьмин час. Время выпустить призрака. — Улыбка и притворный акцент Кайла все росли. — Как нашей хозяйке, эта честь выпала вам. — Резко подняв вздувающийся мешок, он чуть не стукнул им ее по лицу. — Выпустите его, дорогая, — усмехнулся Кайл. — Выпустите.

Но Фрэн Вэйл не засмеялась. Она закричала. Она всплеснула руками, чтобы отбросить мешок. Затем откинулась на подушки и обмякла.

— Кончай, Орри, — сказал кто-то, когда ее глаза закатились. — Смотри, что с ней стало.

Гости столпились у кровати, что-то с сожалением бормоча, переговариваясь друг с другом, и пытались привести Фрэн Вэйл в чувства. Кайла оттолкнули в сторону. Он осмотрелся в поисках мешка. Сандра уже подняла его и сидела в углу на полу, развязывая веревки.

— Эй, — сказал он. — Не делай этого.

Она посмотрела на него так, словно ей было трудно сфокусировать взгляд.

— Ой, да прекрати уже. Повеселился и хватит, — пробормотала Сан德拉. — Кроме того, ты обещал, что, если я помогу тебе, то мы развязем его. — Кайл шагнул вперед, но она взмахнула рукой, а ее глаза превратились в щелки. — Отойди... не пытайся меня остановить, слышишь? Тебе и так достается слишком много внимания — тебе и твоему чертовому призраку... — Ее пальцы вцепились в веревки. — Теперь моя очередь...

Кайл взглянул на людей, собравшихся вокруг миссис Вэйл, затем быстро расправил плечи.

— Дамы и господа! — заголосил он. — Прошу вашего внимания!

Люди повернулись. Веки миссис Вэйл поднялись.

— Представляю вам чудо столетия, — сказал Кайл. — Поскольку наша хозяйка... испытывает некоторое недомогание... призрака

выпустит Сандра. Невидимого, неосозаемого и приобретенного за огромную стоимость у колдуна, который не посмел держать его у себя, – представляю вам призрака!

Кайл повернулся, взмахнув рукой, и публика увидела Сандру, согнувшуюся над мешком. Оказалось, что развязать веревки было весьма непростой задачей, и она в мрачной концентрации наклонилась еще сильнее. Внезапно веревки поддались, и, когда мешок открылся, Сандра потеряла равновесие и с коротким смешком упала вперед, а ее голова запуталась в складках брезента.

Публика оценила напускную неловкость, и Кайл тоже засмеялся. Это было забавное зрелище – Сандра, ползущая на четвереньках, с мешком на голове.

Но когда она пошатнулась и упала на бок, смех прекратился.

– Отключилась, – пробормотал кто-то.

Кайл нагнулся и снял мешок с головы и плеч Сандры. Сделав это, он заглянул внутрь и убедился, что там, действительно, пусто. На секунду он замер, глядя в невероятную черную пустоту мешка.

Сквозь алкогольный туман до него донеслись крики. Взгляд Кайла пробился через ту же дымку и сфокусировался на Сандре. И увидел нечто ужасное, объеденное, окровавленное и разодранное в лоскутки, глядевшее единственным остекленевшим глазом. Что-то напрочь обглодало лицо Сандры.

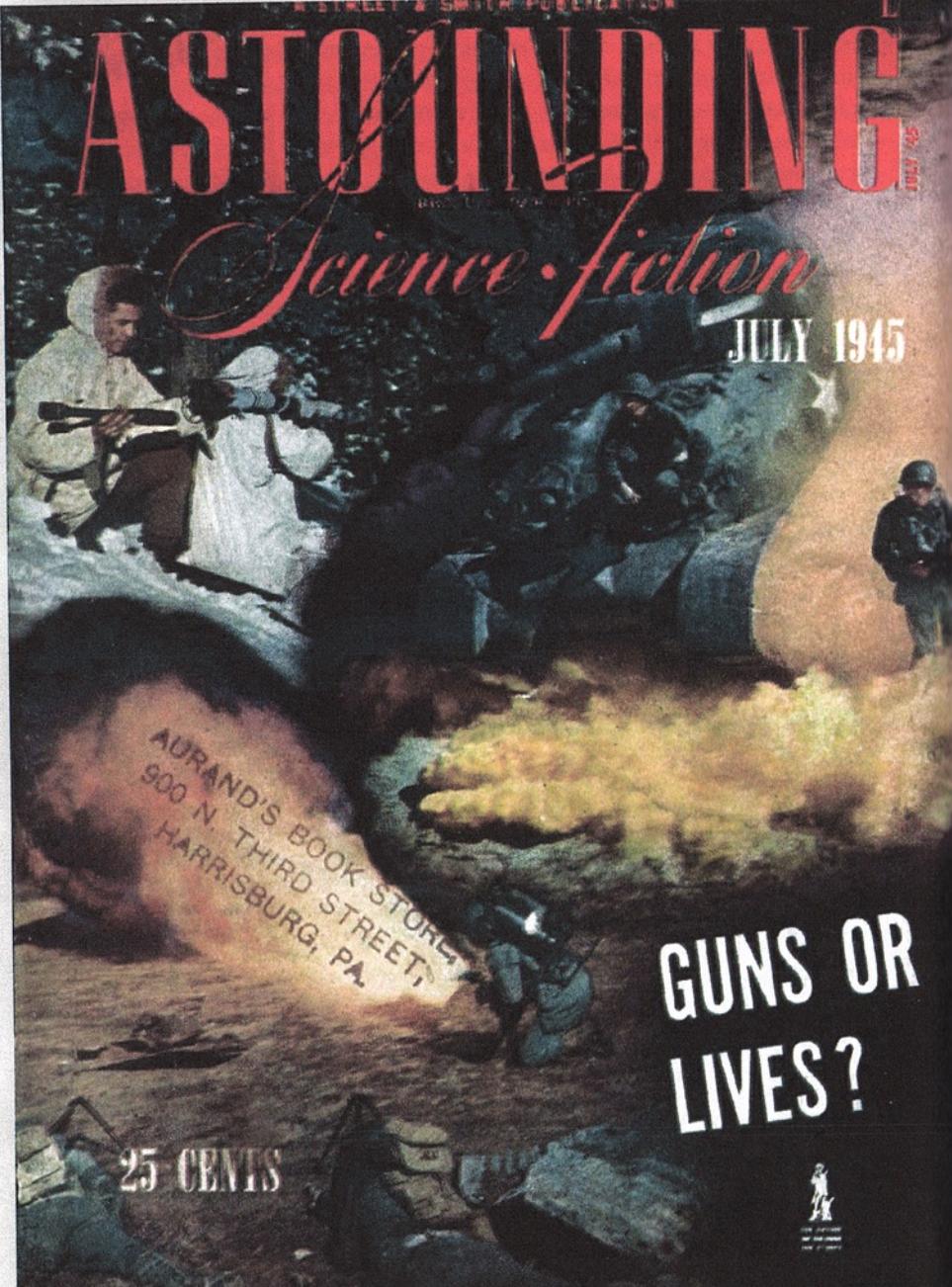
The grab bag, (Weird Tales, 1991, Spring), пер. Андрей Бурицев и Игорь Фудим

W. STREET & SMITH PUBLICATION

ASTOUNDING

Science-fiction

JULY 1945

AURAND'S BOOK STORE
500 N. THIRD STREET,
HARRISBURG, PA.

GUNS OR
LIVES?

25 CENTS

ШИФР

Из окон гостиной доктор Билл Уэстерфилд видел деревенскую улицу с ветками, свисающими под тяжестью снега, голубовато поблескивающего в темноте. Вдали уходили следы шин. Обтекаемый, блестящий седан Питера Моргана был припаркован рядом с бордюром, а сам Морган сидел напротив Билла, сердито глядя на чашку с кофе.

Билл Уэстерфилд наблюдал за хаотичным, псевдо-броуновским движением снежинок в зимних сумерках.

– Зима тревоги нашей... – прошептал он.

Морган нетерпеливо пожал плечами и нахмурил густые черные брови.

– Нашей?

– Его.

Оба посмотрели наверх, словно могли видеть сквозь дерево и штукатурку. Но ни звука не донеслось оттуда, где пожилой Руфус Уэстерфилд лежал на большой кровати из орехового дерева с резными ананасами и гроздьями винограда. Он засыпал и просыпался в этой кровати на протяжении семидесяти лет и собирался на ней умереть. Но не смерть нависла над ним сейчас.

– Я все ожидаю, что с чердака вылезет Мефистофель и потребует чью-нибудь душу, – сказал Билл. – Его тревога... моя тревога... не знаю. Все слишком уж гладко.

– Тебе было бы лучше, если бы над кроватью висел ценник: «Душа, одна штука, оплата вперед»?

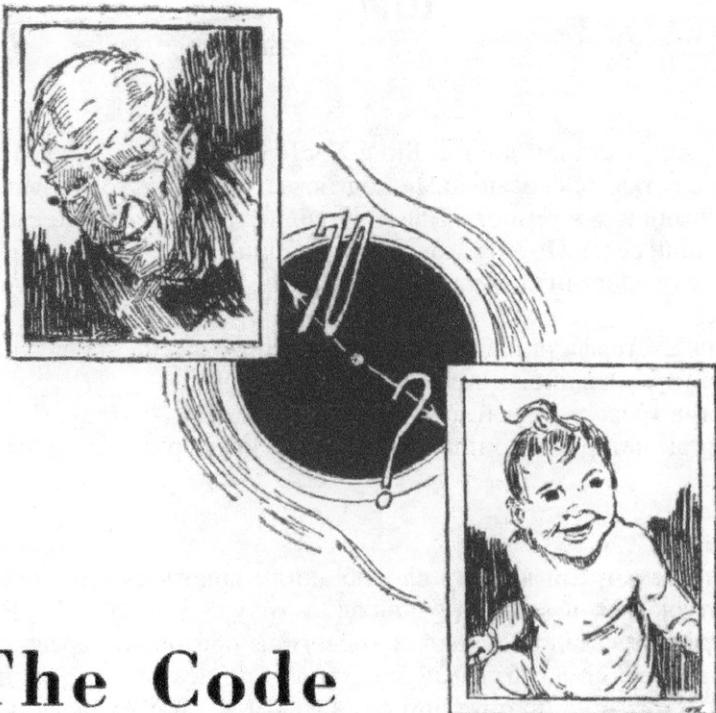
– Логика подразумевает, что кому-то придется платить, – рассмеялся Билл. – Чтобы что-то сделать, нужно затратить энергию. Это же стандартная цена, да? Молодость в обмен на душу Фауста.

– Так это все-таки магия? – оттянув уголки губ так, что его лицо стало выглядеть по-мефистофелевски, спросил Пит Морган. – А мне-то все кажется, что я эндокринолог.

– Ладно. Ладно. Может быть, Мефисто – это уж чересчур. Хотя оно и работает.

Наверху, по голым доскам, простучали каблуки сиделки, и раздались голоса: один звонкий, а другой вялый от возраста, но имеющий глубину и тон, которые Билл Уэстерфилд смутно помнил еще с детства.

– Работает, – согласился Пит Морган и со звоном поставил чашку на блюдце. – У тебя не очень радостный голос. Почему?

The Code

by LAWRENCE O'DONNELL

The ancient legends of rejuvenation, though they called it magic, told something of its price. The trouble was, it was like many ancient formulas and bits of knowledge, coded . . .

Illustrated by Kramer

Не ответив, Билл встал и прошелся по комнате. В дальнем конце он остановился, затем развернулся и зашагал обратно, с сердитым выражением на узком лице, вполне подходящим к мрачно насыщенным черным бровям Моргана.

— В том, чтобы повернуть ход биологического времени вспять, нет ничего такого — если ты, конечно, способен на это, — заявил Билл. — Отец не положил глаз на какую-то Маргариту. Он делает это не из-за каких-то эгоистичных причин. А мы возимся с Фонтаном Молодости не потому, что хотим славы, не так ли?

Морган посмотрел на друга из-под заросли черных бровей.

— Руфус — морская свинка, — сказал он. — А морские свинки известны своей самоотверженностью. Мы работаем ради следующих поколений и сияния славы, поскольку мы сами скоро умрем. Ты хотел, чтобы я сказал это? В чем дело, Билл? Раньше ты никогда не был щепетильным.

Билл снова пошел в дальний конец комнаты, шагая так быстро, словно хотел добраться туда прежде, чем передумает. Когда он вернулся, в руке у него была фотография в рамке.

— Вот, посмотри. — Билл небрежно протянул фотографию.

Морган поставил чашку и, прищурившись, поднес фотографию к свету.

— Это отец десять лет назад, — сообщил Билл. — Тогда ему было шестьдесят.

В тишине Морган долго и пристально смотрел на фотографию. Было слышно, как наверху скрипела резная кровать, когда Руфус Уэстэрфилд ворочался на ней. Сейчас движения давались ему легче, чем месяц назад, когда ему было далеко за семьдесят. Для старого Руфуса время шло вспять. Ему уже снова было почти шестьдесят.

Морган опустил фотографию и посмотрел на Билла.

— Я понял, что ты имеешь виду, — не торопливо сказал он. — Это уже другой человек.

Биологическое время — странная, обманчивая штука. Это не причуда воображения, делающая год бесконечным для ребенка, но коротким для деда. Для ребенка пяти лет, год длится очень долго, потому что это пятая часть его жизни. Для пятидесятилетнего — это всего лишь одна пятидесятая. И дело не только в ощущениях. Биологическое время неразрывно связано с физическим состоянием человека, нечто вроде обратного отношения. В молодости все процессы в организме протекают гораздо быстрее, а течение времени кажется медленным. Во времена беременности, зародыш проходит через миллионы лет эволюции. За первые десять лет человек изменяется так же, как за последующие пятьдесят. Молодой организм быстро залечивает раны, а у стариков они иногда вообще не заживают. Доктор ду Ной в своей работе «Биологическое время» еще глубже погружается в загадки молодости и возраста, рассуждая о том, что время течет для каждого по-своему.

Руфус Уэстэрфилд медленно нащупывал путь назад по своему времени.

Еще один экспериментатор, на этот раз доктор Франсуа, изложил нить размышлений, которой придерживался, словно Тезей, выбирающийся из лабиринта, где обитал Минотавр. Доктор Франсуа об-

учил подопытных нажимать телеграфный ключ в обычном состоянии триста раз в минуту. Затем применял жару и холод, аккуратно, чтобы не отвлекать подопытных. Оказалось, что тепло укорачивает восприятие времени. Ключ стучал чаще. Говоря академически, в тепле они старели быстрее. В холода время шло медленнее, как в долгие дни молодости.

Разумеется, все не так просто. Сердечно-сосудистой системе человека нужен мощный стимул, со временем печень почти прекращает вырабатывать красные кровяные тельца. Из старости уже не вернуться без посторонней помощи. Гипноз тоже необходим. Семьдесят лет привычек требуют корректировки, и, кроме того, нужно учесть еще более непостижимые вещи. Как, например, осознание самого времени, беззвучно текущего все быстрее и быстрее по мере приближения к краю.

— Это уже не тот человек, — уставившись на Билла, бесстрастно повторил Морган.

Билла раздраженно дернули плечами.

— Конечно, не тот. Это отец в шестьдесят, не так ли? Кто еще это может быть?

— Тогда зачем ты показал мне эту фотографию?

Молчание.

— Глаза, — через некоторое время осторожно сказал Билл. — Они... немного другие. И наклон лба. И скулы не... ну, не совсем такие же. Но нельзя сказать, что это не Руфус Уэстерфилд.

— Я бы хотел их сравнить, — заявил практичный Морган.

— Поднимемся?

Сиделка как раз закрывала за собой дверь в спальню, когда они поднялись по ступенькам.

— Он спит, — тихонько прошептала она, глядя на них через очки.

Билл кивнул, прошел мимо нее и тихонько открыл дверь.

Комната была большой и пустой, там царил монашеский аскетизм, делающий неуместной резную кровать. На столике рядом с дверью стоял ночник, отбрасывающий длинные горбатые тени на стены и потолок, словно небольшой костер. Человек на кровати не подвижно лежал с закрытыми глазами, а узкое, морщинистое лицо с длинным носом выглядело очень суровым в тусклом свете.

Морган и Билл осторожно подошли к кровати и уставились на старика. Тени смягчили лицо спящего, создавая иллюзию возвращающейся молодости. Морган поднял фотографию, чтобы на нее упал свет, и его губы сжалась под черными усами, пока он смотрел на нее. Конечно, это был тот же человек. Ошибки быть не могло. На первый взгляд оба лица казались одинаковыми. Но если присмотреться...

Морган немного согнул колени и наклонился, чтобы сравнить наклон лба и скулы. Так он такостоял целую минуту, переводя взгляд то на лежащего, то на фотографию. Билл тревожно наблюдал за ним.

Затем Морган распрямился, и, когда он встал, веки старика тоже поднялись. Руфус Уэстерфилд неподвижно лежал и смотрел на них. Свет ночника падал ему в глаза, делая их угольно-черными и очень яркими. Казалось, они насмехались и были единственной живой частью утомленного, но молодого, мудрого и довольного лица.

Несколько секунд все молчали, затем глаза старика прищурились от удовольствия, и Руфус засмеялся тонким, пронзительным смехом, который был на много лет старше его самого. В нем звучала старость, а шестидесятилетний человек еще не должен быть дряхлым. Но, после первого надломленного карканья, смех немного смягчился и перестал вопить о глубокой старости. На этой стадии его голос должен был превратиться в старческий, как ломается голос подростка, когда тот начинает взросльть. В молодости это нормально и, возможно, в случае Руфуса – тоже, но сказать с уверенностью было нельзя, потому что в истории человечества подобного еще не происходило.

- Мальчики, вы что-то хотели? – поинтересовался Руфус.
- Вы хорошо себя чувствуете? – спросил Морган.
- Чувствую, что *помолодел* лет на десять, – улыбнулся Руфус. – В чем дело, сынок? Ты выглядишь...
- Нет, нет, все в порядке. – Билл убрал с лица хмурое выражение.
- Почти забыл, как ты выглядишь. Мы с Питом хотели узнать...
- Ну, тогда поторопитесь. Я хочу спать. Я быстро расту, вы же знаете. Так что мне нужен сон.

И он засмеялся снова, но старческого карканья уже не было слышно.

Билл поспешил вышел.

– Вы растете, все верно, – сказал Морган. – И на это требуется энергия. У вас был хороший день?

– Прекрасный. Собираешься меня от чего-нибудь отучить нынче вечером?

– Не совсем так, – улыбнулся Морган. – Я хочу, чтобы вы немного... поразмышиляли. После того, как Билл закончит.

Руфус кивнул.

– А что у тебя под мышкой? Рамка кажется знакомой. Я знаю это фото?

Морган машинально взглянул на фотографию, которую держал лицевой стороной к себе. В этот момент в спальню вошел Билл

вместе с сиделкой, увидел яркий, лукавый взгляд старика, и Морган опустил глаза.

– Нет, – сказал он. – Вы его не знаете.

Рука Билла немного тряслась. Шприц, который он нес иглой вверх, дрожал так, что капля, выступившая на кончике, скатилась вниз.

– Спокойно, – сказал Руфус. – Ты из-за чего-то нервничаешь, сынок?

Билл старательно избегал взгляда Моргана.

– Нет. Дай мне руку, отец.

После того, как сиделка ушла, Морган вытащил из кармана огарок свечи и поставил на прикованный столик Руфуса.

– Выключи очник, – сказал он Биллу, поднеся зажженную спичку к фитилю.

В темноте расцвело желтое пламя.

– Гипноз, – прищурившись, сказал Руфус.

– Нет, пока еще нет. Я просто хочу поговорить. Смотрите на пламя, вот и все.

– Это же и есть гипноз, – настаивал Руфус, будто собираясь спорить и дальше.

– Это делает вас более восприимчивым к рекомендациям. Ваш разум должен быть освобожден, чтобы вы могли... увидеть... время.

– Гм-м.

– Не то, чтобы увидеть, скорее, почувствовать его. Осознать его, как нечто материальное.

– Но это не так, – возразил Руфус.

– Безумный Шляпник умел так делать.

– Ага. И вспомни, что с ним случилось.

– Я помню, – усмехнулся Морган. – Всегда пять часов вечера. Вам не нужно волноваться. Мы через это уже проходили, как вы знаете.

– Знаю, что вы так говорили. Я не обязан помнить все сам.

Голос Руфуса едва заметно смягчился. Его взгляд был прикован к пламени, а в глазах отражались миниатюрные огоньки.

– Да. Вы никогда не вспомните. Об этом вы тоже забудете. Я разговариваю с той частью вашего разума, что лежит под поверхностью, в глубине. Вся работа идет там, в тишине, и, как и содержимое шприцов, втайне изменяет ваше тело. Вы слушаете, Руфус?

– Продолжайте, – сонно пробормотал Руфус.

– Мы должны уничтожить временные преграды в вашем разуме, стоящие между вами и молодостью. Психика – мощная штука. Вся

ткань Вселенной состоит из энергии. Вы привыкли думать, что стаете из-за времени, но это ложная философия. Вы должны забыть об этом. Ваши убеждения оказывают влияние на тело, как надпочечники реагируют на страх или гнев. Можно разработать такой условный рефлекс, что надпочечники будут отвечать на другие раздражители. Вот и вы должны привыкнуть к обратному течению времени. Тело и дух зависят друг от друга и действуют сообща. Метаболизм управляет разумом, и разум дает команды метаболизму. Две стороны одной медали.

Голос Моргана стал медленнее произносить слова. Морган смотрел на мерцание отраженного света под полуопущенными веками старика. Веки были тяжелыми.

– Одной медали... – очень тихо повторил Руфус.
– Жизненные процессы тела, – монотонно продолжал Морган, – похожи на реку, текущую очень быстро у источника. Но постепенно она замедляется. С возрастом течение становится все медленнее. Впрочем, есть еще одна река, осознание времени, и этот поток, наоборот, ускоряется. В молодости он такой медленный, что вы даже не подозреваете о том, что он движется. В старости это Ниагара. И этот поток, Руфус, вернет вас обратно. Он шумит рядом с вами, глубокий и быстрый. Вам нужно осознать его существование, Руфус. Как только вы сделаете это, уже ничто вас не остановит. Вы должны понять, как ощущать время.

Голос все гудел и гудел...

Пятнадцать минут спустя, уже находясь на первом этаже, Морган поставил фотографию шестидесятилетнего Руфуса на каминную полку и одарил ее хмурым взглядом.

– Ладно, – сказал он. – Рассказывай.

Билл занервничал.

– А что тут говорить? Никто до нас этим не занимался. Отец изменяется, Пит... он изменяется в неожиданную сторону. Это беспокоит меня. Жаль, что нам пришлось использовать его в качестве морской свинки.

– Выбора не было, ты же знаешь. Если бы мы потратили еще лет десять на проверки и эксперименты...

– Знаю. Когда мы начали, ему оставалось месяцев шесть. Он знал, что это рискованно. Но все равно согласился. Я все это знаю. Но хотелось бы...

– А теперь подумай хорошенько, Билл. Как, черт возьми, мы могли экспериментировать на ком-то, кроме человека с высоким интеллектом? Ты же знаешь, что я пытался работать с шимпанзе. Но сначала нам пришлось бы превратить их в людей. В конце кон-

цов, последние анализы показывают, что именно разум позволяет повернуть ход времени вспять. Нам повезло, что твой отец начал увидеть только физически. – Морган замолчал и посмотрел на фотографию. – Что касается этого...

Билл смущенно развел руками.

– Я учел все возможные варианты ошибок... кроме этой. – Он сухо рассмеялся. – Это безумие. Ничего не получится.

– То, чем мы занимаемся, сведет с ума любого. Я все еще не верю, что у нас что-то получается. Если Руфусу, действительно, снова шестьдесят, значит, может произойти все, что угодно. Я не удивлюсь, если завтра солнце встанет на западе. – Морган выудил из кармана сигарету. – Ну, ладно, – пытаясь найти спички, сказал он, – поскольку нельзя сказать, что он выглядит, как десять лет назад. А ведет он себя так же, как и в шестьдесят?

– Не знаю, – пожал плечами Билл. – Я не делал записи в то время. Откуда мне было знать, что это окажется важным? – Он помолчал.

– Нет, думаю, он ведет себя по-другому.

– В чем именно? – прищурился Морган, глядя на Билла сквозь дым.

– Да так, мелочи. Взгляд его глаз, когда он проснулся сегодня. Ты заметил? Какая-то сардническая ясность. Он стал все воспринимать менее серьезно. Он... просто больше не похож на себя. Этот суровый вид... раньше подходил ему. Сейчас, когда он внезапно просыпается и смотрит на тебя, он... ну, смотрит словно через маску. И эта маска меняется... понемногу. Я знаю, что меняется. Фотография доказывает это. Но его разум меняется гораздо быстрее.

Морган, не торопясь, выпустил длинную, извилистую струйку дыма.

– Я бы не стал так волноваться, – успокаивающе сказал он. – Он никогда не будет тем, кем был десять лет назад, ты же знаешь. Мы не стираем его память. Может быть, за десять лет он размягчился больше, чем ты думаешь. В сорок или тридцать, он все еще будет оставаться тем, кто прожил семьдесят с гаком лет. Это не будет тот же разум или тот же человек, что жил в восьмидесятые. Ты просто переволновался, мой мальчик.

– Нет. Его лицо изменилось! Наклон лба стал другим! Нос начал изгибаться. А скулы стали выше, чем когда-либо прежде. Я не выдумываю это, не так ли?

Морган лениво выпустил кольцо дыма.

– Не перевозбуждайся. Мы еще раз проверим препараты, которые ему даем. Может быть, доза какого-нибудь слишком велика. Как ты знаешь, это может влиять на костную структуру. Во всяком случае, вреда от этого нет. Его физическое состояние хорошее и

становится все лучше. Его разум ясный. Меня больше тревожишь ты, чем он, Билл.

– Я?

– Да. То, что ты сказал, прежде чем мы поднялись наверх. Что-то о Фаусте. Помнишь? Что ты хотел этим сказать?

– Я уже не помню, – с виноватым видом сказал Билл.

– Ты говорил о моральной стороне дела. Казалось, ты считаешь, что, если бы наши помыслы не были чисты, нас могло ждать наказание свыше. Теперь вспомнил?

– Знаешь, не стоит насмехаться над традициями только потому, что считаешь себя умнее предков. – Тон Билла был оборонительным, хотя слова – нет. – Ты был одним из тех, кто убедил меня, будто старики знают больше, чем кажется. Помнишь, как алхимики шифровали свои формулы так, что они походили на заклинания? «Кровь дракона», например, обычно означала серу. Если перевести их, то появлялся вполне ясный смысл. И Фонтан Молодости был связан с водой не просто так. Это очень символично. Жизнь зародилась в воде... – Билл замялся. – Ну, моральная сторона может иметь такую же твердую основу. Еще я сказал, что, чтобы чего-то добиться, нужно потратить энергию. Мефистофель ничего не сделал, потому что демон с рождения обладает силой. Фаусту пришлось потратить энергию. Если расшифровать этот код – потратить свою душу. Если перевести всю формулу, тут же появится смысл.

Тяжелые брови Моргана наступили.

– Значит, ты думаешь, что кому-то придется заплатить. Кому и чем?

– Откуда мне знать? В конце книги нет справочника, где объясняется, что Марло имел в виду, когда написал слово «душа»*. Я могу лишь сказать, что, в общем-то, мы занимаемся тем же, чем и Фауст. И ему пришлось заплатить, но каким образом, – деньгами или как-то еще, – мы уже никогда не узнаем. Или... – Билл поднял глаза, в которых был испуг, – ...все-таки узнаем?

Морган оскалился и буркнул что-то грубое.

– Ладно, ладно. Но, так или иначе, мы делаем то, чем до нас никто не занимался, хотя... – Билл замолк. – Подожди-ка. Может быть, такое уже было. Или это просто совпадение?

* Кристофер Марло (1564 - 1593). Английский поэт, переводчик и драматург. Автор пьесы «Трагическая история доктора Фауста», в основу которой легла народная легенда о докторе Иоганне Фаусте. Тот же сюжет использовал И.В. Гете (1749 - 1832) в своей трагедии «Фауст» (прим. перев.).

Морган смотрел, как Билл шепчет не совсем понятные фразы.

- Ты спятил? – через секунду спросил он.
- Там глубоко отец лежит, – прокламировал вдруг Билл. – Как насчет этого?

*Кости стали, как кораллы,
Жемчуг вместо глаз блестит,
Но ничего не пропало.
По-морски лишь изменилось.
В чудо-клады превратилось.*

(У. Шекспир «Песнь Ариэля», пер. Кузьмин М.А.)

– Забудь об этом и продолжай, – фыркнул Морган. – Что насчет прецедента?

– Ну, скажем, один раз таким уже занимались. Вот и все. И нам не помешает, если мы воспользуемся тем, что узнали наши предшественники. Многое мы не найдем. В легендах все зашифровано. Но мы точно знаем, что кем бы на самом деле ни были Фауст и Мефистофель, и как они добились того, чего и мы, у них возникли проблемы. Казалось, что, до определенного момента, эксперимент протекал успешно, но затем все пошло прахом. В легендах говорится, что Фауст потерял душу. Что это значит, по правде, я не знаю. Но, думаю, наши опыты уже показывают первые признаки того, что мы теряем контроль, и могу предположить, что однажды мы узнаем, что скрыто в шифре. Но я не хочу ради этого пожертвовать отцом.

– Мне очень жаль. – Морган вытащил изо рта недокуренную сигарету. – Есть ли смысл говорить, что у тебя просто разыгралось воображение? Или ты уже приравнял меня к Мефистофелю?

– Сомневаюсь, что тебе нужна его душа, – улыбнулся Билл. – Но, знаешь, пару веков назад у тебя бы возникли проблемы. В гипнозе есть нечто... магическое. Особенно, в том, которому ты подвергашь Руфуса. – Внезапно он посеръезнел. – Тебе приходится уводить его разум... очень далеко. Но что он там находит? Как выглядит время? Каково это – стоять лицом к лицу со временем?

– Ой, кончай, Билл. Лучше переживай за свой разум, С Руфусом все в порядке.

– Точно, Мефисто? Уверен? Ты знаешь, куда уходит его разум, когда ты вводишь отца в гипноз?

– Откуда мне знать? Никто не знает. Сомневаюсь, что Руфусу самому это известно, даже когда он спит. Но это работает. Только это имеет значение. Время нельзя ощутить, если только мы не вообразим его.

— Знаю. Его не существует. Но Руфус видел его. Руфусу отлично известно, что это такое. Руфусу... и Фаусту.

Билл посмотрел на фотографию, стоящую на каминной полке.

Весна в этом году пришла рано. Дожди смыли остатки снега, и длинная извилистая улица за окнами дома Уэстерфилдов уже начала скрываться в распускающейся листве. Привычным образом зима уступала дорогу весне, но в первый раз в современной истории человека за зимой жизни следовала невероятная осень.

Билл больше не думал о человеке в спальне, как о своем отце. Он стал Руфусом Уэстерфилдом, приятным на вид незнакомцем, хотя память поспевала за обратным движением времени, и в разговоре он казался совершенно обычным. Руфус был здоровым, энергичным и красивым незнакомцем. Плоть вернула себе молодость, чтобы заполнить подтянутое тело, которое помнил Билл. Ему не казалось, что отец в молодости был таким физически крепким, но, разумеется, стоит учесть, что медицина сильно продвинулась за это время. И, как напомнил Морган, суть была не в том, чтобы воссоздать молодого Руфуса, а в том, чтобы просто вернуть его утраченные силы.

Изменения лица удивляли больше всего. Тело человека может измениться и по нормальным причинам, но вот лицо, форма лба, носа и подбородка всегда одинаковы. Но в случае Руфуса выходило иначе.

— Его и, правда, будто подменили, — признал Морган.

— Пару месяцев назад, — заметил Билл, — ты отрицал это.

— Не совсем так. Я отрицал то, как ты это толковал. И до сих пор отрицаю. Изменения произошли по определенным причинам, вполне ясным причинам, не имеющим ничего общего с магией, воздействием гипноза или договору с дьяволом. Мы просто пока не знаем, что вызвало эти изменения.

— Самое странное то, что Руфус, кажется, не замечает, что стал другим, — пожал плечами Билл.

— И очень хорошо, мой друг, что он не знает об этом.

Билл задумчиво посмотрел на Моргана.

— Нужно подождать. — Он замялся. — Мы не можем позволить себе лезть в... в противоречия разума, пока не убедимся насчет тела. Нельзя привлекать кого-то со стороны, по крайней мере, пока у нас есть хоть какой-то выход. Нам будет сложно объяснить психиатру, что скрывается за этими отклонениями.

— Иногда, — сказал Морган, — я жалею, что мы решили никому не рассказывать об этом. Но, думаю, у нас не было выбора. И не будет, пока мы не сможем написать «что и требовалось доказать».

— До этого нам предстоит сделать еще очень многое. Если у нас, вообще, получится. Если сила потока времени не окажется слишком мощной для нас, Пит...

— Опять занервничал? Не волнуйся, Руфус остановится на тридцати пяти. Еще одна серия уколов, затем, скажем, месяц на восстановление гормонального баланса, и он будет стареть вместе с нами. Если бы он не был твоим отцом, ты бы так не дергался.

— Может, и не дергался бы. Может, ты и прав. — В голосе Билла послышалось сомнение.

Майским утром они снова оказались в гостиной. И, когда Морган поднял голову, чтобы заговорить, открылась дверь, и в комнату вошел сорокалетний Руфус Уэстерфилд.

Он выглядел очень солидно и обладал красотой мужчины средних лет. К его волосам вернулся насыщенный темно-рыжий цвет, теряющий яркость над слегка косыми бровями. Черные глаза в глубоких глазницах тоже были раскосые, и их взгляд не напоминал ни одного Уэстерфилда, родившегося до этой поры. Лицо и мысли также были совершенно чуждыми Уэстерфилдам. Но сам Руфус не замечал подобные мелочи.

Идя по комнате, он что-то насвистывал.

— Какое прекрасное утро, — радостно сказал он. — Прекрасный мир. Вам, молодым, этого не понять. Только старик, которому выпал шанс снова стать молодым, может оценить все это.

Он раздвинул занавески, чтобы взглянуть на новые листочки и свежесть мая.

— Руфус, — внезапно спросил Морган, — что это за мелодия?

— Какая мелодия? — Руфус бросил через плечо удивленный взгляд.

— Та, что вы насвистываете. Скажите мне.

— Не знаю, — задумчиво нахмурился Руфус. — Какая-то старая. — Он просвистел еще пару тактов странной, едва слышимой мелодии.

— Вы обязаны знать ее — она была очень популярной в свое время. Слова... — Он опять замолк, черные глаза прищурились, уставившись в пустоту, пока он копался в памяти. — Крутятся на языке, но не могу вспомнить... Что-то на иностранном. Какая-то опера или что-то такое. В общем — легко запоминающаяся штука. — И он насвистел припев.

— Я так не думаю, — решительно заявил Билл. — Да это даже и не мелодия. Я не улавливаю мотив, если он тут вообще есть. — Затем он встретился взглядом с Морганом и затих.

— О чём вы думаете? — продолжал расспросы Морган. — Мне просто любопытно.

Руфус сунул руки в карманы и посмотрел на потолок.

– О днях своей молодости, – ответил он. – Ты это хотел узнать? Театры, вечеринки, свет и музыка. О паре хороших приятелей, с которыми я часто виделся в те дни. О девушке тоже. Интересно, как она сейчас выглядит, – наверное, уже совсем состарилась. Ее звали… – Руфус замялся. – Ее звали…

Его губы зашевелились, словно вспомнили имя, или, по крайней мере, попытались вспомнить. Затем на его лице появилось странное выражение.

– Знаете, я что-то не могу вспомнить. Что-то такое необычное, как… – Он снова пошевелил губами, но слова отказались формироваться. – Я знаю имя, но не могу его произнести, – раздражительно заявил он. – Что это такое, Пит – психическая блокировка? Ну, думаю, это неважно. Но весьма странно.

– Я бы на вашем месте не беспокоился. Со временем пройдет. Она была красивая?

На лице Руфуса появилась небольшая растерянность.

– Ох, она была просто прекрасна, прекрасна. Такая… яркая. Жаль, что я не помню ее имени. Первая девушка, которой я предложил… – Он опять замялся, а затем сказал слабым, смущенным голосом, – …выйти за меня? Нет, не так. Совсем не так.

– Звучит ужасно, – сухо заметил Морган.

Руфус яростно покачал головой.

– Подождите. Я запутался. У меня не получается вспомнить, как они… что было…

Его голос надломился и стих. Он выглянул из окна и сосредоточился так, что его лицо искривилось, будто от боли, а губы снова зашевелились, когда началась борьба с неуступчивой памятью.

– И не брак, и не вступление в брак… нет, что-то другое… – услышал Морган его бормотание.

Через секунду Руфус повернулся обратно, выглядел растерянным и качая головой. На его лбу выступили крупные капли пота, а глаза впервые утратили насмешливую уверенность.

– Что-то не так, – просто сказал он.

Морган встал.

– Я бы так не волновался, – успокаивающе сказал он. – Важные изменения, происходящие с вами, еще не закончились, помните об этом. Через какое-то время все устаканится. Когда вы все вспомните, дайте мне знать. Мне будет любопытно.

Руфус вытер лоб.

– Странное ощущение – знать, что твои воспоминания искашены. Мне не нравится это. Девушка… все так запутано…

— Я думал, твоей первой любовью была мама, Руфус, — сказал Билл из дальнего конца комнаты. — Мы всегда слышали именно такую версию.

Руфус ошарашенно посмотрел на сына.

— Мама? Мама? О, хочешь сказать, Лидия. Ну, да, кажется, так и было... — Он замолчал на секунду, а потом снова покачал головой.

— Кажется, я вспомнил то время. Твои слова про... маму помогли мне. Я думал о своей матери. Ты все еще хранишь эти фотографии, Билл? Может быть, я вспомню то, что меня беспокоит, если увижу...

— Фотографию бабушки? Я как раз искал ее. У меня, внезапно, появилась мысль, что, может, ты... гм... становишься больше похож на родственников с ее стороны. Не знаю, почему я не подумал об этом раньше. Вот она. — Билл достал желтый металлический прямоугольник, ферротипию* в плюшевой рамке. — Нет, — нахмутившись, сказал он. — Она совсем на тебя не похожа. Я надеялся...

— Дай взглянуть.

Руфус протянул руку. Затем случилось нечто очень странное. Билл вложил ферротипию в ладонь отца, тот поднял ее и взгляделся в темное лицо, изображенное на металле.

— Нет! Нет! Этого не может быть! — закричал он и бросил фотографию на пол.

Она отскочила с жестяным звуком и легла на голые доски лицевой стороной вниз.

Никто ничего не сказал. Напряжение витало в воздухе добрые полминуты.

— И что заставило меня сделать это? — рассудительным тоном спросил Руфус.

Двое экспериментаторов заметно расслабились.

— Вы нам скажите, — предложил Морган. — Что это было?

Руфус посмотрел на него с замешательством в черных, раскосых глазах.

— Это просто... неправильно. Не могу сказать. Не то, что я ожидал. Совсем не то. Но я не могу вам сказать, чего я ожидал.

Руфус рассеянно осмотрел комнату.

Его взгляд остановился на окне, и он уставился на листья и ветки за верандой.

* Тинтайп или ферротипия (англ. tin — олово, лат. ferrum — железо) — ранний фотографический процесс на жестяных пластинках, покрытых асфальтом и коллоидием. Технология разработана и запатентована в 1856 году в США, впервые позволив получать готовые фотографии спустя всего несколько минут после съемки (прим. перев.)

— Мне все кажется каким-то не таким, — беспомощно добавил он.
— Особенно снаружи. Не знаю, почему, но стоит только взглянуть, и я сразу понимаю, что все это неправильно. С первого взгляда. После этого все становится, как раньше. Но на минуту... — Руфус неловко пожал плечами и с мольбой во взгляде посмотрел на сына.

— Что со мной не так, мальчики?

Секунду никто из них ничего не говорил.

— Не о чем волноваться, — сказал Билл, и Морган вздохнул, соглашаясь. — Твоя память еще не спешит за телом, вот и все. Через некоторое время все станет на свои места. Постарайся не думать об этом.

— Попробую.

Руфус снова озадаченно осмотрел комнату.

На секунду ему показались незнакомыми не только дом и улица, но и собственное тело. Он выглядел таким красивым и прилизанным, таким уверенным в своем месте в этом мире. Но за этим фасадом не было ничего, кроме замешательства.

— Думаю, мне стоит прогуляться, — сказал он и направился к двери.

По дороге Руфус остановился и поднял с пола ферротипию лица матери, на секунду замерев, чтобы снова взглянуть на незнакомую фотографию. С сомнением покачав головой, он поставил ее на место.

— Не знаю, — пробормотал он. — Просто не понимаю.

Когда дверь закрылась за ним, Морган посмотрел на Билла и присвистнул.

— Ну, тебе лучше достать журнал, — посоветовал он. — Нам надо все записать прежде, чем мы забудем, что случилось.

Билл невесело взглянул на него и вышел из комнаты, не сказав ни слова. Когда он вернулся с большой записной книжкой, в которую они подробно записывали все, что касается эксперимента, лицо его хмурилось.

– Ты понимаешь, как важно все, что сейчас произошло? – спросил Билл. – Руфус не помнит *свое* прошлое. У него и не было такого прошлого. Такие вещи невозможно забыть. Он вырос в семье священника. И верил, что театр это дом греха. Он часто говорил мне, что первый раз побывал в театре только через несколько лет после того, как женился. Он не мог знать девушку, которая... «вся светилась». У него никогда не было интрижек – мама была его первой и единственной любовью. Он любил повторять это. И он говорил правду. Я уверен в этом.

– Может быть, он вел двойную жизнь, – с сомнением предположил Морган. – Ты же знаешь пословицы о сыновьях священников.

– Кто угодно, но только не Руфус. Он просто не такой.

– Откуда ты знаешь?

Билл посмотрел на Моргана.

– Ну, мне всегда казалось, что Руфус был...

– Так ты уверен? Или просто повторяешь чужие слова? Тебя же там не было, не так ли?

– Разумеется, – с иронией ответил Билл, – не было, пока я не родился. Давай тогда предположим, что до этого времени Руфус был черным магом, Джеком Потрошителем, или Питером Пэном. Если начать выдумывать совсем невероятные вещи, можно построить прекрасную теорию, что до моего рождения мира не существовало, и придерживаться ее, потому что никто ее не опровергнет. Но нас не интересует слепая вера. Мы имеем дело с логикой.

– С какой логикой? – поинтересовался Морган, с мрачным, встревоженным видом.

– С моей логикой. С нашей логикой. Логикой *гомо сапиенса*. Или ты намекаешь на то, что Руфус... – Билл не закончил мысль.

– Я хочу так думать, – подхватил ее Морган. – Мне кажется, в молодости Руфус был другим.

– С двумя головами? – легкомысленно спросил Билл и через некоторое время продолжил уже более серьезно. – Нет, ты ухватился не за ту идею, что между нами и Руфусом может быть... ну, некая биологическая разница, некая мутация, с возрастом закалившая его. Но твоя теория не выдерживает никакой критики. Руфус жил в этом городе большую часть своей жизни. Люди узнали бы, что у него... две головы.

– Ах, да, конечно. Ну, тогда... все могло быть менее заметным. Даже сам Руфус мог не знать об этом. Успешные малозаметные му-

тации обнаружить очень трудно, потому что они *прошли* успешно. Например, другой, более эффективный метаболизм, или немного улучшенное зрение. Человек с таким зрением вряд ли поймет это, потому что будет считать, что у всех остальных такие же глаза. И, разумеется, он никогда не пойдет к окулисту, поскольку с его глазами и так все в порядке.

– Но Руфус проходил проверку зрения, – заметил Билл. – И все остальное тоже. Мы же провели полный осмотр. Все было в пределах нормы.

Морган прикусил нижнюю губу, и, судя по выражению его лица, ему не понравился ее вкус.

– Да, в норме, на момент исследования. Но что было в девяностые годы? Я лишь хочу сказать, что невозможно понять, были ли у него какие-нибудь небольшие отклонения от нормы с самого раннего детства, которые уже к юности могли исчезнуть. Но потенциал-то остался, как болезнетворные микробы, прячущиеся за здоровой тканью и ждущие падения иммунитета, чтобы снова вырваться на свободу. Возможно, это происходит чаще, чем мы думаем. Возможно, такое происходит почти со всеми. Мы точно знаем, что для каждого родившегося ребенка существует множество других вариантов развития, при которых он превратился бы в нежизнеспособный плод. Они отбрасываются слишком рано, чтобы их можно было заметить. Вероятно, даже в обычном ребенке, еще до того, как он становится подростком, происходят некоторые подстройки, что прекрасно подходит к нашему случаю. И, когда кто-то занимается чем-то столь же революционным, как то, что делаем мы, слабые места – там, где произошла подстройка, – сразу вылезают наружу. Похоже на то, как микробы выбираются на свободу, и старое заболевание возвращается. Я смешал свои метафоры. Тут нет идеальной аналогии. Меня хоть немного было понятно?

– Лучше бы не было, – поморщившись, сказал Билл. – Не нравится мне это.

– На этой стадии мы только и можем, что гадать. Гадать... и ждать. Без контролирования ничего сказать нельзя, а мы ничего не контролируем. Есть только Руфус. И...

– И Руфус меняется, – закончил за него Билл. – Он превращается в кого-то другого.

– Не говори глупости, – резко сказал Морган. – Он превращается в Руфуса, вот и все. Руфуса, которого мы никогда не знали, настоящего Руфуса. Я предполагаю, что большая часть подстроек происходят в молодости, но он не зайдет так далеко. Я лишь хочу сказать, что истории про его прошлое могут быть... ну, не совсем точными. Сейчас он запутался. Нам придется подождать, пока изменения не

прекратятся, а его разум не прочистится и не сможет понять, что произошло на самом деле.

– Руфус меняется, – словно не слушая, упрямо повторил Билл. – Он возвращается в прошлое, и мы не знаем, когда это закончится.

– Уже закончилось. Он на последней серии препаратов. У тебя же нет причин думать, что он не остановится на тридцати пяти, не так ли?

Билл отложил журнал и задумчиво посмотрел на него.

– Причин нет, – сказал он. – Только... течение очень сильно. Биологическое время течет очень быстро, когда приближаешься к точке назначения. Как река перед водопадом. Интересно, можно ли зайти слишком далеко. Может быть, есть точка, после которой уже нельзя вернуться. Да, я паникую, Пит. У меня ощущение, что мы оседлали тигра.

– А теперь ты мешаешь метафоры в кучу, – сухо сказал Морган.

– Он больше не пускает меня в свою комнату, – сказал Билл в июне.

– Что еще? – вздохнул Морган.

– Ремонтники закончили два дня назад. Темно-фиолетовые портьеры на всех стенах. Я уверен, что они посчитали его сумасшедшим, но спорить не стали. Теперь он повесил старые часы, над которыми долго колдовал, где-то нашел стол с шахматной доской и производил на нем странные расчеты.

– Какие расчеты?

– Откуда мне знать? – раздраженно пожал плечами Билл. – Я думал, ему становится лучше. Эти периоды... ложных воспоминаний, казалось, не беспокоили его в последнее время. Или, если и беспокоили, то он не говорил об этом.

– А когда был последний раз?

Билл открыл ящик стола и раскрыл журнал записей.

– Десять дней назад он сказал, что вид из окна какой-то не такой. А комната некрасивая, и он не понимает, как прожил в ней все эти годы. Именно тогда он начал жаловаться на боли.

– А-а, «усиливающиеся боли». И они начали появляться в определенных местах – когда?

– Неделю назад. – Билл нахмурился. – Мне это не нравится. Я думал, они связаны с желудком – и все еще так считаю. Но у него вообще не должно быть никаких проблем. Его здоровье идеально. Последние рентгеновские снимки...

– Получены неделю назад, – напомнил Морган.

– Да, но...

– Если у него продолжает болеть живот после еды, возможно, что-то случилось лишь пару дней назад. Помни, Руфус уникален.

– Да, это так. Ну, я начну заново, если смогу поймать его. В последние дни он стал очень скрытным. У меня больше не получается застать его.

– Его сейчас нет? Я бы хотел взглянуть на его комнату.

– Ничего ты там не выяснишь, – кивнул Билл. – Но давай поднимемся.

Фиолетовые портьеры на секунду скрыли дверь из виду, словно комната пыталась удержать людей снаружи. Затем дверь открылась, и порыв ветра из зала заставил четыре стены ходить волнами и содрогаться темно-фиолетовыми складками, словно какие-то невидимые существа побежали прятаться, как только вошли люди. Фиолетовое свечение, пробивающее через шторы на окнах, было единственным, что освещало комнату, пока Билл не прошел и не раздвинул их. Затем вошедшие смогли лучше разглядеть большую резную кровать, комод и несколько стульев.

У кровати стоял шахматный столик, и в квадратах мелом были нацарапаны какие-то пометки. А рядом со столиком находились часы – старомодное украшение каминной полки, наполнявшее комнату странным икающим тиканием.

– Забавно, – послушав часы пару секунд, сказал Морган. – Интересно, это совпадение? Ты слышишь едва заметный стук между тиками?

Они снова прислушались. *Тик-ти-так*, шли часы.

– Они очень старые, – сказал Билл. – Возможно, с ними что-то не так. Вообще, я хотел, чтобы ты посмотрел на секундную стрелку. Видишь?

Длинная стрелка поворачивалась очень медленно. Она не соответствовала ходу двух других. Суть предположения состояла в том, что Руфус где-то нашел ее и весьма бессмысленно добавил к изначальной конструкции, поскольку, пока они смотрели, стрелка прыгнула на три секунды, а потом продолжала медленно ползти. Чуть дальше она прыгнула снова. Затем, совершив почти полный оборот, скакнула на пять секунд.

– Надеюсь, Руфус не засекает поnim время, – пробормотал Морган. – К счастью, он не зарабатывает себе на жизнь починкой часов. В чем тут смысл?

– Хотел бы я знать. Разумеется, я спрашивал, и он ответил, что просто чинит их. По крайней мере, это походило на правду. Смотри, вот тут кое-что странное. – Билл наклонился и открыл стеклянную дверцу. – Приглядись. Совсем крошечные. Тут и вон там, видишь?

Нагнувшись, Морган различил на циферблате часов, расположенные на разном расстоянии от цифр, группы очень маленьких цветных отметок. Красные, зеленые и коричневые, крошечные и замысловатые, с загнутыми хвостиками, словно в персидской письменности. Они шли по всему циферблatu, разноцветные и загадочные. Морган дернул себя за усы и присмотрелся к неправильной секундной стрелке, идущей рывками. Всякий раз, когда она прыгала, то оказывалась над одним из разноцветных иероглифов.

— Это не может быть совпадением, — через секунду сказал Морган. — Но в чем смысл? Что показывает эта стрелка? Ты спрашивал его?

Билл пристально посмотрел на друга.

— Нет, — наконец, ответил он, — не спрашивал.

— Почему же? — прищурившись, спросил Морган.

— Не знаю. Может быть... может быть, я не хотел знать. — Он закрыл стеклянную дверцу. — Выглядит безумно. Но когда дело доходит до приборов, измеряющих время... Ну, я бы не удивился, узнав, что Руфус знает об этом побольше нас. — Билл сделал паузу. — Ты отправил его разум исследовать время, — сказал он почти осуждающим тоном.

— Ты теряешь видение ситуации в целом, Билл, — покачал головой Морган.

— Возможно. А... что ты думаешь о шахматном столике?

Они тупо посмотрели на столик. Расположение аккуратных отметок в квадратах не имело никакой закономерности, хотя казалось, что для разума, сделавшего их, предназначение черточек было весьма ясным.

— Может, он просто пытался решить какую-то шахматную задачу, а? — предположил Морган.

— Я уже подумал об этом. Я как-то спросил его, не хочет ли он сыграть партию, а он ответил, что не умеет играть, и не желает тратить время, чтобы научиться. Именно тогда он выгнал меня из комнаты. Возможно, это как-то связано с часами. Знаешь, что я думаю, Пит? Если часы измеряют время, то, может быть, квадраты измеряют дни. Как календарь.

— Но почему Руфус не взял для этого обычный календарь?

— Не знаю. Я не психиатр. Впрочем, у меня есть одна мысль. Предполагаю, что во время сеансов гипноза ему показалось, будто он видел нечто, которое... встревожило его. Скажем, он, действительно, что-то увидел. Постгипнотические приказы не позволяют ему сознательно вспомнить это, но подсознательно он еще встревожен. Не могло ли это выразиться в бесцельной работе с пред-

метами, связанными со временем? И если да, думаешь, он сможет внезапно вспомнить, что кроется за его действиями?

Морган серьезно посмотрел на Билла через столик и икающие часы.

– Послушай. Послушай меня. Ты теряешь здравый взгляд на вещи. Ты ничем не поможешь Руфусу, если позволишь себе застрять в болоте мистицизма.

– Пит, что ты знаешь о Фаусте? – внезапно спросил Билл.

Если он ожидал услышать негодование, то весьма удивился. Морган скривился, вокруг его рта собрались глубокие морщины.

– Да. Я почитал про него в энциклопедии. Интересно.

– Давай на минуту предположим, что в основе легенды лежит реальный факт. Предположим, что три сотни лет назад жили два человека, устроивших тот же эксперимент и записав результаты неким шифром. Ничего не напоминает?

– Да, в общем-то, ничего, – нахмурился Морган. – В основе легенды лежит старая средневековая легенда, что знание – это зло. «От древа познания добра и зла, не ешь плоды его». Фауст, как и Адам, соблазнился,кусил плод и был за это наказан. Мораль достаточно проста и заключается в том, что знать слишком многое – это то же самое, что идти против Бога и природы, и за этим следует кара.

– Да, все так. Фауст расплатился своей душой. Но суть в том, что эксперимент пошел гладко только в самом конце, а затем внезапно прекратился. Мефистофель не выписывал никаких счетов и не забирал награду. Их опыт сразу же отклонился от изначального плана – как и наш. Фауст был умным человеком. Он не стал бы менять свою бессмертную душу на краткий миг на земле. Это бы не стоило того. Дело в том, что Фауст не воспринимал Мефистофиля всерьез, пока не стало слишком поздно. Он намеренно позволил Мефистофелю позволить ему купаться в показной роскоши, совершенно точно зная, что полученное удовольствие не будет ничего значить. И это так, иначе сделка была бы недействительной. Именно тогда Фаусту, действительно, начало нравится то, что предлагал Мефистофель, и он отдал душу, но не в самом конце, а когда былоплачено по счетам. – Билл многозначительно ударил по шахматному столику.

– А шифр может точнее указать на то, что все вышло из под контроля с самого начала? – спросил Морган.

– Все, что нам нужно сделать, – узнать, что скрывается за словом «душа», – прищурившись, ответил Билл.

– У тебя уже есть какие-нибудь варианты? – с сарказмом поинтересовался Морган. – Меня больше беспокоишь ты, Билл, а не Руфус. Я уж начинаю думать, правильно ли мы выбрали подопытного. Ты слишком близок к Руфусу.

Морган удивился, заметив реакцию Билла. Он увидел, как тот слегка нахмурился, снова стукнул по столику, затем подошел к окну и вернулся обратно. Морган ждал.

– Не совсем, – вскоре сказал Билл. – Мы с отцом никогда не были особенно близки. Он не такой человек. А вот Руфус другой. У него есть тепло, которого так не хватало отцу. Мне он нравится. Но дело не только в этом, Пит. В наших отношениях есть то, что влияет на меня так же, как и на Руфуса. Это нечто физическое. Руфус – мой ближайший родственник, хотя внешне он мне совсем не знаком. Половина моих хромосом – его. Если бы я ненавидел его, то все равно был бы связан этим наследием. Сейчас с ним происходит то, что, насколько мы знаем, никогда раньше не происходило ни с одним человеком. В итоге, получается так, что, когда ты уводишь его с привычного курса человеческого поведения, то уводишь и меня. Я больше не могу смотреть на эксперимент со стороны. – Билл засмеялся так, словно за что-то извинялся. – Мне продолжают сниться реки. Глубокие, быстрые реки, текущие все быстрее и быстрее и падающие в бездну, которой никак нельзя избежать.

– Такие сны – символ... – начал Морган.

– О, разумеется, я знаю теорию Фрейда. Но река является символом сама по себе. Иногда на плоту Руфус, иногда я. Но бурный поток никогда не отпускает нас. Мы заплыли слишком далеко, чтобы можно было вернуться. Я думаю, а что, если...

– Кончай думать. Ты слишком много работаешь. Тебе нужно отдохнуть от Руфуса и всего, что с ним связано. После этого сделай рентгеновские снимки и выясни, что с ним не так, если, конечно, какое-то время не будешь с ним контактировать. К тому времени, Руфус уже снова начнет стареть, и ты забудешь о реке и начнешь видеть сны о змеях, зубах или еще о чем-то обычном, по Фрейду. Договорились?

– Хорошо, – с сомнением кивнул Билл. – Я попробую.

Три дня спустя, в лаборатории Уэстерфилдов, Морган поднес рентгеновский снимок к лампе и прищурился, разглядывая темный лабиринт очертаний брюшной полости Руфуса. Он смотрел довольно долго, и его рука уже начала дрожать к тому времени, как он осторожно положил пластину и исподлобья посмотрел на Билла. На лице Моргана было выражение недоумения, граничащего со страхом.

– Ты подделал его!

Билл сделал слабый жест.

– Как бы я хотел, чтобы так оно и было.

Морган одарил его еще одним проницательным взглядом и опять повернулся к свету, чтобы посмотреть на снимок еще раз. Его рука все еще дрожала. Он придержал ее второй рукой и присмотрелся. Затем взял другую пластину и взглянул на нее.

– Это невозможно, – заключил Морган. – Такого еще никто не видел. Невероятно.

– Упрощение... – неуверенным голосом начал Билл.

– Чудо, что он вообще способен переваривать пищу, с такой-то пищеварительной системой. Не то, чтобы я, разумеется, поверили этому хоть на минуту.

– Все упрощено, – продолжал Билл, словно не слыша Моргана.

– Даже кости. Даже ребра. Они гнутся, как у детей, и наполовину представляют собой хрящи. Увидев это, я задумался. Я смерил ему температуру, чисто интуитивно, и оказалось, что у него больше сорока по Цельсию. Щитовидка Руфуса просто сжигает его. Но, Пит, кажется, это не наносит ему никакого вреда! Ни потери веса, ни увеличения аппетита, спит, как младенец... да и мои нервы расшатаны вдвое больше, чем у него.

– Но... это же невозможно.

– Знаю.

Молчание.

– Нашел еще что-нибудь?

– Не знаю, – беспомощно пожал плечами Билл. – После увиденного, мне уже было страшно проводить другие тесты. Правда, Пит – мне было страшно.

Морган отложил вторую пластину и повернулся спиной к столу. Впервые в его движениях появилась неуверенность. Он перестал быть человеком, уверенным в своих действиях.

– Да... – нерешительно сказал он. – Начнем завтра и проведем полный осмотр. Думаю... Думаю, мы узнаем, в чем...

– Все без толку, Пит. Ты же сам это видишь. Мы запустили то, что нельзя остановить. Он проплыл по реке слишком далеко, и поток уже не отпустит его. Все основные жизненные процессы, протекающие в молодости очень быстро, теперь несут его быстрее, чем мы можем уследить. Бог знает, куда это приведет – уж точно не туда, где кто-то уже бывал... но он попал в поток времени, и мы ничего не можем поделать с этим.

Секунду спустя Морган кивнул.

– Ты был прав, – сказал он. – Ты был прав с самого начала, а я ошибался. Что теперь?

Билл сделал жест, выражавший тщетность любых попыток.

– Понятия не имею. Это все еще твоя затея, Пит. Я просто помогаю тебе. Я увидел опасность первым, потому что... ну, может быть, потому что Руфус – мой отец, и я ощущаю... какую-то связь между нами. Когда он сошел с курса, я физически почувствовал это. Это что-нибудь объясняет?

Морган сел, испытывая внезапную усталость, словно все его мышцы резко ослабели. Но голос, после мгновения растерянности, снова стал твердым.

– Нам предстоит это выяснить. Давай посмотрим.

Он зажмурился глаза и протер закрытые веки дрожащими пальцами. Снова повисло молчание. Вскоре Морган поднял голову.

– Руфус менялся с самого начала, – сказал он. – Раньше я предполагал, что наши препараты каким-то непонятным образом перемешали его хромосомы и гены, и он стал возвращаться к предкам, о которых мы ничего не знали. Но сейчас я думаю, а что, если...

Морган замолчал, на его лице появился испуг. Он с выпученными глазами уставился на Билла.

– А что, если... – беззвучно повторил он, словно его губы прошептали что-то бессмысленное в то время как разум убежал вперед слишком далеко, чтобы закончить мысль.

После этого Морган встал внезапным, резким движением и начал расхаживать по комнате быстрыми шагами.

– Нет, – пробормотал он, – это безумие. Но...

Билл смотрел на него еще пару секунд.

– Раньше у меня была такая же мысль, – тихонько сказал Билл. – Но я боялся говорить об этом.

Голова Моргана дернулась вверх, и он посмотрел на Билла. Их глаза встретились, и во взгляде Моргана был трепет.

– Может быть, хромосомы перемешались... слишком сильно? И сложились... совсем по-другому?

– Ты видел рентген, – осторожно сказал Билл.

– Давай выпьем, – ответил на это Морган.

Когда они снова уселись, а звон льда в стаканах начал оказывать успокаивающее действие, Морган заговорил все еще напряженным голосом:

– Возможно, существует раса, представители которой похожи на Руфуса. Или когда-то существовала. Не стоит хвататься за невозможные теории до того, как закончатся нормальные объяснения. Я думал о расах с такими же внешними признаками, но сейчас на Земле таких нет, что, впрочем, не говорит о том, что их никогда не было. Как ты знаешь, ни одна раса не появилась из ниоткуда. У нас

с тобой тоже были далекие предки, которые жили в Атлантиде, или, во всяком случае, были современниками атлонтов. И кто знает, как выглядели *оны*?

— Ты опять забываешь, — по-прежнему спокойным голосом напомнил Билл. — Рентген. И это может быть только начало. Он движется все быстрее и быстрее. Физиологическое время идет тем быстрее — намного быстрее — чем ближе точка отсчета. Думаешь, когда-нибудь существовала раса, походившая на Руфуса... изнутри?

Морган посмотрел на него через стекло стакана. Он набрал воздуха, чтобы сказать что-то убедительное, но затем просто выдохнул.

— Нет. Я так не думаю. Точно не на Земле.

— Хорошо, — сказал Билл. — Представь, что она не с нашей планеты.

— Как?

— Не знаю. Попробуй. Сам я боюсь. Мои идеи слишком... в них слишком легко поверить. Мне интересно, до чего додумаешься ты, если пойдешь по тому же пути. Давай... продолжай.

— Руфус... подменыш, — с трудом подбрав нужное слово, начал Морган. — Еще в глубокой древности существовали истории о подмене детей. Задолго до легенды о Фаусте. Интересно, не был ли Фауст тоже подменышем? Была ли у него та же самая потенциаль-

ная наследственная черта, которую обратный ход времени делает доминирующей? Подмены... ребенок колдуньи... или колдунов? Хрупкие люди, невидимые, если им того хочется, живущие в ином мире... в другом измерении? В других измерениях, Билл?

Билл пожал плечами.

– Руфус не может быть то, что едим мы. Если изменения продолжатся, то на Земле уже не окажется пищи, которую он сможет переварить. Может быть, в каком-то другом месте она есть...

– Хотя, может быть, изменений больше не будет. Нельзя сказать наверняка. Неужели мы обманываем сами себя, хватаясь за фантастические истории в качестве ответа, который, возможно, нам и не нужен.

– Думаю, все-таки нужен, Пит. Во всяком случае, давай продолжать и посмотрим, что получится. Другое измерение, говоришь...

– Хорошо, предположим, что многих детей и, правда, подменили, – яростно сказал Морган. – Предположим, что гоблины существуют, и все происходит по ночам...

– «Боже милостивый, наведи нас на путь истинный». – Билл с улыбкой закончил цитату. – Используй логику, Пит. Я не ожидаю, что ты поверишь, в тыкву, превратившуюся в карету. Но если применить алхимическую формулу к идее о подменах, или легенде о Фаусте, разве это никуда нас не приведет?

– О, это не так уж и ново. Раньше считалось, что сверхъестественные существа из легенд могут быть искаженными воспоминаниями каких-нибудь пришельцев из других измерений. Но Руфус...

– Все в порядке, Пит, говори.

– Руфус может быть – по крайней мере, так кажется – наследником какого-то обитателя другого мира, – подняв губу с густыми черными усами, сказал Морган с видом намеренного самопожертвования. – Ты это хотел услышать?

– Почти.

– Это объясняет... – Морган внезапно просиял от мысли, оправдывающей его жертву. – Объясняет его реакцию на фотографию матери. Объясняет, почему ему все кажется не таким, как надо. Даже частично объясняет его невозможные воспоминания.

– Да... частично, – с сомнением сказал Билл. – Есть кое-что еще, Пит. Не знаю, что именно... просто знаю, что это не все. Это совсем не просто. Часы и календарь, – если шахматный столик, действительно, представляет собой календарь, – да, можно сказать, он ощущает схему времени, отличную от нашей, пытается восстановить нечто знакомое из его другой жизни, жизни, которую он не может вспомнить до конца. Но и это еще не все. Мы все узнаем до того, как дойдем до конца, Пит. Он возвращается. Мне страшно. Я

не хочу знать об этом. Мой разум паникует, когда я задумываюсь о том, что будет дальше. Я связан с ним. Но мы все равно узнаем. Выясним. Мы еще не докопались до истины, но, когда это случится, то мы поймем, что все не так просто.

— До истины? О чём ты? Есть еще один момент, Билл. Руфус не был таким, пока взросел естественным путем. Помнишь, мы как-то обсуждали возможность того, что врожденные отклонения исчезают при взрослении? *Возможно*, он столкнулся с результатами нарушения этой подстройки. Но нельзя муттировать в обратную сторону. Это просто немыслимо, вне зависимости от того, из какого мира прибыл Руфус. Можешь сказать, что он унаследовал потенциал марсианина или набор хромосом из другого измерения, но это все равно не будет служить хорошим объяснением. Мутация... расширяется, процветает, а не идет на убыль. И это *должно* быть справедливо для любого... — Морган замолк, его густые брови нахмурились. — Я ошибся на этот счет, — медленно начал он через некоторое время. — Ну... давай подумаем. Мое утверждение справедливо только при том же течении времени. И как раз это не подходит к Руфусу.

— Он движется против хода времени, — нахмутившись, сказал Билл, — но это же субъективно, разве не так?

— Да, начиналось так, да. Может быть, следствие влияет на причину?

— Хочешь сказать, Руфус искривляет *время*?

Морган не слушал. Он достал карандаш и бумагу из кармана и принял царапать бессмысленные загогулины. Тянулись долгие секунды. Затем острье карандаша остановилось.

Морган поднял голову, в его глазах все еще была озадаченность.

— Возможно, я все понял, — сказал он. — Возможно. Послушай, Билл...

На железной дороге несколько параллельных путей. По каждому безостановочно движется поезд.

В соответствии с теорией параллельного времени, каждый поезд — пространственная вселенная, а пути проложены по темному полотну самого времени. Давным-давно, во тьме веков, возможно, существовал только один путь, который потом разветвился.

После того, как путей стало огромное множество, параллельные дороги объединились в небольшие группы — Нью-Йорк Централ, Пенсильвания, Южно-тихоокеанская и Санта Фе. Поезда в каждой — вселенные — грубо говоря, одинаковые. В Пенсильвании у поездов много вагонов, несущихся с головокружительной скоростью через тусклую дымку веков, но все они содержат узнаваемые раз-

новидности гомо сапиенса. Пути разветвляются, но система – все еще единое целое.

Но есть и другие группы.

У них имеется одна общая черта – нет, две. Они параллельны во времени и берут начало из одного немыслимого источника, скрытого в ошеломляющем своей невероятной загадочностью чреве пространства и времени. В *начале времен*...

Но в начало времен невозможно вернуться. Нельзя даже просто встать на временном пути. Потому что поезд неумолимо движется вперед, он не там, где был двадцать, пятьдесят или восемьдесят лет назад, и, если попытаться отследить пройденные шаги, то окажешься на странной дороге. Она и не совсем пространственная и не совсем временная. Возможно, тут затрагиваются... ну, назовем их измерениями – это так невообразимо чуждо для нас, что мы даже не можем представить, что это такое, если нет... различия.

Но эта дорога может быть мостом, переходом, который найдет путешественник, попытавшийся вернуться назад во времени. Это может быть канатом, ненадежно перекинутым между параллельными путями времени. Буква «N» хорошо показывает это. Вертикальные линии – пути, по которым идут поезда. А наклонная линия – это переход с Пенсильвании на Нью-Йорк Централ.

Различные компании. Различные пути. Различные... группы.

Так что невозможно вернуться в свою юность, невозможно вернуться назад, тех моментов больше нет. Они остались на путях, затерялись в сумерках, где закончил тлеть пепел Тира и Гоморры.

И дело не только в хромосомах. Не в субъективном взгляде. Но в возвращении под углом, в одно из параллельных времен, где существует какой-то другой Руфус Уэстерфилд.

Параллельность не подразумевает похожесть – только не тогда, когда вовлечены космические уравнения. Основная матрица, возможно, не меняется, но только Бог может разглядеть такое глубокое сходство. Как, например, общность между всеми млекопитающими. Млекопитающими являются как киты, так и морские свинки.

Так что, возможно, в бесконечном количестве поездов, движущихся по бесконечному числу путей, существует множество Руфусов Уэстерфилдов – но он вернулся не по пенсильванской линии.

Линия Нью-Йорк Централ была... параллельной, но *гомо сапиенсам* продали билеты только на пенсильванский путь.

Руфусу Уэстерфилду было двадцать пять. Он вытянулся во весь рост на качелях, висящих на веранде, и дремал жарким июльским утром. Одна рука была под головой, и он то и дело подтягивал себя за цепь, держащую качели.

Леность была лейтмотивом этого периода жизни Руфуса. Что казалось странным по контрасту с ясным, насмешливым лицом, чуть-чуть не похожим на его лицо сорока с чем-то лет назад, когда ему первый раз было двадцать пять. Тем не менее, вы бы с первого взгляда поняли, что Руфус и Билл – близкие родственники. Изменения были слишком слабыми, чтобы повлиять на это. Но черты лица Руфуса стали более острыми, и не только в физическом плане. И несовместимая с этим леность придавала ему высокомерный вид.

С учетом ситуации, это была нормальная леность, но она плохо сочеталась с молодостью Руфуса. В двадцать пять разум такой же энергичный и сильный, как и тело, и у Руфуса не должно было быть никакой вялости. Но в двадцать пять у обычного человека лишь начинается самый продуктивный период его жизни. Всю молодость он с нетерпением движется к завершению своего взросления.

Но в прошлом у Руфуса Уэстэрфилда не было ничего незрелого. И его не ждала вся жизнь. Быстрый поток времени пролетел мимо него и скрылся из виду. Руфус двигался к беспомощности младенчества, а не к расцвету жизни. И каждый проходящий день ему казался длиннее и яснее, чем предыдущий. В то время как физические процессы тела шли все быстрее и быстрее, приближая его к детству, время для его разума замедлялось. Мысли юности, как писал Лонгфелло, долгие, очень долгие мысли.

Руфус вытянул руку и ловко взял с пола стакан, когда раскачивавшиеся качели качнулись в нужную сторону. Лед приятно зазвенел, это был ром «Коллинс», уже пятый стакан за сегодня. Он смотрел, как на полу веранды дрожат тени листвьев, и довольно улыбался, потягивая и перекатывая во рту сладковатый, крепкий напиток. По мере того, как годы шли назад, вкус ощущался все сильнее и явственнее. Рот младенца заполнен вкусовыми рецепторами, и они постепенно возвращались в рот Руфуса.

В последние два месяца он много пил. Частично потому, что ему нравилось это, а частично из-за того, что алкоголь был одним из немногих продуктов, которые его пищеварительная система могла выносить. И выпивка помогала смазать неотвязное ощущение, которому Руфус не мог дать названия, чувства, что многое вокруг него было неописуемо неправильным.

Руфус был умным молодым человеком. И к тому же обладал большой терпимостью. Он не видел смысла позволять чувству неправильности чрезмерно окрашивать его жизнь. Когда мог, то не обращал на это внимания. Отчасти это являлось просто достойным восхищения приспособлением к окружающей среде. Было ужасно жаль, что человек, через меняющиеся фазы которого так быстро двигался Руфус, останется наполовину неизвестным. Он был бы

прекрасным человеком с памятью и мудростью, накопленной за семьдесят лет, энергичным умом и телом, саркастической проницательностью, и недавно развившимися теплотой и юмором. И со всеми этими захватывающими подробностями изменения, на источник которых никто до сей поры не натыкался. Руфус, вероятно, был смесью человека и сверхчеловека, наверное, взяв лучшее от каждого, но никто не сможет понять его целиком. Человек, которым он мог быть, двигался слишком быстро, чтобы толком успеть прожить жизнь Руфуса из параллельного мира. Поток, несший его вперед, нельзя остановить или замедлить.

Частично это было терпимой поправкой к жизни, позволившей ему спокойно принять то, что скоро случится. Но также можно было сказать, что он опережал развитие, только в обратном направлении. Потому что Руфус был намного умнее, чем обычный человек в двадцать пять – двадцать шесть лет, значительно опережая свои годы. Его разум находился на уровне гораздо более взрослых людей. И сейчас, приближаясь к двадцати четырем, он все еще опережал свой возраст. Но наоборот. Было заметно, как разум Руфуса медленно погружался в долгие мысли юности. Это очень помогало ему.

Приятная размытость опьянения обладала и другим эффектом. Она снижала поверхностное напряжение его разума и позволяла странным плавающим обломкам плыть дальше. Воспоминаниям и фрагментам, не имевшим места в прошлом, которое он уже прошел. Осознавая это, Руфус не прилагал усилий разрешить этот парадокс. Плыя по течению времени, он все больше приближался к тому периоду, когда человек подвергает сомнению только сверхъестественные аспекты своего мира. По существу, он принимает их, полностью полагаясь на защиту окружающих. И в Руфусе сам разум вынудил его преждевременно вернуться в состояние ума, принадлежащее детству, потому что именно в этом состоянии он мог найти самую лучшую защиту от опасности, которую его подсознание, наверное, ощущало и не позволило внешним слоям разума подозревать о ней.

На поверхности, воспоминания двух жизней, вызванные алкоголем, выплывали, слившись воедино и снова медленно тонули. В начале воспоминания другого прошлого были тонкими, как прозрачные завитки дыма, проплывающие перед лицом памяти о более четких событиях, неотличимых от реальности. Прошло много времени, прежде чем Руфус осознал, что через его разум одновременно проходят два набора воспоминаний, многие из которых были взаимоисключающими. К тому моменту, когда он убедился в этом, ему стало все равно. То, на что он не мог повлиять, происходило

с непреклонной цикличностью, плавно несшей его к логическому концу, который Руфус и не пытался представить, – это случится в свое время, и он не пропустит этот миг; он был готов к нему.

Теперь воспоминания другого прошлого наложились почти на все воспоминания Уэстерфилда. Руфус смутно видел годы Уэстерфилда, видел их через туман застилающих событий, которые совсем не казались ему странными, и не более чуждыми, чем память о юности Билла и давно умершей жене. Руфус больше не мог с одного мысленного взгляда отличить, какое воспоминание принадлежало прошлому Уэстерфилда, а какое – *другому*. Но они были разными. Очень разными. Люди, проходившие мимо и через его воспоминания о Билле и Лидии, люди, чьи имена он знал, но еще не мог произнести, были теми, кто, возможно, сыграл огромную роль в том другом прошлом, в том другом месте.

Но они тоже скрывались за всеохватывающим безразличием, которое было его защита и тем, что его развитие опережало возраст. Как и все Уэстерфилды, воспоминания о них принадлежали к периоду, который двигался слишком быстро, чтобы прочувствовать его. У Руфуса не было времени на неспешный вызов духов прошлого.

Так что он с удовольствием помнил, что не надо ничего спорить, а нужно лишь позволять алкоголю выпускать двойной поток воспоминаний, и давать им беспрепятственно пролетать мимо. Лица, цвета, ощущения, – он не пытался вспоминать их названия, песни… как та песня, что он напевал себе под нос под ритм качающихся качелей.

Поднявшись по ступенькам, Билл услышал песню и стиснул губы. Это совсем не походило на мелодию, поскольку являлось одной из ноющих, невозможных гармоний, которые Руфус постоянно напевал, не совсем сознавая, что делает. Слова были не английскими, он пел их отрывками, а мелодия была более чуждой, чем кафоноия восточной музыки. Билл попытался понять, о чем поется в песне, но быстро сдался. Он частенько так поступал за последний месяц, с тех пор, как стало очевидно, что Руфус не остановится на тридцати пяти, что должно было стать концом его путешествия во времени. Билл встретил неудачу на полпути и сделал это со всей невозмутимостью, которую смог призвать. Не оставалось ничего, кроме как достойно принять поражение.

Руфус на качелях казался спящим. Веки закрывали раскосые черные глаза, а лицо не выражало ничего, кроме расслабленности. Билла беспокоило, что, хотя оно больше не походило на лицо Уэстерфилда, но все равно имело нечто общее с его собственным. Снова и снова он с беспричинной тревогой чувствовал, что, по

мере изменения внешности Руфуса, тот начал приобретать черты лица Билла. Разумеется, это было не так, поскольку ужасные перемены заключались не просто в том, что лоб и скулы стали другими, но эффект все равно приводил в замешательство.

Руфус не открыл глаза, когда шаги его сына застучали по полу деревянны.

– Собираешься сегодня вечером пойти на свидание, Билл? – лениво спросил он.

– Нет, спасибо, только не с одной из твоих девушки. Я знаю, когда мне лучше устраниться.

Так и не поднимая век, Руфус засмеялся глухим, ленивым смешком, обнажив белые зубы. Затем слегка пошевелился и все же взглянул на сына. Билл ощутил, как его внезапно сковал ужас. Было очень неприятно взглянуть в эти глаза без предупреждения.

Поскольку, хотя веки поднялись, Руфус смотрел непосредственно черными взглядом, который когда-то был насмешливым, а теперь только ленивым и самодовольным. Его глаза закрывало нечто тонкое и непроницаемое, нечто, медленно отодвинувшееся назад, с неторопливостью кошачьего или совиного взгляда. Не так давно у Руфуса появилась мигательная перепонка, третье веко.

Если он знал об этом, тмо не подавал вида. Он радостно улыбался. Перепонка отодвинулась и исчезла, словно ее вообще не было. Руфус вытянулся и встал с размеренной, медленной гибкостью, и Билл на секунду сумел забыть о том, что только что видел.

Тело Руфуса имело прекрасную мускульную координацию, которая теперь выглядела как-то театрально. А организм внутри, наверное, невероятно отличался от человеческого. Билл не проверял, что изменилось за последние пару недель, хотя изменения, наверняка, происходили ежеминутно. С чисто научной точки зрения, Билл должен быть в восторге из-за того, что происходит. Но не был. Он принял факт провала, потому что должен был так сделать, но узнавать причины такого исхода ему совсем не хотелось. Дело не только в нерешенной загадке. А в том, что в этом тесно замешана его собственная плоть и кровь. Как человек с неизлечимой болезнью может скрывать свою немощность, так и Билл не будет дальше разбираться в невозможных вещах, меняющих тело, которое на половину принадлежало ему.

Руфус смотрел на него и улыбался.

– Как ты состарился, – пробормотал он. – И ты, и Пит. Я помню, когда вы были мальчишками, два-три месяца назад. – Он зевнул.

– У тебя сегодня свидание? – спросил Билл.

Молодой Руфус кивнул, и на мгновение его черные глаза почти закрылись, а третье веко сонно скользнуло вперед, полуприкрывая

радужную оболочку. Он выглядел, как осторожный, враждебно настроенный кот. Билл не мог смотреть на него. К этому времени Билл стал безразличным к этим меняющимся парадоксам, и его уже не шокировало хладнокровие Руфуса, но он все еще не мог спокойно смотреть на его глаза, этот новейший признак ненормальности.

— Не выгляди таким самодовольным, — коротко сказал он и быстро ушел в дом, позволив двери громко захлопнуться за ним.

Руфус приоткрыл глаза, и дополнительное веко отъехало назад, но не до конца. Он посмотрел вслед сыну, но как-то без особого интереса, как человек, смотрящий за уходящим котом, равнодушным к чужому виду взглядом.

Этой ночью Руфус пришел домой поздно и очень пьяным. Морган с Биллом ждали в гостиной, и молча вышли встречать такси, привезшее Руфуса. Его обмякшее тело было грациозным даже в таком состоянии. Водитель был чуть ли не в истерике. Он боялся трогать своего пассажира. Было невозможно понять, почему — наверное, из-за чего-то, что Руфус сделал или не сделал, а, может быть, только сказал по пути домой.

— Что он *тил*? — продолжал спрашивать водитель, делая акцент на последнее слово. — Что он мог такое *пить*?

Они не знали, что ответить на это, и так и не получили вразумительного ответа от водителя. Такси уехало, как только Билл заплатил, — водитель отказался прикасаться к деньгам из бумажника Руфуса, — скорее даже не уехало, а умчалось, взревев двигателем.

— Раньше так уже было? — спросил Морган через поникшую набок темно-рыжую голову Руфуса.

Билл кивнул.

— Не так плохо, разумеется. Он... вспоминает... разные вещи, когда напьется, знаешь ли. Может быть, в этот раз Руфус вспомнил нечто крупное. Он всегда снова забывает это, и, может, оно и к лучшему.

Руфус между ними зашевелился, что-то пробормотал, но не на английском языке, и взмахнул обеими руками, неудачно сделав все-占有ывающий жест, словно перед ним раскинулось что-то огромное. Он звонко засмеялся, совсем не как пьяный, и тут же обмяк.

Они положили его на большую резную кровать наверху, в комнате с фиолетовыми шторами. Руфус лежал распластавшись, как ребенок, его знакомое лицо странным образом напоминало твердую маску, под которой не было ничего. Они уже повернулись, чтобы оставить его одного, оба с поджатыми губами и в замешательстве, но остановились посреди комнаты, когда Билл вдруг принюхался.

— Парфюм? — с удивлением спросил он.

Морган поднял голову и тоже принюхался.

– Жимолость. Очень сильный запах.

От сладкого, тяжелого запаха их внезапно начало подташнивать. Они развернулись. Руфус дышал с открытым ртом, и аромат возле него был почти осязаем. Они медленно вернулись к кровати.

Благоухание ударило им в лицо. Запаха алкоголя совсем не чувствовался, но сладость жимолости ощущалась так сильно, что почти оставляла на языке привкус сахара. Оба тупо переглянулись.

– Любой другой просто задохнулся бы, – наконец, сказал Морган. – Но мы не сможем отделить от него источник запаха, не так ли?

– Я открою окна, – сдержанно ответил Билл. – Мы понятия не имеем, что может навредить ему.

Когда они вышли из комнаты, шторы колыхались на ветру, дующему из окон, а стены в комнате, казалось, содрогались. Не считая икания часов с длинной, скачущей секундной стрелкой, в тишине было слышно лишь ароматное дыхание Руфуса. Когда Билл с Морганом подошли к двери, аромат, выдыхаемый Руфусом, немного изменился. Было невозможно сказать, стал аромат приятнее или нет, произошла необъяснимая перемена запаха, как цвет может едва заметно менять оттенки. Но новый запах был не похож на что-либо, что когда-нибудь вдыхал человек.

Билл ненадолго остановился, встретился взглядом с Морганом, затем пожал плечами и вышел.

– Он быстро движется, – заметил Морган в кабинете внизу и некоторое время молчал. – Может, я лучше посижу там, Билл, пока все не закончится.

– Да, было бы неплохо, – кивнул Билл. – Осталось недолго. Думаю, очень недолго. Они растут так быстро... можно практически увидеть, как растет ребенок. А Руфус сжал годы в недели.

Биологическое время течет, как река, у источника поток уже и быстрее. И восприятие времени становится яснее и замедляется с каждым проходящим днем. Руфус неумолимо возвращался в свое первое детство – или, возможно, третью, если считать все, хотя память о древнем прошлом уже почти исчезла. В молодости, как и в старости, забывчивость туманила его спокойный разум, отчасти потому, что дни зрелости остались далеко позади, но частично еще и потому, что его сознание медленно возвращалось в безмятежную незрелость детства. Быстро мчась по ускоряющемуся потоку, Руфус возвращался к нестабильности юности.

Теперь его, казалось, охватила странная спешка. Она походила на беспричинный инстинкт у животных, заставляющий их рыть нору для потомства, врожденный феномен, вне зависимости от того, с какой стороны двигаться к этому событию, казалось, вызывал интуитивное знание того, что грядет, и что будет для этого нужно.

Руфус начал оставаться в своей комнате все дольше и дольше, возмущаясь на вторжение и вежливо сопротивляясь ему. Что он делал, было трудно понять, но на шахматном столике было много меловой пыли. И он продолжал работать с часами. Теперь у них было четыре стрелки, на циферблате появились концентрические круги, а лишняя стрелка стала пятном, вращающимся по раскрашенному циферблату. Все это могло показаться типичной одержимостью молодого разума техническими новинками, если бы не спешка, которую не ощущает ни один нормальный ребенок.

Было нелегко установить, что еще происходит с быстро меняющимся телом Руфуса, поскольку он противился любым обследованиям, но все-таки им удалось обнаружить, что его метаболизм невероятно ускорился. Он не проявлял типичных признаков гипертиреоза*, но малые железы в его горле быстро вытесняли все остальные, развившиеся давным-давно, во времена его первого детства.

Обычный огромный аппетит при гипертиреозе не мог угнаться за быстротой, с которой Руфус тратил энергию, поскольку его не-нормально ускоренный метаболизм поглощал даже ткани тела в отчаянных усилиях догнать самого себя. И этот всепожирающий метаболизм Руфуса обратил взор на мышцы и кости. Физически он больше не был крупным человеком, он неуклонно терял вес и рост, сжигая собственное тело изнутри, чтобы утолить чудовищный голод. Но для Руфуса это было невероятно нормальным. Он не ощущал слабости.

И внутри него, возможно, еще более незаметно, белые кровяные тельца, вероятно, подвергались изменению и многократному увеличению количества, чтобы атаковать внутренние органы и изменить их таким же образом, подобно тому, как фагоциты запускают процесс гистолиза внутри куколки, превращая то, что там находится, в плазму, которой питается имаго. Но, что находилось внутри меняющегося тела Руфуса Уэстерфилда, было секретом, запертым в генах, которые время расположило таким странным образом.

Все это называлось регрессом, хотя в каком-то смысле было и прогрессом, если постепенное, уверенное продвижение к цели

* Гипертиреоз – синдром, обусловленный повышением активности щитовидной железы (прим. перев.)

можно так назвать. Поток времени сузился вокруг него, мчась назад, к источнику.

– Должен заметить, что сейчас ему лет пятнадцать, – заметил Билл. – Точнее сказать сложно – он больше не выходит из комнаты, даже для того, чтобы поесть, и я не вижу его, если только не настаиваю на этом. Он сильно изменился.

– Как именно?

– Его лицо... Не знаю. Оно стало острее и утонченнее, но совсем не по-детски. Его кости кажутся гибкими, все кости... Совершенно невероятно. И у него такой жар, что чувствуется даже без прикосновения. Но, кажется, его это совсем не беспокоит. Он просто большую часть дня чувствует себя уставшим, как ребенок, растущий слишком быстро. – Билл замолчал и посмотрел на свои сплетенные пальцы. – Чем все это закончится, Пит? Когда это *сможет* закончиться? Таких precedентов еще не было. Не могу поверить, что он просто...

– Не было precedентов? – прервал его Морган. – Помню время, когда ты считал, что мы повторяем шаги Мефистофеля.

Билл посмотрел на Моргана.

– Fausta... – неуверенно сказал он. – Но Faust вернулся в определенный возраст и остановился на нем.

– Мне интересно, – голос Моргана был слегка саркастическим. – Если легенда является шифром, то, может быть, счет, предоставленный Мефисто, имел нечто общее с.... этим. Может быть, то, что в легенде указывалось, как потеря души, походило на то, что сейчас происходит с Руфусом. Возможно, он потерял тело, а не душу. К тому же, алхимики всегда выражались неясно. «Тело» вместо «души» – весьма очевидная замена.

– Слишком очевидная. Мы еще не видели конца. Когда увидим, то узнаем. Я хочу признать, что мораль этого... со слишком большим знанием сложно справиться, не потеряв... ну, что-то важное. Что касается наказания... нам придется дождаться его.

– Гм, – ответил Морган. – Говоришь, он сейчас не похож на ребенка? Вспомни, я вообще не заходил в его комнату.

– Да. Какое бы детство у него... у них ни было, оно сильно отличается от нашего. Но я не видел его достаточно отчетливо. У него там всегда темно.

– Хотел бы я знать, – нетерпеливо перебил его Морган. – Я бы очень хотел... считаешь, у нас не получиться просто войти и включить свет, а, Билл?

– Нет! – быстро воскликнул Билл. – Ты обещал мне, Пит. Мы должны оставить его в покое. Это меньшее, что мы можем сделать. Он знает, понимаешь. Разумом или подсознанием – не могу ска-

зать, чем именно. В любом случае, этот разум или инстинкт *наши* вид никогда не поймет. Но он единственный в доме, кто уверен в себе. Мы не должны мешать ему.

— Ладно, — с сожалением кивнул Морган. — Мне бы хотелось, чтобы это не был... Руфус. У нас связаны руки. Жаль, что он не просто подопытный. Мне в голову приходят странные вещи. По поводу его... вида. Билл, ты когда-нибудь думал о том, как сильно отличается внешне ребенок от взрослого? С точки зрения взрослого, все пропорции ребенка ненормальны. Мы так привыкли к виду детей, что они кажутся нам людьми даже с рождения, но кто-нибудь с Марса может и не распознать в них тот же вид. Тебе не приходило в голову, что, если Руфус вернулся... в младенчество... затем обратил процесс и вырос, то он, вероятно, вырастет во что-то чуждое? В нечто, что мы даже не узнаем?

Билл поднял голову, внезапно глаза засияли от возбуждения.

— Думаешь, такое и правда могло случиться?

— Откуда мне знать? Поток времени слишком непредсказуем. Руфус мог попасть в поток, несущийся по ходу времени, в любую его секунду. Или не попасть. Надеюсь, что нет, ради его же блага. Он не смог бы жить в нашем мире. Мы никогда не узнаем, из какого мира он попал к нам. Даже его воспоминания и то, что он говорит, оказывается слишком искаженным, чтобы что-то значить. Когда Руфус еще хотел рассказывать об этом, он пытался подставить чужие воспоминания под свою жизнь в нашем мире, и получалась полная неразбериха. Мы ничего не узнаем, и он тоже. Для нас было бы лучше, если бы он не вырос снова. Невозможно представить, как выглядит его взрослая форма. Она может быть также отличаться от нашей, как... как личинка отличается от бабочки.

— Мефистофель знал.

— Думаю, поэтому он и был проклят.

Руфус больше не мог вообще ничего есть. Долгое время он существовал на диете из молока, заварного крема и желатина, но, по мере того, как внутренние изменения увеличивались, терпимость его пищеварительной системы все снижалась и снижалась. Эти изменения уже, наверное, было невозможно представить, поскольку его внешность тоже сильно преобразилась.

Руфус держал шторы задернутыми, так что, ближе к концу, Билл видел лишь маленькую, дергающуюся тень в фиолетовой тьме, и от свет, падающий через открытую дверь, становился блеклым, треугольным лицом. Его голос был еще сильным, но звучание неописуемо изменилось. Он стал тоныше и словно дрожал, будто в его горле застряла флейта. У него развился странный дефект речи, не

закивание, но нечто, искажающее определенные согласные так, как Билл раньше никогда не слышал.

В последние дни Руфус даже не забирал поднос в комнату. Приносить еду, которую он не мог переварить, не было смысла, к тому же, он был сильно занят. Когда Билл постучался, тонкий, сильный и дрожащий голос вежливо попросил его уйти.

— Важно, — сказал голос. — Не входи, Билл. Нельзя входить. Очень важно. Ты узнаешь, когда... — голос плавно перешел на другой язык, который был совершенно непонятный. Билл не мог ответить. Не сказав ни слова, он слабо кивнул закрытой двери, и голос оттуда, кажется, не посчитал, что ответ необходим, поскольку продолжились звуки бурной деятельности.

Приглушенные и прерывистые, они раздавались весь день, вместе с задумчивым напеванием странной, неритмичной мелодии, с которой Руфус теперь, кажется,правлялся гораздо лучше, будто его горталь подстроилась к странным сочетаниям звуков.

Ближе к вечеру, в доме повисло неописуемое напряжение. Все здание наполнилось ощущением предстоящего кризиса. Тот, кто когда-то был Руфусом, четко осознавал, что конец уже совсем рядом, и именно это придавало атмосфере жуткую неопределенность. Но это спокойная, неторопливая неизбежность наполнила дом. Силы, неподдающиеся контролю, уже давно приведенные в движение, приближались к назначенному наверху встрече за закрытыми дверями, и центр предстоящих изменений тихо готовился к этому, словно знал, что находится во власти силы, которой доверяет, и уже не пойдет назад, даже если бы мог. Тихо напевая себе под нос, Руфус втайне готовился к кульминации своей новой жизни.

Когда пришла ночь, Морган и Билл, сидя в креслах, ждали за закрытыми дверями, прислушиваясь к звукам внутри. Никто не мог спать в такой напряженной атмосфере. Время от времени, кто-нибудь из них окликал Руфуса, и голос добродушно отзывался, но был так занят, что ответы получались бессмысленными. К тому же они становились более сдавленными и трудными для понимания.

Морган дважды вставал и клал ладонь на ручку двери, избегая испуганного взгляда Билла. Но у него не получалось заставить себя повернуть ее. Казалось, напряжение, витающее в воздухе, помешает это сделать, даже если он попытается открыть дверь. Но Морган и не пытался.

Когда время приблизилось к полуночи, звуки внутри стали доноситься через все более и более долгие промежутки. А ощущение напряжения выросло до невыносимой степени. Оно стало словно ураганом, силами в верхних слоях воздуха, готовящимися к атаке.

Настал момент, когда показалось, что уже очень долго из комнаты Руфуса не доносилось ни звука.

– Ты там в порядке? – крикнул Билл.

Тишина. Затем, медленно и издалека, послышался ленивый шорох и сдавленный голос, невнятный, пробормотавший парочку звуков.

Оба приятеля переглянулись. Морган пожал плечами. Билл в свою очередь встал и потянулся к ручке двери, но не тронул ее. Ураган все еще собирался под потолком, может, они и не знали, когда придет пора действовать, но чувствовали, что еще не время.

Снова тишина. Когда Билл не выдержал ожидания, он окликнул Руфуса еще раз, но ответа не последовало. Они прислушались. Тихий, тихий шорох, но ни звука голоса.

В следующий раз не было даже шороха.

Ночные часы тянулись медленно. Ни Билл, ни Морган не чувствовали сонливости – слишком велико было напряжение. Иногда они тихонько разговаривали, практически перешептывались, словно то, что находилось за дверью, все еще могло реагировать на звуки.

– Помнишь, как пару недель назад я не мог понять, насколько биологически необычен Руфус? – спросил Морган.

– Помню.

– Мы решили, что он вполне обычен. Я много думал над этим, Билл. Может быть, я размышлял в верном направлении. Скажем, Руфус, двигаясь назад, просто попал на другой путь времени. Такое могло произойти с любым человеком. Практически наверняка произошло бы. Твои предки не были ненормальными или пришельцами из другого мира, и у тебя было не больше возможностей для мутации, чем у кого-либо другого. Взрослея в обратную сторону, ты неизбежно переходишь на другой путь. В обычном случае, мы никогда не узнали бы о его существовании. Руфус и... Руфус из другого места должны иметь нечто общее, но мы никогда не выясним, что именно. – Морган без всякого выражения на лице взглянул на дверь и немного встряхнулся. – Я отклонился от темы. Я думаю, что, чем дальше он уходит, тем больше приближается к временному пути того... другого места. И, когда Руфус ступит на него...

Тогда они поняли, чего ждут. Когда два мира соприкоснутся, что-то должно произойти.

Билл сидел и потел. *Неужели у всех есть этот потенциал*, спрашивал он сам себя. *И у Моргана? И у меня? Если есть у всех, то почему не у меня? Наследство...* Неудивительно, что Руфус *уводил меня в сторону, двигаясь по пути к... Каким бы я стал тогда? Не собой. Эквивалентным. Знак вопроса.*

Эквивалентным. Неопределенностью. Но сейчас я не хочу этого знать.

Может быть, когда мне будет семьдесят, восемьдесят, я передумаю. Не ощущая вкуса, не имея зубов или зрения, с притупленными чувствами, я, возможно, вспомню способ... возможно...

Билл ощутил странный, тайный стыд и отбросил эту мысль. На некоторое время. Надолго. Вероятно, на много лет.

После этого наступила тишина. Ночь продолжала тянуться.

А напряжение не ослабевало. Не только не слабело, но продолжало расти. Билл и Морган много курили, но не отходили от двери. Они не могли начать думать о том, чего ждут, но напряжение держало их на месте. А длинные часы ночи пересекли полночь и медленно двигались к рассвету.

Настал рассвет, а Билл с Морганом все еще ждали. Дом не шевелился и молчал, воздух казался слишком напряженным, чтобы через него можно было пройти, или дышать им. Когда через окна начал пробиваться свет, Морган с трудом поднялся.

– Как насчет кофе?

– Свари, если хочешь. Я останусь тут.

Морган спустился по лестнице, пробираясь с почти осязаемым трудом сквозь воздух, что, скорее всего, была просто психической реакцией, налил на кухне воду и онемевшими руками насыпал кофе. Кофе начал испускать характерный аромат, а за окнами уже сиял свет, когда в доме раздался резкий, совершенно неописуемый звук.

Морган застыл на месте, слушая, как медленно стихает этотibriющий, звенящий звук. Он пришел сверху, приглушенный стенами и полом, ударил по ушам и задрожал в тишине, распуская ощутимо слабеющие кольца, точно круги, расходящиеся по воде. И напряжение в воздухе внезапно исчезло.

Морган вспомнил, что даже немного осел, когда это случилось, словно напряжение атмосферы поддерживало его во время долго ожидания. Но пока шел по дому и поднимался по лестнице, то не осознал этого. Его следующим ясным впечатлением был Билл, неподвижно стоящий перед открытой дверью.

Внутри, казалось, было очень темно. К тому же там было много маленьких источников света, хаотически движущихся, то сияющих, то тускнеющих, как светлячки. Но, пока они смотрели, огоньки начали исчезать, так что это могла быть просто галлюцинация.

Но то, что стояло в дальнем конце комнаты лицом к ним, было не галлюцинацией. Не совсем галлюцинацией. Это было что-то живое.

И совершенно чуждое. Глаза Моргана и Билла не могли полностью воспринять его, поскольку оно совсем не походило на человека. Никто, столкнувшись на одно короткое, ошеломляющее мгновение жизни с такой сложной и такой чуждой фигурой, не мог надеяться сохранить ее изображение в памяти, даже если на одну бесконечно короткую секунду ему удалось бы полностью воспринять ее. Эта картинка исчезла бы из памяти, наверное, еще до того, как зрелище исчезло с сетчатки глаза, потому что в человеческой жизни нет ничего, с чем можно было сравнить то, что находилось в комнате Руфуса.

Они только знали, что оно смотрит на них, а они – на него. В *обмене* взглядами была неописуемая странность, странность обмена взглядом с тем, что вовсе не должно смотреть. Словно на тебя смотрит здание. Но, хотя они не знали, как оно встретило их взгляд, – что заменяло ему глаза, и в какой части тела они находится, – но все равно поняли, что это отдельная личность. И эта личность казалась им очень странной, как и они ей. В этом нельзя было ошибиться. Удивление и непризнание были чертами его характера и неописуемого взгляда, так же, как удивление и недоверчивость. Что бы это ни было за существо, оно с первого взгляда поняло, что перед ним не чужаки. Оно знако...

Так что они поняли, что это не Руфус – и никогда им не был. Но все же, ускользающе странным образом, оноказалось смутно знакомым. Несмотря на всю свою необычность, одним-двумя основными чертами, существо было знакомым. Но только инстинкт, а не разум смог уловить это за ту секунду, когда Билл и Морган смотрели на него.

Этот момент продлился недолго. Невероятная фигура в темноте на секунду встретилась взглядом со взглядами людей. Она стояла неподвижно, но, казалось, замерла, не успев закончить движение, словно ее прервали в разгаре какой-то поспешной деятельности. На один миг темная комната наполнилась изумлением и напряженной тишиной.

Затем шум и движение резко закружились вокруг людей. Словно фильм, поставленный на паузу, пока аудитория ошарашенно застыла, вдруг ожил и зашевелился. На долю секунды они увидели... то, что окружало существо. Окно в другой мир, захлопнувшееся слишком быстро, чтобы успеть хоть что-то понять. На секунду они оглянулись назад, на разветвление временных путей, ведущих от одного пути к другому, на связи между параллелями, по которым носятся чуждые вселенные.

Звук снова сотряс весь дом. С такого близкого расстояния он был оглушающим. Комната перед глазами задрожала, словно зву-

ковые волны явственно сотрясали воздух, и четыре стены внезапно ожили, когда шторы, колеблясь, вытянулись навстречу тому, что могло быть вакуумом в центре комнаты. Фиолетовые облака дико затрепетали в воздухе, скрывая то, что происходило за ними. Еще секунду звук дрожал и звенел, с шумом взбивая натянутую ткань, пока комната кипела фиолетовыми волнами.

— Руфус... — сказал Морган и сделал пару неуверенных шагов к кровати.

— Нет, — тихо произнес Билл.

Морган оглянулся и вопросительно поглядел на него, но тот лишь качнул головой. Ни один из них больше не мог говорить, через секунду Морган отвернулся от кровати и пожал плечами.

— Хочешь кофе, Билл? — с дрожью в голосе сумел выдавить он.

Одновременно, когда чувствительность без предупреждения вернулась к их онемевшим рецепторам, они ощутили запах свежего кофе, поднимающийся снизу лестницы. Это был невероятно успокаивающий запах, он залатал дыру в реальности. Он связал прошлое и ошеломленное, трясущееся настоящее, стер и убрал промежуток во времени.

– Да. С брэнди или чем-то еще, – сказал Билл. – Давай... давай спустимся вниз.

И так, на кухне, с помощью кофе и брэнди, они завершили то, что с надеждой начали шесть месяцев назад.

– Это, видишь ли, был не Руфус, – начал объяснять Билл, а Морган приготовился слушать.

Они говорили быстро, словно подсознательно знали, что шок еще не настал.

– Руфус был... – Билл слабо взмахнул рукой. – А это был взрослый.

– Почему ты так думаешь? Ты просто предполагаешь.

– Нет, все сходится – это именно то, что и должно было произойти. Ничего другого не могло случиться. Разве ты не видишь? Невозможно сказать, к чему он вернулся. К эмбриону, к яйцу... Бог знает, к чему еще. Может быть, к тому, что мы даже не можем представить. Но... – Билл замялся. – Но это была мать яйца. Времени и пространству пришлось искривиться, чтобы привести ее на это место, где происходил момент рождения.

Повисло долгое молчание.

– Взрослая особь... – наконец, сказал Морган. – Это? Не верю.

Он не то собирался сказать, но Билл принял аргумент почти с благодарностью.

– Да, Пит, это оно. Ребенок тоже не выглядит, как взрослый человек. Или, может быть... может быть, это родство типа: личинка – куколка – бабочка. Откуда мне знать? А, может, он просто изменился больше, чем мы думали. Но я знаю, что это был взрослый. Я знаю, что это... его мать. Знаю, Пит.

Прищурившись и словно чего-то ожидая, Морган уставился на Билла через стол с чашками, испускающими аромат.

– Откуда тебе это известно, Билл? – не дождавшись продолжения, осторожно спросил он.

– Разве ты сам не видишь? – ошарашенно посмотрев на него, сказал Билл. – Подумай, Пит!

Морган подумал. Внешний вид существа уже исчез из травмированной памяти. Он сумел только вспомнить, что оно стояло и смотрело на них, но не глазами, даже и не лицом, насколько он помнил. Он покачал головой.

– Разве ты не узнал... кое-что? Оно не казалось тебе немного знакомым? Как и я... ему. Совсем чуть-чуть. Я это заметил. Ты что, не понимаешь, Пит? Оно было почти... на какую-то едва заметную долю... моей бабушкой.

И только теперь до Моргана дошло, что это правда. Эта невероятная схожесть, действительно, существовала, отдаленная и скрытая, родство, связывающее многократно стираемую линию, идущую через измерения. Он открыл рот, чтобы заговорить, но вышли совсем не те слова.

– Этого просто не было, – решительно заявил он.

Билл издал нечто, похожее на дрожащий, истерический смех.

– Нет, было. Это происходило, по крайней мере, дважды. Один раз со мной и один раз с... Пит, я теперь знаю, что скрывается за шифром!

Морган поморгал, испугавшись внезапного энтузиазма в голосе Билла.

– За каким шифром?

– Фауста. Ты не помнишь? Конечно, это он! Но они не могли сказать правду, или даже намекнуть на нее. Нужно было пройти через все самому. Они были правы, Пит. Фауст, Руфус – это случилось с ними обоими. Они... ушли. Изменились. Они не... уже не были... людьми. Вот что значит шифр, Пит.

– Я не понимаю.

– Вот что значит «душа». – Билл опять засмеялся истерическим смехом. – Когда ты не человек, ты теряешь свою душу. Вот что они имели в виду. Это одновременно было и не было кодовым словом. Нельзя придумать шифра сложнее, чем выдать за него истину. Как они могли скрыть его лучше, чем сказать правду? Душа значит душа.

Морган, слушая возрастающую истерику в смехе Билла, резко вытянул руки, чтобы остановить ее прежде, чем она вырвется на поверхность, и в одно убегающее мгновение он снова увидел невероятное лицо, смотрящее на них из дверного прохода иного мира. Увидел ненадолго, неописуемо и безошибочно, в раскатах смеха Билла.

Затем он схватил Билла за плечи, встряхнул его, и смех пропал, как и схожесть с существом из другого мира.

The code, (Astounding, 1945 № 7), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

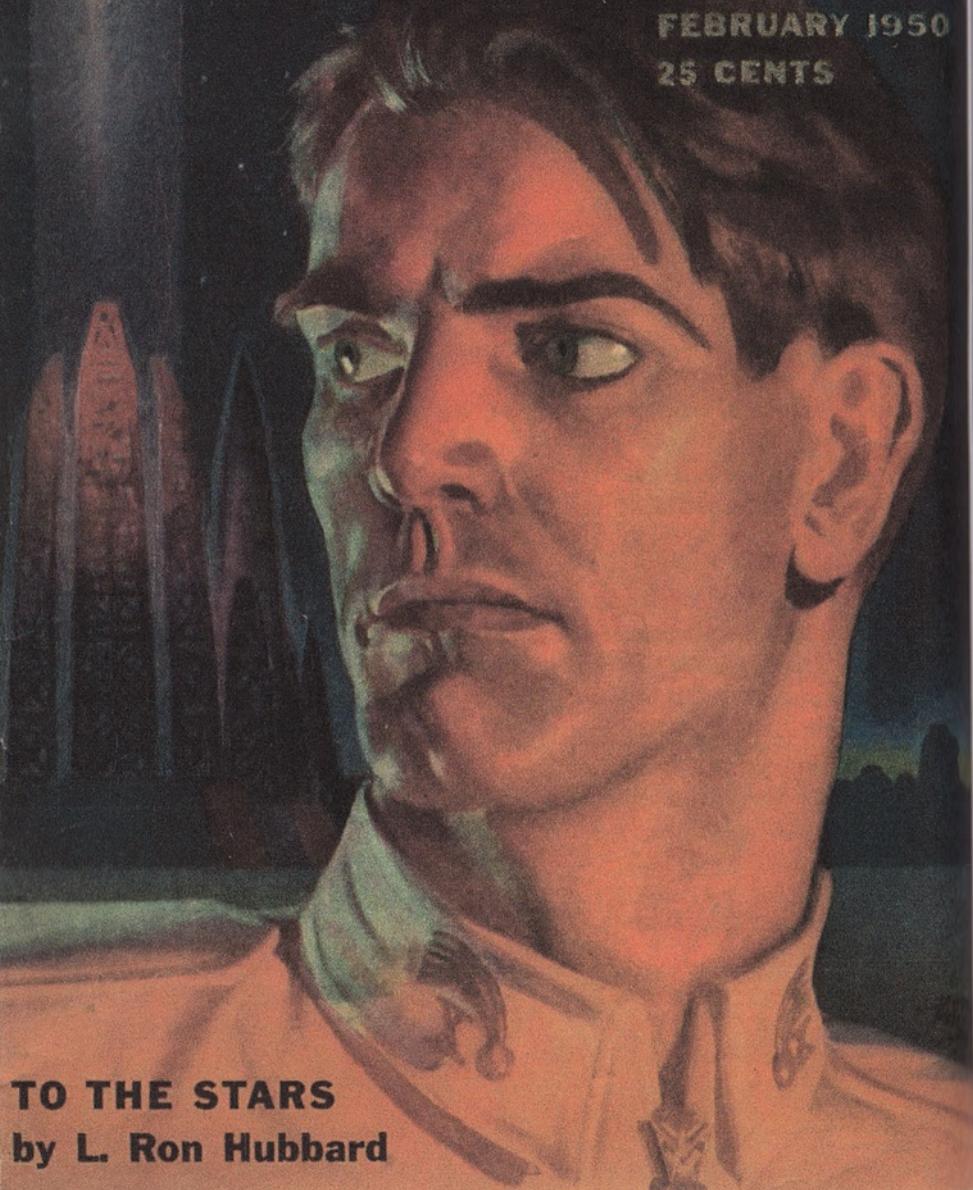
Affounding

SCIENCE FICTION

PRINTED IN U.S.A. BY G.P.

FEBRUARY 1950
25 CENTS

TO THE STARS
by L. Ron Hubbard

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Люди убирались с пути Фентона, пока он с сердитым видом шел по дворцу, направляясь к огромным стальным дверям, открывать которые умели только пять человек во всем Блоке. Фентон был одним из них. Бледный шрам молниевидным зигзагом рассекал его темную щеку, перекосив его лицо, когда он прокричал приказ по внутренней связи.

– Прошу прощения, он сейчас занят, – извиняясь, пробормотал из динамика голос. – Если вы...

Фентон с яростью стукнул кулаком по металлу рядом с интеркомом. Металлический звон разнесся, как гром, по залу, где придворные, дипломаты и политики ожидали возможности попасть на прием к Защитнику Ганимеда.

– Откройте двери!

Снова пауза. Затем голос снова что-то пробормотал, и огромные стальные двери разъехались на полметра. Фентон протиснулся в проем, услышал, как они захлопнулись, отрезав его от наполнявшего зал, раздраженного перешептывания.

Он пересек вестибюль и оказался в высоком помещении в форме колодца, с колоннами и куполом, через который было видно звездное небо (Вообще-то на Ганимеде сейчас был день, а небо закрывал толстый покров вечных облаков, но если человек был достаточно богатым, он мог устроить так, чтобы свет звезд был виден из дворца).

В центре помещения, под высоким куполом, находилась водная кровать Защитника, где важно колыхалось его двухсоткилограммовое тело. Словно чудовищный человек плавал на дне колодца и глядел на звезды.

Защитник повернул голову. По его рыхлым щекам прошли огромные волны плоти, когда он широко улыбнулся вошедшему.

– Терпение, Бен, терпение, – сказал он низким басом. – Ты унаследуешь Ганимед в свое время... когда он станет обитаем. Будь терпелив, даже...

Сердитый взгляд Фентона упал на человека, сидящего на приподнятом кресле рядом с водной постелью.

– Убирайся, – сказал он.

Улыбнувшись, тот встал. Он немного сутулился, что сидя, что стоя, словно для его костлявой фигуры даже скучный вес того мяса, что еще оставался на костяке, был обременительным. Или, может,

PROMISED LAND

BY LAWRENCE O'DONNELL

Man has learned many tricks to make his environment fit his needs. There is another approach--better, perhaps, but full of blind alleys...

Illustrated by Cartier

все дело было в ответственности, грузом лежащей на его плечах. У него было худое лицо, а глаза, как и волосы, были очень светлыми.

— Подожди, — сказало чудовище в бассейне. — Брин еще не закончил со мной, Бен. Садись. Терпение, сынок, терпение!

Правая рука Фентона дернулась, указывая на выход. Он одарил Брина холодным взглядом.

— Убирайся, — повторил он.
— Я не дурак, — отворачиваясь от водной постели, заметил Брин.
— Прошу прощения, Защитник, и так далее. Но я не хочу стоять между вами. Бен, кажется, чем-то расстроен. Позовите меня, когда станет безопасно.

Он ушел, с трудом волоча ноги, и исчез за колоннами. Звуки его шагов стихли.

Фентон сделал глубокий вдох, набирая в грудь побольше воздуха, его темное лицо налилось краской. Затем пожал плечами и вздохнул.

— Все, Торрен. Я ухожу.
Защитник заколыхался, подняв огромную руку. Задыхаясь от усилий, он тут же уронил ее в плотную, маслянистую жидкость своей постели.

— Подожди, — с трудом проговорил он. — Подожди.
Край бассейна был усыпан разноцветными кнопками, находящимися чуть ниже уровня воды. Уродливые пальцы Торрена, двигаясь под поверхностью воды, проворно нажимали кнопки. На наклонном экране над бассейном показались заснеженные поля, дорога, рассекающая их, и плавно скользящие по дороге машины.

— Ты только что вернулся из поселка, — сказал Торрен. — Наверное, разговаривал с Кристин. Ты узнал, что я солгал тебе. Удивлен, Бен?

Фентон нетерпеливо покачал головой.

— Я ухожу, — сказал он. — Ищи себе другого наследника, Торрен. — Он отвернулся. — Вот все и кончено.

— Нет, не все, — приказным тоном пробасил Защитник. — Вернись сюда, Бен. Тебе не хватает терпения, мой мальчик. Терпения. Проведи тридцать лет в водной постели, и ты научишься ему. Так ты хочешь уйти, да? Никто не уходит от Торрена, сынок. Ты должен это знать. Даже моему наследнику это запрещено. Ты удивляешь меня. После того, как я столько вынес, чтобы сделать мир таким, каким он тебе нравится. — Огромные щеки наморщились в улыбке.

— Ты поступаешь неразумно. После всего, что я для тебя сделал...

— Ты ничего для меня не сделал, — по-прежнему спокойным голосом возразил Фентон. — Ты забрал меня из приюта, когда я был слишком мал, чтобы противиться. И ты не можешь мне дать ничего из того, что я хочу, Торрен.

— Становишься разборчивым, да? — потребовал человек в воде голосом, идеально подходящим для хорошей шутки. — Ты удивляешь меня, Бен. Так ты не хочешь получить империю Торрена? Ганимед никогда не станет достаточно хорош для тебя, даже когда я сделаю его обитаемым? Ох, Бен, подумай своей головой. Я не ждал, что ты полюбишь меня. Только не после того, через что ты прошел.

— Это все из-за тебя, — сказал Фентон. — Я рос в тяжелых условиях. Это не стоило того, Торрен. Ты зря потратил свое время. Говорю тебе, я ухожу.

— Тебя изменил нежный свет в женских глазах, — издевательским тоном произнес Торрен. — Малышка Кристин заставила тебя передумать. Очаровательное создание, эта Кристин. Всего лишь на тридцать сантиметров выше тебя, мой мальчик. И на сорок килограмм тяжелее. Но это лишь потому, что она еще юная. Она еще будет расти. Ах, как жаль, что я так и не встретил в своем возрасте по-настоящему хорошую женщину. Но, ей пришлось бы весить двести килограмм, чтобы понять меня, а такие женщины никогда не привлекали меня внешне. Жаль, что ты не видел очаровательных крошек в Центрифуге, Бен. Они все еще там, ну, те, что не умерли. Я — единственное дитя Центрифуги, которое покинуло родину и не вернулось обратно. Я преуспел. Я заработал достаточно, чтобы позволить себе это.

Чудовищная голова откинулась назад, Торрен открыл огромный рот и громогласно захохотал. Маслянистая жидкость в бассейне заколыхалась ритмичными волнами, а эхо хохота прокатилось по колоннам и вверх, по колодцу, к звездам, по стенам, заключившим Торрена в тюрьме с самого рождения. Он пробился через эти стены, имея самые мизерные шансы, которые только выпадали человеку.

— Это у тебя было тяжелое детство? — засмеялся Торрен. — У тебя?

Фентон молча стоял, глядя на чудовище в ванне, и гнев в его глазах смягчился, несмотря на то, что Фентон этого не хотел. В его разуме зашевелилось прежнее уважение к Торрену. Может, он и был тираном и беспощадным деспотом — но разве у кого-нибудь до него были причины стать таким безжалостным? Возможно, в очень древние времена, ради денег, опытные врачи калечили и изменяли тела детей, чтобы делать из них уродцев и чудовищ на потеху знати. Возможно, только тогда, и то, пока три сотни лет назад планеты не открылись для колонизации.

Фентону довелось увидеть на Земле «Пограничную Центрифугу» и ее фантастические аппараты, где евгеника, работая с поколениями отобранныго сырья, выводила людей, которые могут выдерживать условия других миров. Он мало знал об этих невероятных экспериментах с живой плотью. Но был в курсе того, что некоторые из них провалились, а в одной из Центрифуг появился Торрен — тридцать лет назад.

– Тринадцать поколений, – с нажимом сказал Торрен, поступив как обычно жестоко и заставив Фентона вспомнить знакомую картину. – Тринадцать поколений одно за другим жили и умирали в Центрифуге, год за годом увеличивающей скорость вращения. Все эти процедуры, операции, облучение радиацией, дыхание измененной атмосферой, рост при иной гравитации до тех пор, пока ученые просто не поняли, что не могут вывести людей, способных жить на Юпитере, даже если пройдет тысяча поколений. Существовала граница, до которой можно дойти, подвергая тело мутациям, но сохранив рассудок. Так что ученые просто извинились. – Торрен горько рассмеялся, и вода в бассейне пошла волнами. – Очень жаль, сказали они. И мы могли уйти из Центрифуги в любое время – нам даже обещали пенсию. Целых пять сотен в месяц. А мне нужна тысяча лишь для того, чтобы не умереть вне Центрифуги!

Выдохшись, он откинулся на спину, и смех затих. Торрен медленно пошевелил в жидкости рукой.

– Ладно, – сказал он. – Дай мне сигарету, Бен. Спасибо. Огоньку…

Держа зажигалку, Фентон слишком поздно понял, что Торрен мог взять сигарету и сам. В водной постели были доступны все возможные удобства и предметы роскоши. Фентон сердито отвернулся и принялся расхаживать туда-сюда под экраном, показывающим заснеженные поля. Он больно ударил кулаком по татуировке на бедре. Торрен ждал, смотря на него.

– Так как там было в Центрифуге, Торрен? – дойдя до дальнего конца экрана и так и не повернувшись, тихо спросил Фентон. – Насколько плохо?

– Поначалу, не очень. У нас была цель. Пока мы верили, что наши потомки смогут колонизировать Юпитер, мы могли многое вынести. Только после того, как эксперимент провалился, Центрифуга стала… тюрьмой, тюрьмой для наших тел.

– Но ведь ты сам запирал ганимедиан в подобном месте.

– Разумеется, – ответил Торрен. – Конечно, запирал. Я бы и с тобой так поступил, да и со всеми, кто бы встал у меня на пути. Я ничем не обязан ганимедианам. Если говорить о том, кто кому должен, то это люди передо мной в неоплатном долгу. Посмотри на меня, Бен. Только посмотри!

Фентон повернулся. Торрен вытащил гигантскую руку из воды. Это должна была быть очень сильная рука. С мощными мышцами. С крепкой, изогнутой костью и нависающими мускулами предплечья, как у неандертальцев и горилл. Торрен и обладал хваткой гориллы – когда ему не надо было бороться с гравитацией.

Ему приходилось делать это даже сейчас. Усилие, требующееся, чтобы поднять собственную руку, заметно участило его дыхание. Лицо потемнело. С невероятным усилием Торрен вытащил руку из воды до локтя, прежде чем мышцы подвели его. Могучая, но бесполезная рука грохнулась обратно, подняв тучу брызг. Задыхаясь, Торрен откинулся назад, наблюдая, как тонет намокшая сигарета, медленно исчезая в бассейне.

Фентон шагнул вперед, вытащил ее из воды, бросил в сторону и вытер пальцы о рукав. Его лицо осталось бесстрастным.

– Не знаю, – сказал он. – Не знаю, можно ли когда-нибудь будет сбросить этот долг со счетов. Но ты стараешься изо всех сил.

– Мне нужны деньги, – засмеялся Торрен. – Мне всегда нужны деньги. Ганимедиан слишком мало, чтобы осваивать планету. Только и всего. Когда изменится экология, менее, чем через десять лет тут смогут жить обычные люди.

– Они в любом случае будут обитать тут через пятьдесят-сто лет, если растения и атмосфера будут развиваться по плану. К тому времени ганимедиане адаптируются – или, по крайней мере, их внуки. Такой был изначальный проект.

– Да, прежде, чем я получил управление в свои руки. Но теперь я отдаю приказы на Ганимеде. С тех пор, как Дженсен выделил здесь *дженсенит*, – он кивнул на экран с заснеженными полями, – все изменилось. Теперь мы можем ускорить рост растений на сто процентов, и воздух станет пригодным для дыхания через…

– Дженсен – ганимедианин, – прервал его Фентон. – Без Дженсена ты никогда бы не смог нарушить первоначальное соглашение о смене климата. Ты обязан ганимедианам хотя бы из-за того, что сделал для тебя Дженсен.

– Я заплачу ему. Дам ему денег на приют в любом мире, который он выберет. А другим я ничего не должен.

– Но дело не только в нем! – Фентон сердито стукнул по бортику бассейна. – Разве ты не видишь? Без ганимедианского эксперимента с Центрифугой, у тебя бы никогда не было *дженсенита*. Ты не можешь просто взять и избавиться от всех ганимедиан кроме Дженсена! Ты…

– Я могу сделать все, что захочу, – медленно проговорил Торрен.

– Как скажу, так и будет. Ганимед – бесполезный маленький спутник, по стечению обстоятельств принадлежащий мне. Ненавижу упоминать об этом, сынок, но я могу сказать то же самое о тебе. Бенджамин Фелтон – незначительный молодой человек, по стечению обстоятельств принадлежащий мне. Без моего влияния, ты всего лишь песчинка в огромной Солнечной системе. Я вложил в

тебя много сил и денег, и не хочу выбрасывать их на ветер. Чем ты, вообще, собираешься заниматься после того, как оставишь меня, Бен?

— Я хороший организатор, — осторожно сказал Фентон. — Я знаю, как добиваться от людей того, что мне нужно. У меня быстрые рефлексы, и я способен отличить добро от зла. Ты закалил меня. Из-за тебя я прожил несколько трудных лет. Ты заставил меня убить пару человек — под видом исполнения долга, разумеется, — и я выполнял твои грязные поручения, пока не узнал, как все обстоит на самом деле. Я могу позаботиться о себе.

— Только пока я позволяю тебе, — сказал Торрен с едва заметной угрозой в низком голосе. — Может, я зря забрал тебя из приюта. Но я слишком много вложил в тебя, Бен, чтобы позволить сейчас взять и уйти. Я знаю, что тебе нужно, мой мальчик — закалка работой. — Он набрал в руку воду и дал ей протечь сквозь пальцы. — Кто сказал, — спросил он, — что один в поле не воин? Ты видишь такого воина. У меня нет помощников. Плавающий воин. Ни один человек не имеет власти надо мной. Даже ты. Не дави на меня слишком сильно, Бен.

— Ты когда-нибудь думал о том, что я могу убить тебя? — тихонько спросил Фентон.

Колосс в бассейне грузно засмеялся.

— Я рискнул, сделав тебя наследником, — признал Торрен. — Но ты не убьешь меня, чтобы занять мое место. Об этом я позаботился. Я проверил тебя. Такая возможность у тебя была несколько раз, знаешь ли... хотя нет, не думаю, что ты знаешь. Я укрепил и закалил тебя, и испортил несколько лет твоей жизни, за что некоторые хотят меня убить. Но не ты. Ты не ненавидишь меня, Бен. И не боишься меня. Хотя, может, и должен бояться. Ты когда-нибудь думал об этом, Бен?

Фентон развернулся и пошел к двери. Между двумя колоннами он остановился и оглянулся.

— Тринадцать лет назад я почти что убил тебя, — сказал он.

Торрен хлопнул ладонью по воде, подняв облако брызг.

— Ты почти что убил меня! — сказал Торрен с внезапным, яростным презрением. — Думаешь, я боюсь смерти? После того, как я так боялся жить? Бен, верниесь.

— Нет, — спокойно посмотрев на огромного человека, ответил Фентон.

— Бэн, это приказ.

— Извини, — сказал Фентон.

— Бен, если ты сейчас выйдешь отсюда, то больше никогда не вернешься. Ни живым, ни мертвым, Бен, ты больше не вернешься сюда.

Фентон развернулся и ушел, через вестибюль и огромные стальные двери, автоматически открывшиеся перед ним.

Согнувшись над открытым чемоданом на кровати и копаясь в нем обеими руками, Фентон увидел, как на окне перед ним на долю секунды мелькнула какая-то тень, и понял, что в комнате есть кто-то еще. Сигнал не предупредил его, хотя противошпионскую систему Фентон не выключил, и было невозможно попасть внутрь незамеченным.

Он медленно поднял голову. За широким окном до самого горизонта волнами лежали заснеженные холмы Ганимеда. Облака, окутывающие мир, имели голубоватый оттенок от светов Юпитера, отражающихся от безбрежных ярко-голубых морей жидкого аммиака, покрывающих гигантскую планету. Между вершинами двух холмов, Фентон увидел одну из долин, засаженных растениями, скрытую теплой, по контрасту со снегом, бледно-бирюзовой дымкой. Между ним и холмами всплыло тусклое отражение.

— Что тебе нужно, Брин? — внезапно спросил Фентон.

— Как ты узнал? — засмеялся Брин.

Фентон расправился и повернулся. Прислонившись к косяку, сложив руки на груди, в дверном проходе стоял Брин, его песочные брови были лукаво подняты.

— Мы с тобой, — неторопливо сказал Фентон, — знаем большинство потайных ходов в Блоке. Торрен знает все. Так что это должен был быть либо ты, либо Торрен. Ты и сам это понимаешь, Брин. Пытаешься мне польстить? Разве сейчас это не пустая трата времени?

— Зависит от тебя, — ответил Брин и, подумав, секундой позже добавил, — и, разумеется, от меня.

— Продолжай, — сказал Фентон.

Брин сменил положение тощего тела, приняв более неудобную позицию.

— Знаешь, какой приказ я получил от Торрена час назад? Нет, конечно, не знаешь. Но я скажу. Чтобы я не пускал тебя к нему, даже если ты попросишь, на что я ответил, что ты не станешь делать этого. Тебе запрещено выносить из Блока все, кроме одежды, которая сейчас на тебе, так что можешь перестать собирать вещи. Твои счета заморожены. Единственные оставшиеся у тебя деньги — те, что лежат у тебя в кармане. Как только ты выйдешь из этой комнаты, она перестанет быть твоей. — Брин взглянул на запястье. —

Через полчаса я должен подняться сюда и отвести тебя на Уровень Два. Будешь есть с механиками и спать в общежитии до четверга, когда в космопорт прибудет грузовой корабль. Тогда ты найдешься на него и отправишься на Землю. – Брин ухмыльнулся. – После этого будешь предоставлен сам себе.

Фентон задумчиво дотронулся до шрама на щеке и одарил Брина холодным взглядом.

– Тогда до встречи через полчаса, – сказал он. – До скорого.

Брин расправился. Ухмылка исчезла.

– Я не нравлюсь тебе, – сказал он с некоторой печалью в голосе.

– Так или иначе, тебе лучше довериться мне. У нас осталось только полчаса. Потом мне придется снова стать официальным представителем Защитника и передать приказы Торрена. *Он* считает, что тебе нужна закалка работой. Возможно, мне придется объявить, что ты стал рабом на Окрайне.

– Что ты предлагаешь? – складывая очередную рубашку, спросил Фентон.

– Вот так-то лучше.

Брин сунул руку в карман, шагнул вперед и бросил на кровать плотную пачку денег. Рядом с ней он положил какой-то ключ и сложенный билет, ярко-розовый, для полета первым классом.

– Корабль уходит на Землю через шесть часов, – сказал Брин.

– У водостока коридора «G» стоит трактор. Вот ключ от него. Торрен внимательно следит за всеми коридорами, но система сложная. Из-за всяких случайностей, проводка то и дело выходит из строя. Прямо сейчас такое произошло в коридоре «G» – об этом позабочился я. Что скажешь, Фентон?

Фентон положил сложенную рубашку на место и бесстрастно посмотрел на деньги. Он быстро размышлял, но его лицо ничего не выражало.

– А тебе какой от этого прок? – спросил он. – Или это тоже хитрый план Торрена?

– Нет, это мой план, – твердо сказал худой человек. – Я смотрю в будущее. Я очень честный человек, Фентон. Но не прямой – нет. Это тебе можно быть прямым. А мне – нельзя. Я лишь управляющий. Главный тут Торрен. Когда-нибудь главным станешь ты. А мне нравится моя должность.

– Значит, это в некотором роде взятка, да? – спросил Фентон. – Пустая трата времени, Брин. Я ухожу. Торрен, наверное, уже переписал завещание. Я навсегда покидаю Ганимед. Будто ты этого не знаешь.

— Конечно, знаю. Иначе и быть не может. Мне уже велели избавиться от старого завещания. Но вот, что я скажу тебе, Фентон — мне нравится управлять Ганимедом. Мне нравится прислуживать богам. Мне это подходит. Я хороший в этом. И хочу заниматься этим и дальше. — Брин замолчал, смотря на Фентона проницательным взглядом из-под светлых ресниц. — Как думаешь, сколько Торрену осталось жить? — спросил он.

Фентон перестал методично укладывать вещи и посмотрел на Брина.

— Может быть, год, — ответил на свой же вопрос Брин. — Может, меньше. В *его* состоянии, это еще хороший прогноз. Я думаю о том, что будет потом. Мы с тобой понимаем друг друга, Фентон. Я не хочу, чтобы все, что построил Торрен, развалилось. Предположим, я сохранию завещание, делающее тебя наследником, и разорву то, которое Торрен напишет сегодня? Неужели тебе это не интересно?

Фентон выглянул в окно, туда, где за заснеженными холмами была бирюзовая долина, где Кристин будет бросать желтые семена в борозды, распаханные в ганимедской почве. Он вздохнул. Затем нагнулся и подобрал деньги, билет и ключ.

— Тебе придется поверить мне на слово, — сказал он, — что я отплачу тебе той же монетой. Но я хотел бы понять, почему ты на самом деле мне помогаешь. Я думал, вы с Торреном ладите гораздо лучше.

— О, мы отлично ладим. Но... Фентон, он пугает меня. Не могу сказать, чем именно. С человеческойрасой в последнее время проходит что-то странное, Фентон. — Худое лицо Брина стало неожиданно искренним. — Торрен... Торрен — не человек. Многие люди перестали быть людьми. Особенно это касается тех, кто занимают высокие посты. — Он махнул длинной рукой в сторону бирюзовой долины. — Люди из Центрифуг выходят на первый план, Фентон. Я не говорю про Ганимед. Я имею в виду, в буквальном смысле. Это они «наследники будущего», а не мы. Кажется, я завидую. — Брин криво ухмыльнулся. — Завидую и побаиваюсь. Я хочу чувствовать себя важным. Мы с тобой люди. Может, мы и не сильно друг другу нравимся, зато хорошо понимаем. Мы можем работать вместе. — Вздрогнув, он пожал плечами. — Торрен — чудовище, а не человек. Теперь ты это понял. Я знаю, почему вы поссорились. И рад этому.

— Конечно, рад, — сказал Фентон.

Когда стало безопасно, он повел трактор по ущелью между высокими снежными валами, двигаясь к бирюзовой долине как можно быстрее. Ганимедианский ландшафт виднелся в квадратных окнах

со всех сторон, похожий на изображения на квадратных экранах. Возможно, некоторые участки, действительно, отображались на экранах там, в Блоке, километровые стены которого все отдалялись и отдалялись, пока трактор продолжал ползти вперед.

Вероятно, на экране Торрена, повешенном над бассейном, было видно что-то подобное. Но там часто появлялись тракторы, про-бирающиеся по заснеженным дорогам. Если только у Торрена не было причин для подозрений, он вряд ли станет внимательно приглядываться к трактору с беглецом. Тем не менее, Фентон знал, что почувствует себя увереннее, когда выйдет за пределы радиуса дей-ствия системы наблюдения. Главное – не возбуждать любопытство Торрена, пока не придет время.

За окнами трактора проплывали ледяные холмы. Тяжелый воз-дух немного кружился, пока трактор катил вперед, создавая на снегу рябь, похожую на парадоксальные тепловые волны между Фентоном и дорогой. На поверхности Ганимеда ни один человек не мог выжить без герметичного костюма и кислородного баллона... пока что не мог. Но искусственно выведенные ганимедиане из Пограничной Центрифуги могли.

Когда люди впервые попали на другие планеты, они обнаружили, что условия обитания на них кардинальным образом отличаются от земных. Люди начали изменять планеты и самих себя. За этим последовало целое попусту потраченное поколение, пытавшееся основать колонии, которые будут поддерживаться с Земли и мо-гут управляться из искусственных убежищ. Это не сработало. Это никогда не работало, даже на Земле, когда люди пытались создать постоянные колонии на чуждых человеку землях, не имея возмож-ности прокормить себя с самой земли.

Дело не только в недостатке хлеба. На земле, на которой рабо-тает человек, он должен быть способен жить без дополнительного оборудования, иначе прятает совсем недолго. Ни люди, ни жи-вотные не способны существовать и эффективно функциониро-вать на чужой территории. Их метаболизм ориентирован на другие условия, а пищеварительная система требует других продуктов, и со временем у них развивается меланхолия и апатия. Ни одна из великих экспедиций на богатые различными минералами планеты, обещающие огромные доходы, не увенчалась успехом потому, что сельское хозяйство не могло обеспечить нужды колонии, и она ру-шилась под собственным весом. Это снова и снова происходило на Земле, а теперь старая прописная истина подтверждалась и на дру-гих планетах.

Поэтому были построены Пограничные Центрифуги, и начались эксперименты гигантских масштабов. И они изменяли планеты так же, как и тех, кто должен был на них жить.

Ганимед был холодным. Человек не мог жить в атмосфере из тяжелых газов. Так что при помощи атомной энергии и современных технологий люди начали изменять экологию Ганимеда. За много лет температура постепенно повысилась со смертельного уровня в минус сто градусов по Цельсию до вполне приемлемых значений. Затратив гигантское количество энергии, растопили льды, и вокруг Ганимеда начало образовываться покрывало облаков, сохраняющее тепло.

Было и много неудач. Были долгие периоды бездействия, когда люди покидали герметичные купола. Но, благодаря появлению новых методов, сплавов и изотопов, процесс становился все более и более рентабельным. Когда вывели последнее поколение тех, кто будет жить на Ганимеде, он был уже готов для них.

Сейчас на спутнике обитает третье поколение людей, живущих здесь без поддержки систем жизнеобеспечения. Они могут дышать здешним воздухом, хотя другие люди – нет. Они могут выносить холод, хотя другие – нет. Они выше, чем земные люди, крепче и сильнее. Их уже несколько тысяч.

Когда-то они двигались по генетической параболе, чтобы встретить восходящую параболу измененного планетарного баланса, но теперь ганимедиане и Ганимед вместе описывают новую кривую. Через пару поколений, она вернется к обычным людям. К тому времени Ганимед должен стать обитаемым для землян, а ганимедиане – измениться еще раз, вернувшись к исходному состоянию.

Возможно, этот план не являлся лучшим вариантом. Человечество не идеально. Когда начался Век Технологий, оно совершило много ошибок, много ложных предположений. Баланс сил среди народов Земли повлиял на создание Пограничных Центрифуг. Социальные конфликты изменялись и принимали новые формы, пока цивилизация находила новые способы, методы и источники энергии.

Фентон подумал о Торрене. Да, было принято много неправильных решений. Дети Торрена должны были ходить, как гиганты, по свободной планете, колоссы, рожденные в Центрифуге. Но этот эксперимент провалился. Даже на крошечном Ганимede Торрен не мог использовать огромную силу, заложенную в его бесполезном теле, чтобы стоять вертикально.

С животными было работать проще. В недавно образовавшихся ганимедианских морях, все еще растущих на безжизненных гани-

медианских континентах, жили создания, выведенные, чтобы дышать арктическим воздухом, и субарктические животные: моржи и рыбы, пингвин и лось. Сейчас на Ганимеде растут деревья, голые равнины покрыла подвергнутая мутациям тундра, созданная в фотосинтетических лабораториях. Был рожден новый мир.

И по всему этому миру были воздвигнуты башни, дающие тепло и жизнь, построенные за столетний период, все еще находящиеся во власти Земли, которую не смел трогать даже Торрен, правивший Ганимедом. Фентон перевалил через бровку холма и на секунду остановился, чтобы посмотреть на запад. Там строилась одна из сотен новых башен, чтобы усилить новыми методами существующую энергосистему. Через десять лет эти заснеженные холмы покроются полями колосящейся пшеницы...

Дальше дорога раздваивалась. Один путь вел к долине. А второй, похожий на длинную голубую полосу, тянувшуюся по вершинам холмов, как и горизонт, резко опускался к космопорту и кораблю, собирающемуся домой.

Фентон дотронулся до шрама на щеке и посмотрел на дорогу, ведущую к космопорту. Земля, подумал он. И что потом? Он представил себе мудрое, худое лицо Брина, и Торрена, колыхающегося на водной постели, словно паук в центре паутины, опутывающей пару квадратных километров Блока и все участки каменного шарика, на котором он находился. Нет, не паутина – остров. Плавающий остров, оторванный от остального человечества.

Фентон яростно выругался и резко крутанул руль. Трактор взбил снег ослепительным облаком и рванулся по правой дороге, ведущей в бирюзовую дымку, скрывающую долину.

Часом позже он попал в поселок под названием Провиденс.

Домики с соломенными крышами были построены из местного камня. Ранние эксперименты по строительству из металла, пластика и ввозимой древесины, как и следовало ожидать, быстро прекратили, сделав выбор в пользу местных материалов. Потому что дома из ганимедианского камня показали свое преимущество перед домами других типов.

Жители поселка, в основном, имели норвежские корни с добавлением изнуитской и других для достижения желаемого результата. Но ганимедиане, вышедшие на засыпанные снегом улицы, когда Фентон остановил трактор, были совершенно новой расой. Неожиданной красивой расой, хотя их вывели с оглядкой на совсем другие качества. Возможно, причиной внешней привлекательности было превосходное здоровье, приспособленность к жизни в суровом

вых условиях и знание, что их работа несла добро и была необходима. До настоящего момента.

Крупный человек со светлыми волосами, одетый в меха, нагнулся к окну трактора, а из его рта в плотную атмосферу, которой не могли дышать обычные люди, вырывались облака пара.

– Как успехи, Бен? – спросил он.

Его голос раздался из динамика в борту трактора. Только так ганимедиане могли говорить с человеком, родившимся на Земле. Их голосам приходилось проходить через прорезиненные металлические пластины и воздух, насыщенный углекислым газом. Но это ничего не значило. Между людьми существуют и более высокие барьеры.

– Примерно так, как ты и ожидал, – ответил Фентон, глядя, как выбирает мембрана, когда звук доходит до нее.

Ему стало интересно, как в холодном воздухе, содержащем тяжелые газы, звучит его собственный голос.

Светло-коричневые головы понимающие кивнули. Высокие люди вокруг трактора, казалось, немного ссутулились, хотя двое-трое засмеялись.

– Торрен обожает тебя, – сказала крупная женщина в меховом капюшоне. – В конце концов, так и должно быть. Может...

– Нет, – решительно ответил Фентон. – Он проецирует себя на меня, только и всего. Я могу ходить, куда захочу. Но я просто часть его тела, как рука или нога. Или глаз. И если глаз Торрена оскорбляет его...

Он резко замолк, пару раз стукнул кулаком по рулю и посмотрел вперед, на широкую, чистую улицу с аккуратными домиками с широкими окнами, которые, казалось, вырастали из камня, на котором стояли. Это были крепкие приземистые домики, построенные, чтобы противостоять ганимедианским бурям. А за крышами виднелись голые, заснеженные холмы. Это был красивый мир – для ганимедиан. Фентон подумал об этих крупных, длинноногих людях, закрытых в приютах, пока их мир медленно меняется за окнами так, что они скоро не смогут дышать.

– Но, Бен, – сказала женщина, – не похоже, чтобы людям был нужен Ганимед. Хотела бы я им поговорить. Хотела бы, чтобы он понял...

– Вы представляете, – спросил Фентон, – сколько Торрен тратит в год? Людям на Ганимеде не нужны гостиные, но Торрену нужны те деньги, которые он получил, если... а, ладно, забудьте. Неважно, Марта.

– Мы будем сражаться, – сказал Марта. – Он знает об этом?

Фентон покачал головой и оглядел небольшую толпу.

– Я хотел бы поговорить с Кристин, – сказал он.

Марта указала на склон, ведущий к фермерским угодьям.

– Мы будем сражаться, – неуверенно повторила она, когда трактор тронулся с места.

Фентон услышал ее и на прощание махнул рукой, невесело улыбнувшись. Отъехав на несколько десятков метров, он услышал, слова мужчины, стоявшего рядом с ней.

– Конечно, – сказал он. – Конечно, будем сражаться. Только вот чем?

Фентон узнал Кристин с первого взгляда. Он заметил ее одежду из темного на фоне снега меха в толпе, расступившейся, чтобы пропустить трактор. Кристин помахала, как только узнала Фентона за стеклом машины. Он остановился, включил обогреватели воздухо-непроницаемого костюма, в который был облачен, надел шлем, а затем распахнул дверь трактора. Даже несмотря на толстое стекло, его голос отлично разносился по белой пустоши.

– Кристин, – сказал он. – Подойди. Остальные идите дальше.

Они как-то странно посмотрели на него, но кивнули и побрали вниз по склону к долине. Было очень необычно смотреть, как они несут мотыги и садовые корзины, когда вокруг везде снег, но в долине, спрятанной под дымкой, было гораздо теплее.

Кристин подошла к Фентону, она была очень высокой и двигалась быстрой, плавной походкой, делавшей каждое ее движение приятным зрелищем. Ее светлые волосы были заплетены в толстую косу, глаза были ярко-голубые, а молочная кожа разумялась от холода.

– Посиди со мной, – сказал Фентон. – Я выключу искусственную атмосферу и оставлю дверь открытой, чтобы ты могла дышать... какое-то время.

Она наклонилась, чтобы пролезть в низкий проем, и забралась внутрь, усевшись на слишком маленькое сидение. Фентон всегда чувствовал себя не в своей тарелке рядом с этими большими, дружелюбными и спокойными людьми. Это был их мир, а не его. Если кто-нибудь тут и обладал ненормальным ростом, так это он, а не ганимедиане.

– Так что, Бен? – спросила она – ее голос прозвучал вместе со слабой вибрацией мембранны динамика в шлеме Фентона. Он улыбнулся и покачал головой. Ему не казалось, что он влюблен в Кристин. Это было бы так нелепо. Они могли говорить только через металл и касаться друг друга только через стекло или ткань. Даже

воздух не подходил для них обоих. Обдумав возможность любви, он иронично ухмыльнулся.

Фентон в мельчайших подробностях рассказал, что произошло, и его мозг немного прояснился, пока он говорил.

— Думаю, мне надо было подождать, — сказал он. — Теперь-то мне это понятно. Нужно было держать рот на замке, пока не прошел бы хотя бы месяц с тех пор, как я снова на Ганимеде, чтобы успеть прондировать почву. Кажется, я просто вышел из себя, Кристин. Если бы я узнал обо всем еще на Земле... если бы ты могла написать...

— Через почтовую службу космопорта? — горько спросила она. — Даже *входящие* письма теперь подвергаются цензуре.

Фентон кивнул.

— Так что планеты продолжают считать, что мы сами попросили перемены, — продолжала она. — Считать, что мы не справились на Ганимеде и сами захотели вернуться в приюты. Ох, Бен, это то, что мы ненавидим больше всего. У нас все идет так хорошо... вернее, шло, пока... — Кристин замолкла.

Фентон дотронулся до кнопки, заводящей двигатель, и развернул трактор на сто восемьдесят градусов так, чтобы перед ними оказалась широкая равнина внизу. Они отвернулись от Блока, и, не считая пятен в бирюзовой дымке там и тут, где другие теплые долины выдыхали влагу и испарения цветущих растений, в заснеженных холмах не было брешей — башней, марширующих по планете длинной колонной.

— Он знает, что в приютах мы умрем? — спросила Кристин.

— А вы и, правда, умрете?

— Думаю, да. Многие из нас точно. И, думаю, у нас больше никогда не будет детей. Можно будет забыть о пррапраправнуках, которые, возможно, снова смогут ходить по Ганимеду и не дадут расе вымереть. Разумеется, мы не станем убивать себя сами. Даже не будем совершать расовый суицид. Мы не хотим умирать... но и не будем хотеть жить — в приютах.

Кристин повернулась на гладком сиденье трактора и встревоженно посмотрела на Фентон через стекло его шлема.

— Бен, если планеты узнают... если мы сможем передать им информацию — думаешь, они помогут? Кому-нибудь есть дело? Думаю, кому-то небезразлично. Возможно, не тем, кто родился на Земле. Те просто не смогут понять. Но обитатели других Центрифуг поймут. Ради их же безопасности, Бен, думаю, им придется нам помочь — если они узнают. Это могло произойти с любой группой, подобной нашей. Бен...

CARTIER

Краем глаза Кристин заметила тень, скользящую по снегу, и повернула голову, чтобы узнать, что это.

Затем трактор подбросило...

Фентон смутно услышал, как металл вокруг него рвется о камни, скрытые под снегом, по которому они скользили. В гулкой неподвижности, пока трактор завис на одной колее, прежде чем упасть, он ощущал во рту вкус крови, почувствовал вес Кристин, давящий на плечо и увидел черный контур своей руки и растопыренных пальцев, прижавшихся к стеклу, лежащем на белом снегу.

Трактор перевернулся еще раз, грохнувшись на гусеницы, и помчался вниз, набирая скорость и все сильнее трясясь с каждым толчком. Голубая крылатая тень вернулась и опять пролетела над ними.

Темные руки на фоне белого снега двигались быстро. Фентон видел, как они поворачиваются, тянут и ловко хватают рычаги, которые он едва ли чувствовал. Работавший на холостом ходу двигатель взревел, и трактор понесся по целине склона.

Затем грянул второй взрыв.

Задняя часть трактора подлетела, и Фентон с девушкой ударились об амортизированную панель управления и толстое, ударопрочное стекло, которое сорвалось с креплений и исчезло где-то в ярком вихре снаружи. Гусеницы заскрежетали, когда трактор заскользил по голым камням, а снег вокруг закипел настоящим ураганом. Трактор снова помчался к самой границе склона и, раскачиваясь, завис над тридцатиметровым обрывом.

Наступил миг, ощущавшийся, как свободное падение. Фентон нашел время решить, верно ли подсказывали ему инстинкты. Падение было лучшим выбором. Внутренность трактора был прочной, ударопоглощающей, и они переживут падение с большей вероятностью, чем еще один взрыв бомбы.

Затем трактор ударился о землю, перевернулся, и ударился еще раз, что вызвало лавину льда, камня и снега. Толчки сменились грохотом бомб, потом наступила абсолютная темнота и полное безмолвие.

Никто из них не сумел бы выжить в одиночку. Потребовались ганимедианские сила, живучесть и стойкость, чтобы Кристин не получила серьезных травм, а также знание техники и яростный, всепоглощающий гнев Фентона.

Погребенный под десятью метрами твердой, замерзающей массы обломков, Фентон подстегнул девушку словами, когда даже ее выносливость начала подводить. Со сломанной рукой, он не отступал, не обращая внимания на раздробленную кость и борясь со временем. В снежной полости оказалось достаточно воздуха, чтобы Кристин хватило на все время, пока они выбирались, а шлем и костюм Фентона были такими прочными, что выдержали даже такую аварию.

Ртутно-паровую турбину, вырабатывающую мощность трактора, пришлось починить и запустить заново. На это ушло много времени. Но работа была выполнена. Фентон хотел воспользоваться огромной тепловой энергией выхлопной системы. Очень медленно, очень осторожно, закрываясь кожухом турбины, как щитом, они проплавили путь на свободу.

Дважды падающие камни чуть не раздавили их. Один раз Кристин прижало к краю щита так, что, казалось, выхода нет, но ярость Фентона вытащила ее оттуда. И они все же выбрались на свободу. Когда осталась только снежная корка, Фентон осторожно выглянул в трещину и убедился, что их не ждут вертолеты. Затем они прошли корку и вылезли наружу.

На снегу остались следы, где приземлялся вертолет, и ходили люди. Судя по отпечаткам ног, кто-то даже частично спустился в пропасть, куда рухнул трактор.

– Кто это был, Бен? – глядя на следы, спросила Кристин, а когда он не ответил, добавила: – Бен... твоя рука. Выглядит плохо...

– Кристин, мне нужно вернуться в Блок. Чем быстрее, тем лучше, – не слушая ее, сказал Фентон.

– Думаешь, это был Торрен? – в страхе спросила она. – Но, Бен, что ты будешь делать? Если...

– Торрен? Возможно. А может, и Брин. Я не уверен. Надо узнать наверняка. Помоги мне, Кристин. Пошли.

– Тогда сначала зайдем в деревню, – беря его под локоть твердой, как мрамор, рукой, решительно сказала она. – Ты не доберешься до Блока, если мы тебя не подлатаем. Неужели Торрен, действительно, может так поступить, Бен? Поверить не могу.

Когда они начали подъем по холму, под ногами заскрипел сухой снег.

– Ты не знаешь Торрена, – ответил Фентон.

Он дышал неровными, глубокими глотками, частично из-за боли, отчасти из-за слабости, но, в основном, потому, что поступающего из баллона воздуха не хватало, чтобы восполнить увеличившуюся нужду в кислороде. Но воздух за пределами шлема был чистым ядом. Через некоторое время Фентон продолжил, хотя слова все еще выходили с некоторым трудом.

– Ты не знаешь, что Торрен сделал для меня тринадцать лет назад, – сказал он. – Там, на Земле. Мне было шестнадцать, и однажды ночью я бродил по одному из старых Тупиков – разрушенных городов, так их там называют, – меня схватили и заставили работать на корабле. По крайней мере, так я думал в течение трех лет. Меня поймала одна из банд, считающих руины своей территорией. Я продолжал думать, что люди Торрена найдут и заберут меня оттуда. Тогда я еще был молодым и наивным. Но меня не нашли. Я работал с бандой. Три года. Я многому научился. Тому, что пригодилось после, на заданиях, которые давал мне Торрен ... Заматерев, я, наконец, вырвался с корабля. Убил троих и сбежал. Потом вернулся к Торрену. Ты бы слышала, как он смеялся.

– Может, тебе пока не нужно разговаривать? – Кристин опустила голову и с сомнением посмотрела на него. – Ты и так с трудом дышишь...

– Я хочу говорить, Кристин. Дай мне закончить. Так вот, Торрен рассмеялся. Он сам подстроил все это. Он хотел, чтобы я научился профессиональным методам выживания прямо из истоков. Тому, чему он не мог научить меня сам. Так что он сделал так, чтобы мне «помогли»... эксперты. Он считал, что, если я способен выжить, то выживу. Когда я узнаю достаточно, то сбегу. И стану инструментом, который ему пригодится. Торрен называл это закалкой трудом.

– Фентон замолчал и стал тяжело дышать, пока не набрался сил, чтобы закончить рассказ. – После этого, – продолжал он, – я стал правой рукой Торрена. Его ногами. Его глазами. Я был Торреном. Он отдал меня туда же, где вырос и стал чудовищем сам, – в Центрифугу, только невидимую. Вот почему я так хорошо его понимаю. – Фентон опять замолк и провел рукой по забралу, словно пытаясь вытереть пот, выступивший на лбу. – И вот почему я должен вернуться, – сказал он. – Причем как можно быстрее.

Только Торрен знал все секреты Блока. Но и Фентону были известны многие из них. Этого оказалось достаточно.

Когда поднимающийся пол внутри круглой шахты прекратил толкать Фентона в ноги, он на секунду замер, посмотрел на изогнутую стену и сделал глубокий вдох. Поморщился от боли, когда дыхание побеспокоило его руку, замотанную и привязанную к груди под рубашкой. Правой рукой достал из кобуры заряженный пистолет и, взяв его за раму курка, большим пальцем нашел в стене потайную пружину.

Раздался щелчок. Фентон мгновенно крутанул пистолет вверх, рукоятка шлепнулась в ладонь, а указательный палец лег на курок. Изогнутые стены полой колонны, в которой стоял Фентон, разъехались в стороны, и он увидел Торрена, лежащего на водной постели.

Фентон продолжал стоять и смотреть.

Колосс с трудом, но все же сумел сесть. На глазах Фентона огромные руки схватили край бассейна, толстые пальцы с отчаянной яростью искривились, цепляясь за мягкие перила, глаза Торрена были плотно закрыты, зубы – оскалены и стиснуты, а помещение наполнял звук его хриплого, свистящего дыхания.

Перекошенное от нечеловеческих усилий лицо на секунду замерло. Затем Торрен резко выдохнул и разжал руки. Поднялся огромный фонтан брызг, когда Защитник Ганимеда рухнул обратно на водную постель.

Взгляд Фентона упал на длинный участок пола рядом с ванной, где плитки откинулись, обнажая толстый пучок проводов, ведущих к наклонной клавиатуре, с помощью которой Торрен правил дворцом и спутником. Провода, лежащие на полу, были разорваны, отдельные жилы торчали в разные стороны, будто их порвала бешеная собака. Для Торрена это означало почти тоже самое, что лишиться нервной системы. Он стал таким же беспомощным, как если бы, действительно, больше не мог управлять своим телом.

На некотором расстоянии от ванны находился стол. К нему тянулись основные кабели, идущие из-под пола. На столе находился блок управления и аудио-видео устройства, служившие Торрену нервным узлом.

За столом, боком к Фентону, сидел Брин, его высокое, худое тело было сосредоточенно наклонено вперед, а светлые глаза сфокусированы на работе. Одной рукой он держал у рта микрофон и что-то бормотал, пока пальцы другой руки проворно работали верньером. Брин смотрел, как зеленая линия на осциллографе дергается и вздымается волнами. Затем кивнул. Его рука легла на выключатель, щелкнула им и включила другой.

– Брин!

Задыхающийся рев из бассейна разнесся по залу с колоннами, но Брин даже не поднял головы. Он наверняка слышал этот крик уже очень много раз с тех пор, как началась нынешняя фаза его работ.

– Брин!

Выкрикнутое имя донеслось до верха гигантского колодца, где в вышине сияли звезды, и отразилось, вернувшись тихим шепотом, слившимся с тяжелым дыханием Торрена. Огромные руки вновь безуспешно скользнули по краю бассейна.

– *Отвечай же, Брин!* – проревел Торрен. – *Отвечай!*

Брин не обращал на него внимания. Фентон шагнул вперед, ступив на пол. В его прищуренных глазах была решимость. Кровь отхлынула от лица, бледный шрам на челюсти стал почти невидимым. Увидев его, Торрен охнул и замолк во время очередного крика. Маленькие глазки, утопленные в жире, пристально посмотрели на Фентона и затем на секунду плотно закрылись, потушив странные, сверкающие огоньки.

– Почему ты не отвечаешь ему, Брин? – спокойно спросил Фентон.

Руки Брина резко разжались, когда он сделал судорожный жест, уронив микрофон. Через долгую-долгую секунду он бесстрастно посмотрел на Фентона. Светлые глаза обратили внимание на дуло

пистолета и вернулись к лицу Фентона. В голосе его тоже не отразилось никаких эмоций.

– Рад тебя видеть, Фентон, – сказал он. – Мне нужна твоя помощь.
– Бен! – хрипло закричал Торрен. – Бен, он пытается... этот... этот мерзавец хочет захватить власть! Он...

– Думаю, ты понимаешь, – тихо сказал Брин, – что Торрен послал вертолет взорвать тебя, когда узнал, что ты сбежал. Я рад, что ты выжил, Фентон. Мы нужны друг другу.

– Бен, я не делал этого! – прокричал Торрен. – Это все Брин...
Брин снова поднял микрофон, криво улыбаясь.

– С твоей помощью все будет очень просто, Фентон, – не обращая внимания на тяжелое пыхтение в бассейне Зашитника, сказал он. – Мне стоило рассказать тебе побольше о моих планах. Вот что это значило, когда я сказал, что Торрену осталось править совсем недолго. Возможность представилась раньше, чем я ожидал, только и всего.

– Бен! – Торрен все еще тяжело дышал, но голос уже начал подчиняться ему. – Бен, не слушай его, – громко прокашлявшись, сказал он. – Не доверяй ему. Он... он даже не отвечал мне! Не обращал на меня никакого внимания... словно я... я...

Он замолчал, так и не закончив. Он не желал называть себя ни одним словом, пришедшем ему на ум.

Но Фентон понял, что Торрен хочет сказать.

– Словно я был... чудовищем. Куклой. Покойником.

Это ужас, вызванный полной беспомощностью, разоружил его перед Брином. Тридцать лет Торрен жаждал власти, цеплялся за власть всеми доступными ему способами, заставляя себя и других безжалостно бороться с самым глубоким страхом, известным ему – страхом беспомощности. Вот что пугало его – а вовсе не страх смерти.

– Не растречай на него свою симпатию, Фентон, – посмотрев на тушу в бассейне, сказал Брин. – Ты знаешь Торрена лучше, чем я. Знаешь, чего он хотел для тебя. Как относился к тебе. Когда он увидел, что ты убегаешь, то послал вертолет, «чтобы убедиться, что ты будешь рядом». Он не человек, Фентон. Он ненавидит людей. Ненавидит тебя и меня. Даже сейчас он играет на твоей симпатии, чтобы ты сделал то, чего хочет он. После... ну, ты знаешь, чего ожидать.

Торрен снова закрыл глаза, не так быстро, чтобы скрыть в них блеск уверенности, возможно, триумфа.

– Бен, лучше пристрели его сейчас. Этот дьявол хорошо умеет убеждовать, – почти спокойным голосом сказал он.

— Какой у тебя план, Брин? — ровным голосом спросил Фентон.

— А ты не понимаешь? — Брин пожал худыми плечами. — Для начала скажу всем, что он болен. Слишком болен, чтобы видеться с кем угодно, кроме меня. Я задумал кое-какие трюки. Я работаю над имитатором его голоса. Это просто государственный переворот, Фентон, ничего нового. У меня все тщательно спланировано. Так или иначе, я уже несколько лет осуществляю девять десятых управления Ганимедом. Никто не станет задавать вопросы. С твоей помощью, остальная часть империи тоже будет принадлежать нам.

— А что будет со мной? — хрипло потребовал Торрен.

— С тобой? — Светлые глаза сверкнули на него и тут же ушли в сторону. — Пока ты будешь вести себя хорошо, думаю, можешь продолжать жить.

Это была ложь. Еще никто не произносил более лживых фраз. Это можно было понять по тону голоса Брина.

— А ганимедиане? — спросил Фентон.

— Они — твоя забота, — все еще спокойно ответил Брин. — Ты главный.

— Торрен? — Фентон повернул голову. — А ты что скажешь насчет ганимедиан?

— Нет, — выдохнул Торрен. — Будет по-моему, Бен. — Его голос был как шепот органа. — По-моему, или никак. Сам решай.

Едва заметная улыбка изогнула губы Фентона. Он поднял пистолет повыше и послал пулью прямо в голову Брина.

Но тот молнией метнулся в сторону.

Похоже, что рука уже несколько секунд лежала на пистолете, потому что два выстрела раздались почти одновременно. В то же мгновение его стул грохнулся на пол, когда он вскочил на ноги.

Брин двигался слишком быстро. Но он не смог точно прицелиться из-за своей быстроты. Пуля просвистела мимо уха Фентона и врезалась в колонну позади него. Выстрел же Фентона нанес Брину мощный удар в плечо, развернувший последнего на сто восемьдесят градусов и почти сбивший с ног. Брин отчаянно попытился, чтобы сохранить равновесие. Его нога зацепилась за пучок порванных проводов, проходящих рядом с бассейном, и он медленно опрокинулся назад, бледными глазами со странным спокойствием пристально глядя на Фентона, пока падал.

Секунду Брин качался на краю бассейна. Затем Торрен громко, хрипло и страшно рассмеялся и с невероятными усилиями поднял руку достаточно высоко, чтобы схватить Брина за запястье.

Все еще не выражая никаких эмоций и не отводя сосредоточенных, голубых глаз от Фентона, Брин плюхнулся в бассейн. Поднялся фонтан брызг. Судорожно задергавшиеся конечности Брина расплескивали воду, из-за которой было трудно понять, что происходит, но Фентон увидел, что вынырнувшая из ниоткуда рука схватила Торрена за горло.

Сам Фентон понял, что побежал, хотя и не собирался этого делать. Это был чистый импульс – закончить то, что нужно было закончить, хотя его помочь, кажется, уже и не требовалась. Он оперся здоровой рукой на край огромной ванны, не выпуская из руки пистолет, и наклонился вперед...

Брин исчез под маслянистой, непрозрачной поверхностью. Невероятный вес руки Торрена беспощадно давил на него, словно жернов. Через некоторое время начали медленно подниматься и лопаться большие пузыри.

Фентон даже не увидел движение Торрена. Но когда он попытался распрямиться, оказалось уже слишком поздно. Огромная, холодная, скользкая рука сомкнулась железной хваткой на его ладони. Неравная схватка продолжалась несколько медленных секунд. Затем Торрен разжал руку, и Фентон отшатнулся, разминая чуть не раздавленные пальцы и видя, что его пистолет оказался поглощен гигантской рукой Торрена.

Торрен ухмыльнулся.

Неторопливо, неохотно, Фентон улыбнулся в ответ.

- Ты знал, что он врет, – сказал Торрен. – Насчет бомб.
- Да, знал.
- Значит, все решено, – прохрипел Торрен. – Больше никаких споров, да, сынок? Ты вернулся.

Но он все еще держал пистолет наготове, не сводя глаз с Фентона.

Фентон покачал головой.

– О, да. Я вернулся. Не знаю, почему. Я ничего не должен тебе. Но, когда упали бомбы, я понял, что ты в беде. Я знал, что он не посмеет бомбить меня в поле зрения системы наблюдения, пока у тебя есть власть на Ганимеде. Мне пришлось выяснить, что случилось. А теперь я пойду.

Торрен задумчиво приподнял револьвер.

– Обратно к ганимедианам? – спросил он. – Бен, мой мальчик, я воспитал тебя дураком. Подумай головой! Что ты можешь для них сделать? Как ты будешь сражаться со мной? – Он разразился громоподобным смехом. – Брин подумал, что я беспомощен! Подойди, Бен. Включи экран.

Внимательно следя за Торреном, Фентон подчинился. На экране показались заснеженные холмы. Высоко над ними, в голубых облачах, виднелся строй самолетов, приближающихся с нарастающим гулом.

– Я бы сказал, что прошло минут десять, – прикинул Торрен.
– Есть столько всего, о чем, кроме меня, никто даже не подозревает. Мне интересно, Брин, действительно, считал, что я не учел все возможные ситуации. Я подготовился ко всему еще много лет назад. Когда от меня перестали поступать сигналы, сработала тревога – вон там. – Огромная голова кивнула. – Моя охрана прибыла бы сюда еще через десять минут, вне зависимости от того, появился бы ты или нет. Тем не менее, сынок, я обязан тебе. Ты избавил меня от стольких минут чувства... беспомощности. Ты же знаешь, как я это ненавижу. Брин мог убить меня, но не сумел бы долго продержать меня в состоянии беспомощности. Я должен тебе, Бен. Я не люблю чувствовать себя в долгу. Я дам тебе все, что хочешь, в пределах разумного...

– Но ничего из того, что мне нужно, – оборвал Фентон. – Меня интересует только свобода ганимедиан, но этого мне придется добиваться самому. Ты не отдашь ее. И я смогу, Торрен. Кажется, теперь я знаю способ. Я возвращаюсь к ним, Торрен.

Огромная рука, плавающая на поверхности воды, направила пистолет на Фентона.

— Может, и знаешь, сынок. А, может, и нет. Я еще не решил. Расскажи мне, как ты собираешься меня остановить?

— Есть только один способ. — Фентон посмотрел на пистолет с мрачной улыбкой. — Я не могу сражаться с тобой в открытую. У меня нет ни денег, ни власти. На Ганимеде этого ни у кого нет, кроме тебя. Но у ганимедиан получится, Торрен. Я обучу их. Я знаю, как вести партизанскую войну — у меня была суровая школа. Знаю все о борьбе против многоократно превосходящих сил. Продолжай строить башни, Торрен. Но... у тебя не получится поддерживать их в рабочем состоянии! Мы взорвем их, как только они заработают. Можешь бомбить нас, но не ты не сможешь убить всех... по крайней мере, достаточно быстро.

— Достаточно быстро для чего? — сверля маленькими глазами Фентона, потребовал Торрен. — Кто меня остановит, сынок? Мне некуда торопиться. Ганимед принадлежит мне!

Фентон засмеялся почти весело.

— О, нет, не тебе. Ты взял его в аренду. Но принадлежит Ганимед Солнечной системе. Он принадлежит другим мирам и их народам. Принадлежит твоим людям, Торрен... выходцам из Центрифуг, которые унаследуют планеты. Ты не сможешь держать втайне то, что будет происходить тут. Башнями владеет земное правительство. Когда мы взорвем их, оно вмешается, чтобы во всем разобраться. Вспыхнет скандал, Торрен. Ты не удержишь это втайне!

— Никому не будет дела до вас, — проворчал Торрен, а в его глазах появился новый, загадочный блеск почти что надежды. — Никто не будет воевать из-за спутника величиной с Ганимед. Ни у кого, кроме меня, тут нет финансовых интересов. Не будь ребенком, Бен. Люди не воюют из-за идеалов.

— В случае местных жителей это больше, чем идеал, — сказал Фентон. — Это их жизнь. Их будущее. И это у них есть власть, Торрен, а не у рожденных на Земле, как я. Они — будущее человеческой расы, и они знают это, так же, как и земляне. Новая раса марсиан с трехметровой шириной плеч и новые люди Венеры с жабрами и плавниками, возможно, не сильно походят на ганимедиан, но это тот же вид, Торрен. Они будут воевать за ганимедиан, если придется. На кону и их жизнь. Идеалы тут не причем. Это вопрос выживания для выходцев из Центрифуг. Атака на один их мир означает атаку на все миры, где они живут. Один в поле не воин, Торрен — даже ты.

— Даже не я, Бен? — Дыхание Торрена громко свистело в его огромной груди.

Фентон засмеялся и отошел к колонне с потайным лифтом. Самолеты на экране стали больше, ближе и громче.

– Знаешь, почему я был так уверен, что это не ты приказал взорвать меня? – дотянувшись до открытой двери здоровой рукой, спросил он. – По той же самой причине, по которой ты не пристрелишь меня. Ты безумец, Торрен. Ты знаешь, что ты безумец. В тебе два человека, а не один. И второй человек – это я. Ты ненавидишь общество, потому что оно в долгу перед тобой. Половина тебя ненавидит всех людей, и особенно ганимедиан, потому что они такие же большие, как и ты, но могут ходить. Их эксперимент удался, а твой – нет. Поэтому ты ненавидишь их. Ты уничтожишь их, если сможешь. – Фентон нащупал дверь и открыл ее. – Ты усыновил меня не просто так, Торрен, – сказал он на пороге. – Часть твоего разума точно знала, что делает. Ты дал мне суровое воспитание. Я провел жизнь в символической Центрифуге, как и ты. Я и есть ты. Я – та половина, которая совсем не ненавидит ганимедиан. Твоя половина, знающая, что они твои люди, имевшие возможность стать твоими детьми, живущие в свободном мире, как жили бы твои потомки, пройди с тобой эксперимент удачно, как у ганимедиан. Хоть с кислородным баллоном и в шлеме, но я буду сражаться. Вот почему ты никогда не убьешь меня.

Вздохнув, Торрен наклонил пистолет. Его толстый палец протиснулся внутрь рамы и начал давить на курок. Медленно.

– Прости, сынок, – сказал он, – но я не могу позволить тебе просто взять и уйти.

– Я же сказал, что ты сумасшедший, – улыбнулся Фентон. – Ты не убьешь меня, Торрен. Внутри тебя идет борьба с тех пор, как ты выбрался из Центрифуги. Теперь она выходит наружу, на открытое пространство. Это место получше. Пока я жив, я твой враг и ты сам. Держи борьбу снаружи, Торрен, а иначе сойдешь с ума. Пока я жив, я буду сражаться с тобой, и ты не будешь единственным хозяином Ганимеда. Ведь я веду *твою* войну. Ты делаешь все, что можешь, чтобы одолеть меня, но тебе не удастся. Ты не посмеешь.

Фентон зашел в колонну и протянул руку к пружине, закрывающей дверь. Его глаза уверенно встретили взгляд Торрена.

Под искривившимися губами Торрена показались зубы.

– Ты знаешь, как я тебя ненавижу, Бен, – хриплым голосом яростно сказал он. – Ты всегда знал!

– Да, знал, – ответил Фентон и дотронулся до пружины.

Створки двери закрылись за ним. Он ушел.

С некоей бешеною неторопливостью Торрен опустошил пистолет в гладкую, чистую поверхность колонны, глядя, как пули одна за другой отлетают в разные стороны, пока зал не наполнился их

свистом и грохотом выстрелов. Но в том месте, где только что было лицо Фентона, колонна осталась нетронутой.

Когда последнее эхо отразилось от потолка, Торрен бросил пистолет, опустился в гигантскую ванну, восстановил дыхание и засмеялся, сначала осторожно, а потом все громче и громче, пока мощные волны звука не стали расходиться по стенам и проходить между колонн, поднимаясь к звездам. Огромные руки молотили по воде, поднимая брызги. Крупное тело чудовищно колыхалось, беспомощно сотрясаясь от смеха.

Вскоре гул самолетов на экране заглушил даже бурную радость Торрена.

Promised land, (Astounding, 1950 № 2), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

Astounding

SCIENCE FICTION

SEPTEMBER 1950

25 CENTS

THE LION AND THE LAMB by Fritz Leiber

ПАРАДИЗ-СТРИТ

Планета Локи со своими дикими равнинами и нехожеными долинами возникла из темноты ночи под грохочущим кораблем Моргана. Морган спешил. Двигатели выплевывали высоко в разряженный воздух мгновенно застывающие ледяные перья, записывая недолговечную историю прохождения корабля по бледному небу. Локи огромными клубами пара. Никаких других следов пребывания человека не было в этом мире.

В грузовом бункере позади Моргана находились три бутыли с *сефтом*, маслянисто булькающим внутри. Они наполнили крошечную кабину запахом корицы, а Моргану нравился этот запах. Нравился сам по себе и из-за вызываемых им приятных воспоминаний о зарослях тростника в долине и лесах на склонах холмов, где он собирал свой груз, в неудобстве, опасности и полной свободе. Он также нравился Моргану потому, что будет стоить пятьдесят тысяч кредитов в Энцибель Ки.

Либо пятьдесят тысяч, либо ничего.

Это зависит от того, как быстро он доберется до Энцибель Ки. Летя в предрассветной тьме над Великим Болотом, Морган получил микроволновое сообщение и с тех пор выжимал из корабля все, что мог. Еще он что-то сердито бормотал себе под нос, подгоняя корабль толканием рычагов и проклиная его, планету Локи и все человечество, как делают люди, которые, в основном, одиноки, и привыкли разговаривать сами с собой.

Показания радара бесшумно пульсировали на экране перед Морганом, а впереди, под покрывалом утреннего тумана, раскинулся Энцибель Ки. У границ тумана он увидел выдающие присутствие цивилизации отметки, раскинувшиеся на поверхности Локи – угольно-черные поля с идеально прямыми дорогами между ними, и фруктовые сады, делящие на клетки склоны долины, которую Морган помнил еще дикой и одинокой. Он подумал о старых днях не очень далекого прошлого, когда он охотился на бородатых быков Харвестера, носящихся по лугам, и ловил *сефтовых* крыс там, где теперь раскинулись сады.

Небо на Энцибель было уже слегка грязным. Поселение... Морган сморщил узкое, обветренное лицо и сплюнул.

– Люди! – воскликнул он в яростном презрении пульсирующему радару. – Поселенцы! Отбросы!

PARADISE STREET

BY LAWRENCE O'DONNELL

The pioneer who carves some semblance of order, some way of life, from a raw planet naturally feels he owns the place. The settler who follows and tames the planet feels differently. And then there is always the third factor to set off the fireworks . . .

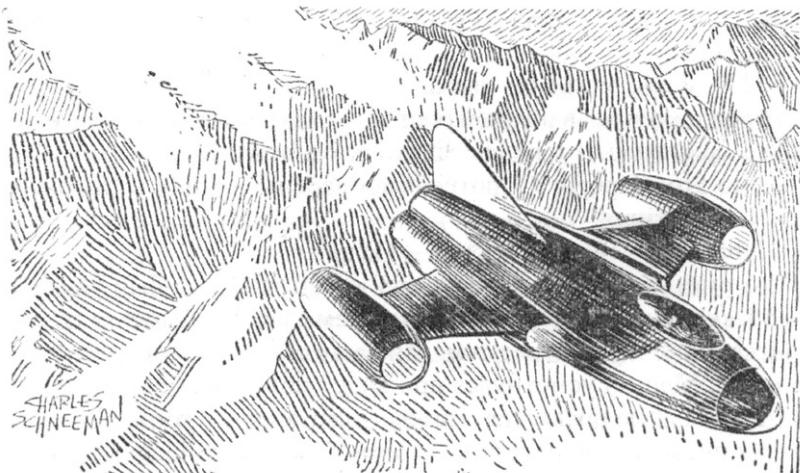
Illustrated by Schneeman

В ясном утреннем небе дымный след позади него описал широкую дугу, уходящую за горизонт, к Дикой Долине, Дозорному Пику, озеру Нэнси и равнине Харвестер. Морган завис над невидимым посадочным полем, и корабль окутал мягкий серый туман. Дымный след, висящий над половиной планеты, медленно растворялся над вершинами и озерами, – единственными спутниками Моргана долгое время, – стал бледным, широким и, наконец, исчез совсем.

Морган вошел в пробирную лабораторию, где проводились пробы, с бутылью на плече, в которой плескался сефт. Его окружал запах корицы – пробирная лаборатория была одновременно и главным складом. Нахмурившись, Морган прошел мимо ровных рядов полок, нагруженными ящиками и бочками с этикетками. В конце помещения стоял рыжеволосый юноша с темным марсианским загаром на веснушчатом лице и – да, Морган взглянул дважды, чтобы убедиться – священник. Священник на Локи!

Юноша с марсианским загаром был в гладком серебристом фартуке. Как и сам кладовщик. С трудом сдержавшись, чтобы не фыркнуть, Морган посмотрел мимо широкого, сутулого плеча поселенца в коричневом свитере, и встретил проницательный взгляд светло-голубых глаз Варбурга, специалиста по проверке качества товаров, ставшего кладовщиком.

Глаза Моргана мельком глянули на серебристый фартук. Он криво ухмыльнулся и сплюнул. Поселенец расправил широкие плечи и перевел взгляд с листа бумаги в руке на полки. Ему было чуть больше двадцати – высокий, крепко сложенный и красивый, как и любой ганимедианин, парень со впалыми, румяными щеками.

— Мне нужно больше гормонального спрея, Варбург, — сказал он.
— Столько же, сколько и в прошлый раз. И как насчет этих новых грибов? Мой картофель растет не очень-то хорошо. Думаешь, актидион поможет?

— Ну, Лаань’и он помог, — избегая взгляда Моргана, ответил Варбург. — А его поля рядом с твоими. Актидион — хороший антибиотик. Ладно, Эдди. У тебя в последнее время были проблемы с крысами?

— Да так, ерунда. Не стоит упоминания.
— Заканчивай с ними, — посоветовал Варбург. — У меня тут смесь сорок-два, прямо в дикумарине. Он расправляетя с крысами лучше, чем морской лук. Эти твари размножаются слишком быстро, чтобы рисковать.

— Не так быстро, как люди, — сказал Морган.
Молодой поселенец сердито взглянул на него. У него были спокойные карие глаза под обесцвеченным солнцем бровями, подозрительно нахмурившимися, когда он разглядел стройного незнакомца. Морган не обратил на него внимания. Протолкнувшись вперед, он небрежно поставил бутыль на стойку.

— Сорок галлонов, Джо, — сообщил он.
— Минутку, — ответил Варбург.
— У меня нет минутки. Я тороплюсь.
— Уже поздно, Джейми, — посмотрев на Моргана, сказал Варбург.

Рука Моргана стиснула горлышко бутыли. Его глаза прищурились. Он перевел взгляд на рыжего парня и мотнул головой в сторону двери.

– Пойди прогуляйся, – сказал он.

Тот выпрямился в полный рост и посмотрел на худощавого человека сверху вниз. Его впалые щеки потемнели.

– Кто это, Варбург? – потребовал парень. – Один из любителей быстрой наживы?

– Полегче, – сказал Варбург. – Полегче.

Его рука двинулась к пистолету на стойке. Это был ультразвуковой «крикун» – он лаял, прежде чем кусался, издавая громкие, угрожающие звуки перед тем, как частота становилась смертельно опасной. Морган усмехнулся при виде пистолета.

– Пока тут не появились крысы, – сказал он, – когда человек доставал пистолет, он использовал его. Кажется, сейчас людей стало легко напугать.

– Кто это? – снова потребовал поселенец. – Стрелок?

– Да, у меня есть оружие, – сказал Морган.

Варбург, наконец, принял решение.

– Я пошлю Тима за твоими вещами, Эдди, – расправив серебристый фартук, сказал он. – Сделай доброе дело и... – Он кивнул на дверь. – Вот, – вложив мешочек в крупную ладонь поселенца, добавил Варбург. – Детям. А теперь уходи.

Но парень, хмурясь на Моргана, даже не пошевелился.

– Ты ошибаешься, – сказал он. – Крыс тут не было, пока не появились люди. Мистер, таким, как вы, в Энцибеле не место. Нам больше не нужны гангстеры, игорные дома, и...

Худощавое тело Моргана чуть пошевельнулось, едва заметно скаввшись. Возможно, молодой поселенец не знал, что это значит, но Варбург был старым колонистом Локи. Он понял. Его рука сомкнулась на рукоятке «крикuna».

По темному, пыльному полу зашлепали чьи-то шаги. Из дальнего конца склада вышел священник и буднично кивнул Моргану, небрежно пройдя между ним и крупным парнем. Его спокойные глаза оценили ситуацию из-за старомодных очков. Он взял мешочек из руки поселенца.

– Что это? – спросил священник. – Сладости? Тогда мы позабочимся, чтобы твои дети получили их, Эдди. Будет очень жаль, если пуля пробьет кулек. Конфеты могут помяться.

– У меня есть для тебя новости, Джэйми, – быстро сказал Варбург. – В...

– Заткнись, – оборвал его Морган.

Он перевел взгляд со священника на поселенца, пожал плечами, сплюнул на пол и отвернулся. Он был готов прекратить ссору. Морган знал, что ему надо поговорить с Варбургом наедине. Позади он услышал стихающие шаги, затем хлопнула дверь.

Варбург нагнулся и достал из-под стойки обвязанную веревкой коробку. На ее боку на трех языках было написано: «Комплект для прививки».

— Тим, — позвал Варбург, — отнеси это в дом Эдди. И не спеши возвращаться.

Юноша подошел к стойке и снял фартук. Потом посмотрел на Моргана с некоторой мрачной осторожностью. Под сильным марсианским загаром, его веснушки были едва видны. Морган чуть-чуть улыбнулся ему.

— Что сказал тебе сказал косоглазый гигант, паренек? — спросил он на шипящем средне-марсианском.

На темном лице юноши внезапно заблестела улыбка, обнажив отсутствующие зубы. Ему было лет восемнадцать, но он сделал детский жест, подняв обе руки и описав широкий круг перед одним глазом и маленький круг перед другим. Это была старая, детская легенда о наблюдающем за всеми гиганте с Деймосом и Фобосом вместо глаз.

— Ладно, Тим, — сказал Варбург. — Давай за дело.

Юноша взвалил коробку на плечи и, согнувшись под ее тяжестью, вышел со склада. Улыбка Моргана пропала. Когда хлопнула дверь, в помещении стало тихо.

Морган со стуком поставил бутыль на стойку.

— Сорок галлонов *сифта*, — сообщил он. — Пятьдесят тысяч кредитов. Все верно?

Варбург покачал головой.

Морган беззвучно прорычал сам себе. Итак, он действительно опоздал. Ну, теперь просто все усложнялось. Не сделалось невозможным, подумал он, но усложнялось. Конечно, Варбург не откажет ему. Даже Варбург, стоявший сейчас перед ним, пухлый и размякший от работы кладовщиком. Он пробыл здесь почти столько же, сколько и Морган, и тоже видел деньги, когда Локи была такой же дикой, как и люди, что жили тут и охотились. Разумеется, эта планета до сих пор оставалась дикой. Морган подумал об этом со злостью. Большая часть Локи все еще являлась нехоженой. Только тут, в Энцибель Ки, распространялось заболевание под названием цивилизация, пачкавшее планету. Пока Морган будет способен находить рынок для *сифта*, он сможет покупать те немногие вещи,

что нужны ему, у источника этой заразы, и неважно, сколько поселенцев, как мыши, будут сновать вокруг Энцибеля.

— Сколько? — мрачно спросил он.

Варбург раскрыл прозрачный пакет, поставил его на небольшие весы рядом с собой и начал взвешивать шуршащий сахар. Он завя-зал первый мешок, прежде чем заговорить.

— Пять сотен за партию, Джейми, — не поднимая головы, ответил он.

Морган и мускулом не пошевельнулся. На складе стало очень тихо, не считая шуршания сахара в полиэтиленовом пакете.

— Не сомневаюсь, что цена понизилась прямо перед тем, как я вошел, да, Джо? — тихо спросил Морган.

— Она понизилась, — сказал Варбург, — пару часов назад. Извини меня, Джейми.

— Не стоит, — ответил Морган. — Я прилетел четыре часа назад. Помнишь? Прошло четыре часа. И значит, ты все еще можешь заплатить мне пятьдесят тысяч.

— Прости, Джейми. Мне пришлось провести выборочную проверку.

— Ладно! Ты проверил...?

— Невозможно проверить сорок галлонов *сифта*, — с сожалением покачав головой, сказал Варбург. — Мне нужно беспокоиться о лицензии, Джейми. У меня связаны руки. Тебе нужно было добираться сюда быстрее.

— Послушай, Джо... мне нужны деньги. Я должен «Атомному Солнцу» почти десять тысяч за последнюю заправку. Больше мне не дадут, пока я не...

— Джейми, я не могу этого сделать. Я не могу так рисковать. Думаю, ты слышал сообщение о снижении цены, но не дослушал до конца, иначе бы знал, кто прибыл сюда, чтобы следить за выполнением распоряжения.

— Кто?

— Твой старый приятель. Майор Додд.

— Руфус Додд? — не веря своим ушам, спросил Морган. — Здесь?

— Все верно.

Варбург с шумом раскрыл новый мешок и сунул его под трубку, из которой сыпался сахар. Поблескивающий белый поток с шуршанием наполнил мешок, расширив его до окончательного объема. Оба молча посмотрели на него.

Морган быстро размышлял. Это было не просто совпадение. Они с Доддом выросли вместе в маленьком городке на Марсе. Додд пошел в Космический Патруль, а Морган начал летать по безлюдным

местам, как только стал достаточно большим, чтобы забраться на грузовой корабль, но они, то и дело, натыкались друг на друга, несмотря непостижимые размеры космоса. Это было слишком невероятно. Космос обширный и глубокий, но людей тянет собираться в крупных центрах цивилизации самых больших миров, и те, у кого схожие интересы неизбежно сталкиваются друг с другом.

– Забавно, не так ли? – предавшись воспоминаниям, сказал Морган. – Последний раз, когда я видел Руфуса, я перевозил меха не подалеку от Сириуса. Кучка красноногих напала на Патруль, и я помог Руфусу продержаться до подхода подкрепления. Ох, как и давно это было. А теперь он на Локи. Что ему тут нужно, Джо? Он ведь не просто прилетел следить за тем, как выполняются новые правила экспорта. В чем же дело?

Варбург кивнул на большой пистолет, лежащий на стойке.

– Ты сам должен был догадаться. Это происходит довольно часто. Вот почему молодой Эдди не отступил, когда ты пытался начать заварушку. Он принял тебя за любителя легкой наживы. Город просто кишит ими. Они преследуют поселенцев. Хватай свежий мир и быстро выжимай его досуха, пока царит беззаконие. Ты же сам все знаешь. Город открыт для всех и, если поселенцы не нападают охрану, преступники всех мастей начинают грабить, убивать, воровать и жечь посевы. Обычное дело. Некоторые из нас отправили прошение, и майор Додд со своими парнями прибыл с обратным рейсом. Он тут все зачистит... надеюсь. Рано или поздно. – Неизвестно почему, Варбург выглядел встревоженным.

– Что ты хочешь сказать? – потребовал Морган. – Руф – честный человек, не так ли? Ты не сможешь его подкупить, даже предложив ему все деньги, которые выпустило «Атомное Солнце» за все времена своего существования.

– Нет, думаю, не его, – с сомнением сказал Варбург. – Но, может быть, вышестоящее начальство. Я лишь знаю, что задержка слишком долгая. Откаты крупным политикам делались и раньше, знаешь ли. Я думаю, что тут замешано что-то темное, и руки майора Додда связаны. А, может, ему тоже перепадает. Кто знает? – Варбург легонько похлопал по «крикуну». – Рано или поздно, мы все пачкаем руки.

– Кто это «мы»? – резко спросил Морган.

– Я не хочу терять работу, – пожал плечами Варбург.

– Ты размяк, Джо. – Морган громко фыркнул. – Никогда не думал, что увижу у тебя пузо и на нем фартук. Тем более так быстро.

– Я не боюсь признаться, что старею, – сказал Варбург. – А ты боишься. Я знаю, пришло время перейти к спокойной жизни.

Ты не сильно моложе меня, Джэйми. Помнишь, что случилось с Шемл'ли-ханом?

– Он потерял осторожность.

– Он постарел. Один раз он оказался слишком медлительным, и самец бизона догнал его. О, нет – мне тут нравится. Времена меняются, Джэйми. Мы тоже меняемся. С этим ничего нельзя поделать. Я рад, что у меня магазинчик, благодаря которому мне есть на что жить. Может быть, когда-нибудь и ты...

– Нет, только не я! – сердито фыркнул Морган. – Я свободный человек. И не завишу ни от кого, кроме Джейми Моргана! И это очень хорошо. Если я зависел бы от моих друзей, то умер бы с голода. Только посмотри на себя – напуган до чертиков Торговым Надзором. Я буду жить вечно, все закаляясь и закаляясь по мере того, как проходят годы. Как старая кожа. – Он улыбнулся и хлопнул себя по груди, но улыбка тут же пропала. – А почему Торговый Надзор так поступил, Джо? – постукивая по бутыли с *сефтом*, потребовал Морган. – Почему они срезали цену? Почему? Если они не хотят видеть на рынке *сефт*, то с тем же успехом могут распахать всю планету и засеять ее пшеницей. Мне все равно. Я тут жить не смогу.

– Они синтезировали *сефт*, – флегматично ответил Варбург.

Морган сердито присвистнул.

– Ну, синтезировали они его и дальше что? – спросил он. – На рынке всегда будет спрос на природное масло, разве нет?

– Возможно. Но Совет Поселенцев просил провести дезинсекцию, Джэйми, – неохотно объяснил Варбург. – Мне жаль, но так делаются дела. Видишь ли, *сефтовые* крысы – вредители. Они уничтожают посевы. Их нужно истреблять, а не собирать выделения из их горловых мешков и затем отпускать, чтобы они накопили еще *сефта*.

Морган побагровел под бронзовым загаром, оскалился и выругался шипящим марсианским словом из его детства. Высокий ящик рядом со стойкой поймал на себе гневный взгляд Моргана, и тот с силой ударил кулаком по его крышке. Дерево треснуло, выпустив острый запах и открыв взгляду проблески ярко-золотистых фруктов внутри.

– Поселенцы! – злобно прошипел Морган. – Так, значит, крысы портят их сады! Кто прибыл сюда первым, Джо? Мы с тобой, вот кто! А теперь ты встал на их сторону. – Он пнул ящик. – Фруктовые сады! Фруктовые сады на Локи! Мычащий скот! Поселенцы прово-няли все миры, на которых высадились!

– Знаю, знаю, – сказал Варбург. – Осторожней с золотой ягодой, Джейми. Я заплатил за нее много денег.

– Конечно, заплатил! Скоро ты уже и сам будешь копаться в земле, Джо. Я не понимаю, – голос Моргана стал мягче. – Неужели, ты забыл Смертельную Равнину и как по ней носились быки Харвестера? Помнишь, когда я с молодым Дэйном пришел с первой партией *септам*? Джо, я сегодня пролетел над Шоколадным Холмом, где мы похоронили Дэйна. Мох растет быстро, Джо, но все еще можно увидеть марсианский круг, который мы вырезали для него, чтобы отметить место.

Варбург резко открыл еще один мешок.

– Я помню, Джейми. Я не забыл Дэйна. Я то и дело там высаживаюсь, чтобы обновить круг. Я помню Дикого Билла Хеннесси, старины Джекиса и Шемл'ли-ххана так, словно они умерли только вчера. Дерево Дикого Билла, где он дрался с красным медведем, теперь стоит посреди кукурузного поля, Джейми. Фермер оставил его в покое, когда я сказал ему, откуда взялись отметины на стволе. Эти люди не такие плохие, как тебе кажется. Тебе придется научиться сосуществовать с ними, если хочешь на что-то жить. Нельзя повернуть время вспять, Джейми. Остается только смириться.

Сахар, поблескивая, сыпался в мешок.

– Поселенцы! – проворчал Морган. – Отбросы! Им тут не место. Это наш мир, а не их! Мы его открыли. Мы должны выгнать их с Локи! Но я забыл – ты уже не Джо Варбург. Ты носишь фартук и продаешь им черный уголь, чтобы прогревать почву, и комплекты для прививки, чтобы они могли выращивать золотую ягоду! Дикий Билл, наверное, уже перевернулся в гробу!

Морган ударил по стойке, заставив пакеты с сахаром танцевать. Маслянистая жидкость в бутыли густо заколыхалась.

– Пятьдесят тысяч кредитов! – горько воскликнул Морган. – Два часа назад! Теперь я даже не смогу окупить топливо. Ты занималась пиратством, Джо. Знаешь, я больше уважаю бандитов и аферистов, которых ты так боишься. Они грабят, приставляя пистолет к голове. А не нападают исподтишка и не прикрываются Торговым Надзором, вытряхивая наши карманы. Думаю, я найду того, кто заплатит больше. Жонглирование ценой не меняет реальную стоимость *септам*, и ты знаешь это, Джо. Наверняка есть кто-то, кто...

– Не делай этого! – предупредил Варбург с внезапной серьезностью. – Я знаю, что у тебя на уме, Джейми, но тебе не удастся уйти безнаказанными. Конечно, леса полны контрабандистов. Только свистни, и у тебя не будет отбоя от них. Но это опасный бизнес, Джейми.

Морган презрительно засмеялся.

– Я не ношу фартук, – сказал он. – Думаешь, я боюсь?

– Если начнешь мыслить здраво, то испугаешься. Это крутые ребята. И организованные. С тех пор, как ты был на Локи последний раз, все изменилось. Я держу «крикун» на стойке не просто так. Ты хорош на холмах и знаешь дикую местность, как свои пять пальцев, но городские умнее тебя, Джейми, и гораздо хитрее.

– Ты дурак, – гневно сказал Морган. – Мне нужны деньги, и я достану их, где сумею. Нет никого круче Джейми Моргана. Кого мне искать, Джо? Ты должен знать, кто тут занимается такими вещами. Или ты слишком напуган, чтобы сказать мне?

– Думаешь, я скажу тебе? – с кривой улыбкой спросил Варбург. – Даже если не говорить о том, что это опасно, я не забыл про майора Додда. Он не терпит подпольной торговли и знает обо всем, что происходит в Энцибель Ки. Он депортирует тебя, Джейми.

Морган потянулся к бутыли.

– Кто-нибудь мне поможет, – сказал он. – Не ты, так другой. – И хитро добавил: – Если я попаду не к тому дилеру, то, возможно, потеряю голову. Но ты слишком занят, взвешивая сахар. Забудь. Я сам выясню.

– Джейми, если Додд услышит об этом...

Морган поднял бутыль.

– Я поспрашиваю людей, – сказал он.

– Ладно, – вздохнул Варбург. – Зайди в «Дорогу, устланную перьями» и спроси человека по имени Вэлли. Он прибыл с Венеры и умнее тебя, Джейми. Не говори, что ты от меня.

– Спасибо за ничего, – выпалил Морган.

Он взвалил бутыль на плечо и развернулся.

– Ты должен мне пятьдесят кредитов, – флегматично сказал Варбург. – Ты испортил пол ящика золотой ягоды.

– Да хоть сто, – сказал Морган с яростной улыбкой и пнул ногой.

Дерево затрещало, яркий поток фруктов хлынул из ящика на гладкий черный пол. Морган потоптался, выдавливая из них сок. Его сердитый взгляд встретился со взглядом Варгбурга.

– Вышли мне счет на Шоколадный Холм, – сказал он. – Оставь его в круге Дэйна. Или прибей к дереву Дикого Билла. Ты получишь свои деньги... поселенец!

И тяжелой походкой Морган вышел со склада.

Свежий, холодный воздух утра, раскинувшегося над поселением Энцибель пах ветрами, дующими через километры фруктовых садов, ряд за рядом растущих на холмах вокруг.

Морган считал это вонью.

Он плюнул в пыль покрытой резиной улицы, вытащил из кармана пачку *никки* и откусил кусочек, думая о том, как он делал то же самое на Новой Луне за Сириусом и то, как все было, когда она была пограничным миром, много лет назад, еще до того, как он прилетел на Локи. Теперь поселенцы выращивали *никку* в этом тусклом, жемчужно-сером мире. Окруженный водой Гальвз II тоже был теперь населен, и из бурных морей исчезла вся таинственность. Теперь они усеяны управляемыми островами, где люди выращивали на водных полях различные виды водорослей.

Теперь они переключились на Локи. Морган хмурился, глядя на единственную улицу поселения Энцибель, чувствуя небольшую тревогу от близости такого большого количества людей. Пышно-грудая молодая женщина в полосатой розовой кофте поправляла поднос продуктам на голове и с любопытством вытянула шею, проводив Моргана взглядом. Мимо прошел человек в коричневой, облегающей форме пилота, сержант с обветренным лицом, и толпа затихла, недовольно зароптала, обиженно глядя на него, пока он не свернулся за угол и не исчез из виду.

У входа в «Дорогу, усыпанную перьями» прохлаждалось на утреннем солнце трое венериан с волосами лимонного цвета, и жители города обходили их стороной. Они носили «крикуньи» у всех на виду, пристегнув оружие к поясу, идущему поверх длинных, окаймленных бахромой пальто, и большая часть их разговора сопровождалась сериями быстрых жестов, на которые их мутные глаза, казалось, никогда не смотрели. Венериане слегка пахли рыбой.

Морган кивнул и прошагал мимо них, войдя в большое, сводчатое, гулкое помещение. Это здание, как и все другие, наспех построенные дома в поселении Энцибель, в буквальном смысле надули, и кто-то переоценил место, которое понадобится для «Дороги». А может, и нет. Может, бар только набирает обороты. К тому же стоит учесть, что еще совсем рано.

Бар выглядел так, словно ему требовалось искусственное дыхание. Для размера и устройства «Дороги» посетителей явно не хватало. Шуршащие пластиковые занавески делали помещение визуально меньше – это можно было сказать по наклону крыши – но этого все равно было недостаточно, чтобы избавиться от губительной атмосферы опустошенности, которую межпланетный бар должен избегать любой ценой. Посетители, пуская новые корни, и так чувствовали себя потерянными в любом чужом мире. Хороший бар обязан создавать ощущение, что ты дома.

Морган кислю улыбнулся. От дома ему нужен был лишь стаканчик чего-нибудь крепкого. Его корни умели перемещаться. Все миры служили Моргану домом.

Бармен оказался красивым америндианином с орлиным носом. Он уставился на Моргана ясным, невыразительным взглядом черных глаз.

— Доброе утро, — сказал он. — Выпей одну за счет заведения, незнакомец.

Морган поставил бутыль на стойку и потер плечо.

— Конечно, — ответил он.

Америндианин распечатал новую бутылку бренди и призывающе поставил ее перед Морганом, который налил себе одну бесплатную рюмку и, крепко взяв бутылку за горлышко, отработанным движением засунул пробку на место.

Старик с красным, пожеванным лицом согнулся над барной стойкой метрах в трех от Моргана, покачивая в руке стакан с чем-то мутным. За ним были двое молодых геодезистов в болотных сапогах, решивших пропустить по одной, прежде чем приняться за влажную, тяжелую дневную работу. Дальше сидела темноволосая девушка в обтягивающей красной одежде, поставившая локоть на стойку, чтобы поддерживать подбородок рукой. Ее глаза были закрыты, она наслышивалась себе под нос тихую, сонную мелодию.

Больше всего шума исходило от стола с широкоплечими молодыми людьми, игравшими в какую-то ганимедианскую игру с фишками, стучавшими о столешницу. Голоса парней были громкими и неровными. Очевидно, они провели тут всю ночь. Они посмотрели на Моргана, как группа фермеров, и у него сразу зародилось презрение к ним.

— Я ищу человека по имени Вэлли, — сказал он бармену.

Черные глаза бармена, казалось, стали меньше и ярче, когда Морган в ожидании ответа начал разглядывать его. Девушка в конце стойки ненадолго открыла глаза и посмотрела на Моргана, удивленно присвистнув. Затем она опять опустила веки и продолжала наслышиваться печальной мелодии.

— Кто тебя послал? — спросил бармен.

Морган демонстративно отвернулся. Напротив каждого барного стула на стойке была кнопка, и он медленно надавил указательным пальцем на ту, что была рядом с его локтем. Секция барной стойки откатилась в сторону, и в нос ударил горячий, соленый, острый запах щедрых бесплатных обедов. Движущаяся лента внизу лениво двигала посуду с едой, вызывающей жажду.

Морган подождал, пока пройдут поджаренные почки мха со сливочным маслом, поднос с кренделями и большое круглое блюдо с марсианскими семечками, потрескивающими от жара тарелки, на которой они лежали. Наконец, Морган опустил руку. Он взял ложку какой-то массы с голубыми пятнами, опустил ее в чашу лениво кипящего масла и, прокрутив ее на серебряной палочке, ловко засунул закуску в рот, поближе к основанию языка, где едой займутся нужные вкусовые рецепторы.

— Так как насчет человека по имени Вэлли? — когда смог заговорить снова, спросил Морган, нетерпеливо глядя на молчаливо ждущего бармена.

— Я задал вопрос, — ответил индец.

Морган пожал плечами, просунул руку под лямку бутыли, стоящей на стойке, и привстал.

— Я всегда могу пойти куда-нибудь еще, — сказал он.

Индеец смерил его долгим, невыразительным взглядом. Они помолчали. Наконец, бармен в свою очередь пожал плечами.

— Я просто тут работаю, — сказал он. — Подожди.

Он нырнул под створку стойки и исчез между пластиковыми занавесками с другой стороны помещения. Морган съел три фальшивых клюва колибри и спокойно сидел на табурете, глядя на подсвеченные изображения за барной стойкой, представлявшие собой серию анимированных фотографий безжизненных мест: пустыня Мохаве на Земле, солнечная сторона Меркурия, где все тени словно вытравлены кислотой, и медленное мерцание марсианской пустыни с танцовщиками вихрями и светло-фиолетовым воздухом прозрачнее, чем хрусталь. При виде этих пейзажей, Морган позволил определенной, нельзя сказать, что неприятной ностальгии зашевелиться в его душе.

Затем он заметил первый проблеск движения позади, отразившийся на поверхности фотографий, и повернулся к худому, очень бледному венерианину в длинном желтовато-коричневом пальто, который подходил к нему, тщательно вымеряя каждый шаг под развевающейся бахромой верхней одежды. Его кожа была белая, как тесто, волосы — прилизанными и ярко-желтыми, а глаза — крутыми, скучающими и тусклыми.

Венерианин мрачно склонил голову.

— Вы Вэлли? — потребовал Морган.

— Меня зовут Шайнин Вэлли, — ответил светлый человек. — Разрешите мне угостить вас выпивкой? Билл... — Он кивнул америндианину, снова нырнувшему под стойку и продолжающему заниматься своими делами.

— Нет, — быстро отказался Морган.

Он сунул руку в карман, нащупал несколько монет кубической, составной валюты Локи и вытащил один из кубиков. Вытряхнув на стойку три наименьших элемента кубической валюты, он взял бутылку брэнди «Феррад», вытащил пробку и налил себе еще одну бесплатную рюмку. Большим пальцем снова запечатал бутылку.

— Вы ведете тут дела, Вэлли? — спросил Морган.

Тусклые глаза посмотрели на бутыль с сефтом.

— Можно сказать и так, — ответил венерианин и заскользил вперед, а бахрома пальто опять начала разеваться.

Сел на стул рядом с Морганом.

— Билл, сделай нам ширму, — твердо сказал Вэлли.

Выражение лица индейца не изменилось, но он кивнул и дернул одну из множества веревок за стойкой. Морган невольно вздрогнул, когда нечто с шуршанием опустилось сверху. Это был пластиковый занавес, держащийся на полукруглом каркасе и раскрывшийся, как парус. Он аккуратно закрыл двух людей, оставив большую часть звуков снаружи. Морган нервно оглянулся. Ширма была полупрозрачная, и он почувствовал себя лучше. Землянин вопросительно посмотрел на венерианина.

— Снаружи нас никто не видит, — объяснил Вэлли. — И не слышит. Билл, налей мне джина.

Морган сморщил нос, когда его собеседник бросил красную пилюлю в стакан, что поставил перед ним индеец. Возник аромат камфоры, смешавшийся с трудноуловимым, но определенным запахом рыбы, исходящим от человека с Венеры.

— Вы пришли в правильное место, Джейми Морган, — потягивая джин, сказал Вэлли. — Видите, я знаю ваше имя. Я мог лишь надеяться заключить сделку с таким человеком, как вы...

— Кончайте, Вэлли, — прервал Морган. — Давайте оставим неуместную вежливость. Я не люблю венериан. Не люблю их запах.

— Тогда попробуйте понюхать вот это, — сказал Вэлли и положил на край стойки банкноту в тысячу кредитов.

Морган поднял брови. Алкоголь начал оказывать на него свое действие: прошло несколько месяцев с тех пор, как он пил последний раз. Он понял, что хочет пить все сильнее и сильнее. Как всегда, эффект был кумулятивным. Морган не обратил внимания на бумажку.

Вэлли растопырил пальцы быстрым, проворным жестом.

— Когда я сегодня прилетел сюда, — сказал Морган, — мой груз стоил пятьдесят тысяч. Думаете, я продам его за десять?

— Десять — только начало. Мне нужен такой человек, как вы.

— Я не продаюсь. Только мой груз.

Наступило молчание. Вэлли попивал пахнущий камфорой джин.

— Думаю, вы все-таки продаетесь, Морган, — вскоре тихо сказал он. — Возможно, вы об этом еще не знаете, но скоро поймете.

— Сколько за сефт? — потребовал Морган.

Вэлли медленно выдохнул. Он издал медитативный звук, словно воды Венеры мягко окатывали его горло.

— Всего у вас сорок галлонов, — сказал он. — Варбург не даст больше пяти сотен. Майор Додд конфискует ваш груз, и вы получите легальную цену — не больше. А я предлагаю кое-что другое. Предлагаю рискнуть.

— Я тут не для этого, — проворчал Морган. — Просто сделайте мне предложение.

— Десять тысяч кредитов.

Морган недовольно засмеялся.

— Говорю вам, я рисую, — тихим, терпеливым голосом сказал Вэлли и дыхнул запахом рыбы и камфары прямо на Моргана. — Это вещество научились синтезировать. Но один из моих рынков находится на планете, проходящей через плотную туманность. Они еще не получили сообщение о падении цен. Ультракороткие волны не могут пробиться к ним. Корабль, разумеется, может. Возможно, это уже случилось. Если так, то новости опередили меня. Если нет,

я получу неплохую прибыль, купив по урезанной цене и продав по старой. Вот, что я имел в виду под риском.

– Мне не нравятся шансы, – сказал Морган. – Вы можете заплатить мне больше и все равно...

– Это моя цена. Вы не получите лучшего предложения. Я заплачу десять тысяч за сорок галлонов. – Из горла венерианина снова раздались звуки прибоя, и он добавил. – *Скалла*, – и переплел пальцы характерным жестом так, что Морган понял, что это максимальная сумма. Когда венерианин говорит «скалла», блеф не пройдет.

Тем не менее, с десятью тысячами... В Энцибель Ки были кабаки, где играли в азартные игры. Как и большинство тех, кто рискует жизнью и знает, когда шансы достаточны для победы, Морган ошибочно подумал, что сможет увеличить прибыль, сыграв в другие игры, где правит вероятность. Кроме того, брэнди начало соблазнительно пылать в желудке, требуя добавки. А он не мог ничего купить с теми немногими кубическими монетами, что лежали у него в кармане.

Морган протянул руку и взял банкноты из бескостных пальцев венерианина, пробежавших пальцем по их краям. Их было десять. Он вытащил из кармана ключ и положил его на стойку.

– Ключ от шкафчика? – спросил Вэлли. – Очень умно.

– Две других бутыли лежат там, – сказал Морган. – По рукам?

– Еще нет, – смотря на Моргана круглыми, тусклыми глазами, тихо сказал Вэлли. – Мы хотим, чтобы вы работали на нас. Могу предложить вам очень хорошую сделку, друг мой.

Морган встал со стула быстрым, плавным движением и нетерпеливо ударил по ширме.

– Выпустите меня, – сказал он. – И я вам не друг, Вэлли.

– Скоро станете, – махнув рукой, пробормотал Вэлли.

Со скрипом и шорохом занавес поднялся, и шум бара снова окутал Моргана.

Народу стало больше. Работники фермы встали из-за стола, немного пошатываясь и моргая на сердитого владельца участка, стоявшего в дверном проходе.

– Я бы всех вас выгнал с фермы, – крикнул он, когда занавес поднялся. – Если бы мог, то выгнал бы! Выходите, бездельники! На выход, пока я не свернул вам шеи. – Его яростный взгляд обшел помещение. – Вас мы тоже скоро выгоним, – проорал он бармену, который равнодушно пожал плечами. – Такие, как вы, тут не нужны!

Один из работников остановился, чтобы осушить рюмку, стоявшую на столе, а затем быстро присоединился к остальным. Поме-

щик быстрыми, сердитыми шагами подошел к столу, выхватил рюмку из руки парня, вихрем развернулся и швырнул ее в потолочную лампу, освещавшую отделенный занавесом пустой стол. На него посыпался дождь звенящих обломков. Владелец фермы повернулся и, громко топая, вышел из бара, вытолкав нерадивых помощников.

Морган посмеялся.

– По сравнению со мной, – сказал он, – вы ему нравитесь.
– Возвращайтесь, когда будете готовы, – посмотрев на Моргана круглыми глазами, ответил Шайнин Вэлли. – Вы вернетесь, Джейми Морган. Вы готовы....

Морган плюнул на пол, повернулся спиной к Вэлли, и вышел из бара.

Ему нужно было выпить еще.

Морган болезненно открыл глаза, морщась от яркого света. В течение заметного периода времени он и понятия не имел, кто он такой и где находится. Потом над ним склонилось знакомое лицо, и на секунду ему показалось, что он снова десятилетний мальчишка, смотрящий в лицо десятилетнему Руфусу Додду. Руф играл в солдатики. Он был одет в нелепую обтягивающую коричневую форму с эмблемой в виде Солнечного Кольца на воротнике и золотыми погонами на плечах. Но снаружи, в разреженном фиолетовом воздухе марсианского утра, где расстипалось дно мертвого моря, шевелились под ровными лучами солнца фиолетовые тени, и через пару минут мамы должны были позвать их на завтрак.

Пылинки танцевали в луче света, пробивавшемся через завесу век. Морган повернул голову и увидел, что лежит в маленькой незнакомой лачуге с толстым слоем пыли на полу. Справа и слева от него торчали металлические стойки кровати. Пластиковые занавески, выцветшие в местах складок, частично закрывали его.

В носу был запах горечи, а в легких – мертвый, затхлый воздух. Морган прищурился от головной боли и увидел небольшой черный объект, движущийся по стене – древнейший спутник человека таракан. Морган закрыл глаза и скорчил гримасу. Теперь он вспомнил, кто он такой.

– Здравствуй, Руф, – хрипло сказал он.
– Вставай, Джейми, – приказал знакомый, твердый голос. – Ты арестован.

Морган тяжело вздохнул. Он потер ладонями скулы – жесткий, царапающий звук щетины раздражающее проехал по его ушам. Он ненавидел тараканов, выцветшие занавески и весь это грязный, во-

нюючий город, который поселенцы построили на чистой, одинокой, дикой планете.

– За что же, Руф? – спросил Морган.

Потирая лицо, он увидел руку, вдоль предплечья которой тянулся свежий ножевой порез. Морган задумчиво уставился на него.

– На это может быть много причин, – ответил Додд.

Он отошел на шаг назад и заложил большие пальцы за ремень. Его лицо стало во много раз старше десяти лет. В тот первый момент пробуждения, время, наверное, действовало, как фильтр между ними, фильтр, который скрыл сюровую челюсть Руфа, морщины, рассекшие его лицо от носа до подбородка, и холодный, серьезный взгляд прищуренных глаз. Руф никогда не щадил себя. И было маловероятно, что он станет щадить других.

– Например, за пьянство, нападение на граждан города и побои, или за поведение, недостойное человека, – твердым голосом объяснил Руф Моргану. – А также за попытку разгромить кабак, где ты проиграл последний кредит. Но это все не то. Я арестовываю тебя за продажу *сейфта* контрабандисту по имени Шайнин Вэлли. Ты дурак, Джейми.

– Конечно, я дурак. – Морган пошевелил пальцами ноги в грязных носках. – Только вот я этого не делал, Руф.

– Врать уже поздно. Ты всегда много болтаешь, когда напиваешься. Тебя слышало больше десятка поселенцев, Джейми, а затем ты спрятался тут, где найти тебя не составило никаких проблем. Я обязан арестовывать всех, кто не подчиняется новому закону о *сейфте*. Это не моя прихоть. Не я пишу законы.

– Зато пишу я, – возразил Морган. – Я создаю свои собственные законы. Руф, ты нарушаешь границы. Локи – мой мир.

– Да, я знаю. Ты и еще несколько человек открыли его. Но теперь он принадлежит Торговому Надзору, чьи правила тебе нужно соблюдать. Вставай, Джейми. Надевай ботинки. Ты арестован.

Морган приподнялся на локоть.

– Что они со мной сделают?

– Депортируют, скорее всего.

– Ну, уж нет! – воскликнул Морган. – Только не меня. – Он поднял свирепый взгляд и дико посмотрел на старого друга. – Локи – моя планета.

– Нужно было думать об этом раньше, Джейми, – пожал плечами Додд. – Тебе придется идти в ногу со временем.

– Никто не прогонит меня с Локи, – упрямно стоял на своем Морган. – Никто!

– Будь благоразумен, Джейми. – Там… наверху полно места.

Додд посмотрел на небо, как и Морган. «Там» – всегда означало наверху, неважно, как далеко от края Галактики вы находились.

– Какое-нибудь крупное предприятие обязательно профинансирует тебя…

– И заодно свяжет по рукам и ногам, – заметил Морган. – Когда я открываю новый мир, я делаю это по-своему, а не так, как хочет «Атомное Солнце» или «Объединенная мощь». Когда я иду по Парадиз-стрит, я делаю это добровольно.

На секунду они оба затахли, думая о невидимом пути через звезды, дороге такой узкой и одновременно такой широкой, как нос корабля, ведущей туда, куда он направлен и ограниченной только звездами. Курс на картах обозначен с точностью до десятых долей градуса, но все курсы проходят по Парадиз-стрит.

Первооткрыватели, пилоты и космические бродяги – в основном те, кому не сидится на месте и, следовательно, подчиняются своему воображению.

Контраст между жестким функционализмом внутри космического корабля и неизмеримым великолепием снаружи слишком велик, чтобы не иметь названия. Так что всякий раз, когда вы стоите в рубке корабля и вглядываетесь в бездонную темноту, где вращаются ослепительные планеты, а звезды незаметно плывут по космосу, вы гуляете по Парадиз-стрит.

– Всегда будут планеты, где ждут несметные богатства, Джейми, – сделав свой голос убедительным, заметил Додд.

– Я никуда не полечу, – сказал Морган.

– Какие же у тебя планы, Джейми? – иронично спросил Додд. – Ты заглядывал в свои карманы?

Морган замер, не закончив движение, намереваясь обыскать свою измятую одежду, и вопросительно взглянул на Додда.

– Нет… – начал он.

– О, да, ты все проиграл. Все. Теперь у тебя нет даже оружия. Игорные заведения не дают человеку выйти, пока у него есть еще хоть что-то, что можно продать. Давай, проверь карманы, если не веришь мне. Ты на мели, Джейми.

– Не все же десять тысяч! – начав бешено выворачивать карманы куртки, с горечью воскликнул Морган.

– Десять тысяч кредитов? – повторил Додд. – Так сколько тебе дал Вэлли? За сорок галлонов наркотика?

– Наркотика? – все еще роясь в карманах, рассеянно сказал Морган. – Какого наркотика? Я продал ему *сифт*.

— *Сефт* это наркотик. А ты не знал?

Морган поднял на него пустой взгляд.

— Разумеется, это держалось в секрете, — продолжал Додд. — Но я думал, ты знаешь. Наркотик можно синтезировать только из натурального чистого *сефта*. Не из того, что сделан на фабрике. В том нет протеинов.

Морган поднял взгляд, растерянность в котором медленно уступила место расцветающей ярости.

— Значит, вещества стоит... да оно бесценно! — воскликнул он. — Если *сефтовых* крыс истребят, то, что я продал Вэлли будет стоить в сотню раз больше грошей, что он заплатил мне!

— Вот что получается, когда связываешься с городскими пройдохами, Джейми, — без всякого сочувствия сказал Додд.

Морган уставился в одну точку перед собой, на выцветшие занавески и затемненное солнце. Значит, Шайнин Вэлли перехитрил его во всем. А Додд пришел закончить то, что начал венерианин. А Варбург сидел и самодовольно смотрел, как Торговый Надзор берет власть над Локи и ее законными обитателями. На одну едва заметно промелькнувшую секунду, Морган, с чем-то похожим на горькую зависть, подумал о молодом Дэйне, спокойно лежащем на Шоколадном Холме под Марсианским Кругом, о Диком Билле, умершем до падения Локи, и о Шемл'ли-ххане, у которого больше не было никаких проблем. В конце концов, именно они оказались счастливчиками.

Но Морган не любил проигрывать. Он что-нибудь придумает. Джейми Морган будет житьечно, и Локи все еще его миром и только его. Он подавил ярость и повернулся к Додду лицом.

— Я могу сам о себе позаботиться, — сказал он. — Подтолкни сюда ботинки, Руф.

Майор шаркнул ногой по пыльному полу. Морган опустил ноги с койки и, хрюкнув, наклонился, чтобы застегнуть ботинки.

— Ты напрасно тратишь свое время, Руф, — глядя из-под насыщенных бровей, сказал он. — Почему ты не выйдешь на улицу и не скрутишь пару местных бандитов, если так хочешь навести порядок? Они — настоящие преступники, а не я.

— Я подчиняюсь приказам. — Лицо Додда напряглось.

— Судя по тому, что я слышал, одним прекрасным днем поселенцы возьмут власть в свои руки, — сказал Морган. — Ох, ладно, забудь. — Что-то проворчав, он потянулся к самым дальним застежкам и затем глянул на наблюдающего за ним майора с косой улыбкой. — Что говорил косоглазый гигант, Руф?

Суровый рот Додда немножко расслабился. Улыбка была неохотной, но все же улыбкой. Вдохновленный Морган сделал голос более приветливым и продолжил, все еще пыхтя над застежками ботинок.

— Я не могу дотянуться до последних защелок, Руф, — объяснил он. — Помнишь тот шрам от копья, что я вытащил на Ллапе, когда мы три дня отбивались от красноногих? Он не дает мне сильно сгибаться. Кажется, с возрастом такое не проходит. Черт тебя дери, если ты еще не ощущаешь приход старости, Руф.

— Может, и тебе еще рано стареть, — сказал Додд. — Но твои руки дрожат, Джейми.

— Если бы ты провел такую же ночь, как я, — ухмыльнулся Морган, — ты бы излучал ультразвук. Скоро пройдет. Я... — Он жалобно охнул, тщетно пытаясь дотянуться до последней защелки.

— Я помогу, — сказал Додд и нагнулся.

— Спасибо, — дожидаясь нужного момента, ответил Морган.

Когда челюсть Додда оказалась в пределах досягаемости, Морган прищурился, собрался с силами и изо всех сил своего худощавого тела взмахнул тяжелым ботинком.

Пинок попал Додду в скулу и поднял его на добрых пятнадцать сантиметров, прежде чем он отлетел назад и грохнулся на пыльный пол, с глухим стуком ударившись головой о покрытый резиной пластик.

Морган вскочил следом. Додд только успел шлепнуться в пыль, когда колени Моргана встали на пол по обе стороны от него, а руки вцепились в горло.

Но в этом не было необходимости. Додд лежал неподвижно.

— Прости, Руф, — ухмыльнулся Морган. — Надеюсь, я не... — Его руки исследовали череп бессознательно лежащего человека. — Нет, все в порядке. Я просто одолжу у тебя пистолет, Руф, и разберусь с одним незаконченным делом в городе. Депортируешь меня, да? Позволь мне дать тебе хороший совет, Руф. Никогда не недооценивай старого друга.

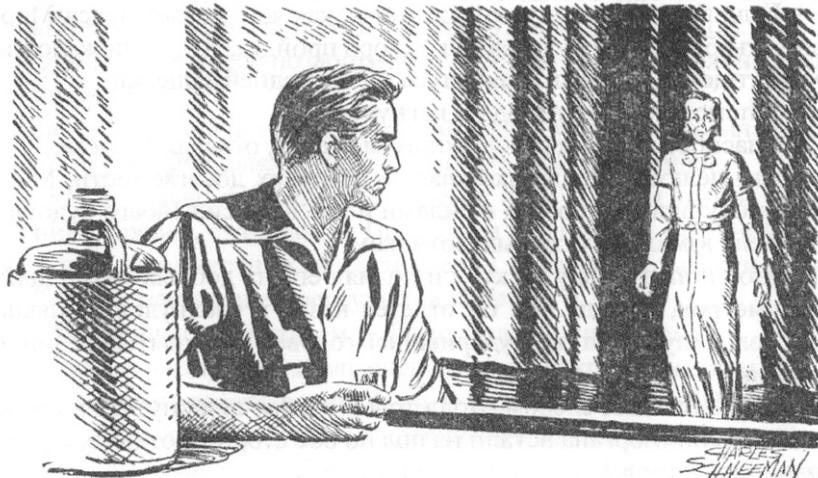
Скупо ухмыляясь, Морган встал, засовывая украденный пистолет за пояс.

Похмелье стучало в его голове, но он не показывал и виду. Двигаясь осторожно, легко и медленно, он выскоцилзнул из города, направляясь через новые фруктовые сады к лесам, расположенным в полутора километрах. Дикие леса окружали поселение Энцибель несчетными рядами, протянувшимися на бесчисленные километры, уходя далеко за горизонт.

К подножию холмов на границе леса стекал горный ручей. Морган разделся и искупался в ледяной воде. В голове появилась ясность, он почувствовал себя лучше. После этого, он вернулся в Энцибель, держа пистолет под рубашкой в поисках человека по имени Шайнин Вэлли.

— Я ждал тебя, — сонно сказал Вэлли, моргая от восходящей дымки пузырьков, медленным фонтанчиком выходившей из оловянной кружки в его руке.

Он облокотился на стол, держа кружку то одной рукой, то другой, и покачивая головой взад-вперед плавными, змеиными движениями. Столбик пара изгибался, как гибкое дерево на ветру.

— Я ждал, — на этот раз пропев фразу, повторил он.

Все венерианине любили петь в своем кругу, но при посторонних они так себя вели, только находясь в состоянии эйфории.

В нос Моргана ударил резкий, почти болезненно чистый запах *тишины* высшего сорта, который вдыхал Вэлли. Он знал, не стоит рассчитывать на, что контрабандист пьян. Вэлли взмахнул рукой, и с потолка снова раздался шелест ширмы, отгораживающей их двоих от остального мира, но на этот раз вместе со столиком в дальнем конце «Дороги, устланной перьями».

Мутные глаза Вэлли излучали искренность и странным образом были ясно видны через поднимающийся пар.

— Теперь ты будешь работать с нами, — пропел он.

— Теперь я заберу то, что мне причитается, — поправил Морган.

Пальцы Вэлли угрожающим движением погладили оловянную кружку.

— Я заплатил тебе десять тысяч. *Скалла*.

— Это был первый взнос. Я хочу остальное.

— Я уже сказал...

— Свои сказки оставь себе, — наморщив нос, выдохнул Морган.

— Вещество, что я продал тебе, станет бесценным, когда Торговый Надзор истребит *сейфовых* крыс. Нет никаких планет, попавших в плотную туманность. Ты сделаешь из *сейфта* наркотик и продашь его по выгодной цене. Мне это неважно. Но я хочу получить то, что мне причитается. Ты доплатишь, или мне отстрелить тебе башку?

Вэлли медитативно издал знакомый звук волн, разбивающихся о берег. Внезапно, он склонил голову, уткнувшись лицом в облако мельчайших пузырьков.

— Верни мне десять тысяч, что я дал тебе, — сказал он, и получишь свой *сейфт* назад. — Многое изменилось. Сорок галлонов не стоят того, чтобы рисковать, а больше у меня нет.

— Ты лжешь, — решительно сказал Морган.

— Нет. — Шайнин Вэлли улыбнулся через столбик пара. — Вчера у меня было больше. Намного больше. Я скупал *сейфт* несколько недель у всех, у кого только мог. Но прошлой ночью майор Додд конфисковал всю партию. Теперь у меня нет ничего, кроме тех сорока галлонов, что продал мне ты. Хочешь получить их назад?

Морган яростно ударил пустоту перед собой, словно отогнал невидимых комаров. Он ненавидел ступать на эту зыбкую почву. Что здесь правда? А что — ложь? Что за коварный обман скрывается за сонной улыбкой венерианина? Морган не привык к таким играм. Разумеется, оставился иной способ все закончить. Он засунул руку под рубашку и нашупал пистолет Додда.

– Впрочем, я предложу тебе кое-что еще, – сказал Шайнин Вэлли.

Морган напряг все мышцы. Вот оно, подумал он. Они подводили его к тому, что он еще не мог толком разглядеть. Через секунду-две, он, возможно, узнает, к чему именно.

– Продолжай, – сказал Морган.

– Плохи твои дела, Джейми Морган, – тихо заметил человек с Венеры. – Даже очень плохи. По пьяни ты проиграл все свои деньги и теперь не можешь покинуть Энцибель Ки. Никто не продаст тебе и литра горючего, пока не вернешь старые долги. Я знаю, как работают первопроходцы, всегда на одно путешествие вперед, в кредит, оплачивая прошлогодние счета тем, что заработали в текущем году. Без денег за *сейф*, ты не сможешь возобновить кредит. Я прав?

Морган подался вперед, подперев подбородок рукой, а локоть поставил на стол. В этом положении лицевая сторона его рубашки была не видна, и он вытащил пистолет Додда, положил его на колено и направил дуло на живот Шайнин Вэлли.

– Продолжай, – коротко сказал Морган.

– Тебя депортируют с планеты Локи, как только найдут, – монотонно пропел Вэлли. – А ты хочешь остаться. Но это у тебя не выйдет, если не станешь сотрудничать со мной.

– Я сам решу свои проблемы, – сказал Морган. – Заплати, что должен, и забудь обо мне.

– Та сделка закрыта. Я сказал *скалла*, и ее нельзя открыть снова. Если ты предложишь мне сейчас тонну *сейфта*, я не дам за нее и гроша. Единственное, что я согласен купить у тебя – твое сотрудничество. Я заплачу тебе сорок тысяч кредитов, если ты кое-что для нас сделаешь.

Морган подвинул пистолет на колене чуть вперед и нащупал курок чувствительным указательным пальцем.

– И что мне нужно сделать? – спросил он.

– Ах. – Шайнин Вэлли туманно улыбнулся через облако пара. – Это *ты* должен сказать *мне*. Я могу только описать нашу проблему и надеяться, что у тебя есть ответ – потому что ты знаешь Локи лучше всех. – Оскорбительно оттопырив палец, он указал в дальний конец города. – Там стоят большие корабли, готовые к взлету, – сказал контрабандист. – Один из них принадлежит нам. Мы хорошо устроились в Энцибель Ки. И располагаем большими средствами. Но майор Додд не выпускает корабли из порта. К тому же, он конфисковал наши сокровища. Мы хотим вернуть себе *сейф*, который он украл у нас, загрузить его на борт корабля и вывезти отсюда. Как нам это сделать, Джейми Морган?

— Кажется, у тебя уже есть какой-то план, — бесстрастно сказал Морган. — Продолжай.

— Только идея, — пожал плечами Вэлли. — Возможно, она сработает. Ты боишься диких быков Харвестера, Морган?

— Конечно, боюсь, — ответил Морган. — Глупо их не бояться.

— Нет, нет, я хочу спросить, ты можешь управлять их стадом? Предположим, направить его в определенное место?

Морган прищурился, позволив пальцу немного сползти с курка.

— Ты сошел с ума? — потребовал он.

— Я слышал, что это возможно. Может, какой-нибудь более опытный колонист...

— Да, такое можно провернуть, — прервал Морган. — Только зачем? К чему это вас приведет?

— К кораблю с грузом на борту, если повезет, — объяснил Вэлли.

— Я хочу, чтобы ты направил стадо прямо на поселение. Что тогда случиться?

— Тотальное разорение, — ответил Морган. — Половина жителей разбежится или погибнет, а все строения на пути стада рухнут. Ты этого хочешь?

— Это меня не волнует, — пожал плечами Шайнин Вэлли. — Я только хочу, чтобы Патруль и поселенцы оказались подальше от здания, где хранят *сейф*. И чтобы суматоха очистила космопорт. Думаю, то, что ты описал, прекрасно справиться с этой задачей, разве не так?

— Да, — с сомнением ответил Морган. — Наверное, справится.

— Так ты возьмешься за это?

— Должен быть способ попроще, — указал Морган.

— Какой? Поджечь город? Но он не сгорит. Лишь церковь и пара старых магазинов построены из дерева. Конечно, можно придумать что-нибудь покруче, только у меня нет на это времени. Я подумал о быках Харвестера, потому что один из моих людей доложил об их стаде, пасущемся в долине всего в паре километров отсюда.

— Город, наверняка, каким-то образом защищен автоматически, — возразил Морган. — Харвестеры опасны. Должен быть...

— Думаю, что подобные устройства существуют. Сейсмические датчики реагируют на вибрацию при приближении стада и включают специальные шумовые генераторы. Кажется, Харвестеры очень чувствительны к звуку? Отлично. Такого не случится, потому что генераторы шума не сработают. Мои люди позаботятся об этом, если ты справишься с управлением стадом.

— Это слишком опасно, — сказал Морган.

– Никто не получает сорок тысяч кредитов за просто так, друг мой. Так ты берешься, или мне нужно искать кого то, кто не боится запачкать руки?

– На Локи нет того, кто боится Харвестеров меньше, чем я, – практически сказал Морган. – Я думаю о том, что будет после. Знаешь единственный способ управлять стадом? Нужно оседлать воожака. Хорошо, я с этим справлюсь. Но меня будет хорошо видно на нем, ведь так? И большое количество поселенцев пострадает, а может даже умрет.

– Ты им чем-то обязан, мой друг?

– Ни чем. Я их ненавижу. Я бы с радостью вышвырнул их всех с Локи, а затем тебя и твоих приспешников. Теперь меня не волнует судьба ни одного человека, живущего в Энцибель. Но я не собираюсь подставляться сам. Меня будет отлично видно, и останется полно выживших. Если я заработкаю эти сорок тысяч кредитов, Вэлли, я хочу прожить еще немного, чтобы потратить их. Меня вовсе не радует перспектива оказаться привязанным к дереву толпой мстителей, как только я спрыгну с быка. Так что, это плохой вариант.

– Возможно, – вздохнул Вэлли. – Возможно. Жаль, да? Между прочим, сорок тысяч у меня прямо тут.

Он пошарил в рукаве желто-коричневого пальто и положил на стол пачку банкнот. Он была толстой, хрустящей и пахла мяты.

– Они твои, – сказал Вэлли. – Получишь их, *если* заработаешь. Разве они не стоят того, чтобы немного рискнуть, Джейми Морган?

– Может быть, – согласился Морган.

Он взглянул на деньги голодными глазами. И подумал о своем корабле, оставленном за Энцибель, не заправленном и не способном двигаться – как и он сам. Чем он все-таки обязан поселенцам? Они пощадили его, когда у них была такая возможность? Как и большинство тех, кто открывал новые миры, Морган уважал жизнь. Он убивал только по необходимости, только, когда не было другого выхода.

Но... с такими деньгами он бы смог остаться тут. В конце концов, Локи – большая планета. Он нежно провел кончиком пальца по курку невидимого пистолета.

Морган внезапно ухмыльнулся, и его правая рука двинулась с ошеломляющей скоростью. Стол дернулся, светящееся дерево пузырьков отклонилось в сторону, оказавшись между Вэлли и ним. Когда оно выпрямилось, ствол пистолета Моргана уже лежал на краю стола, а его немигающий взгляд не открывался от венери-

нина. Вэлли встретил этот холодный взгляд, чуть скосив глаза. Затем медленно поднял их, с ожиданием уставившись на Моргана.

- Ну? – сказал он.
- Я заберу деньги. Прямо сейчас.

Вэлли не отводил решительный взгляд в течение бесконечной секунды. Затем медленно пододвинул пачку банкнот к Моргану, не сводя с него взгляда. Морган, не опуская взгляд на деньги, нашупал их свободной рукой и уверенным движением убрал связку в карман.

Венерианин едва заметно шевельнулся. Морган не дал ему времени завершить движение, что бы тот не задумал.

- Не двигайся! – приказал Морган.
- Тебе не сойдет это с рук, – пообещал человек с Венеры. – Мои парни...
- Нет, они не станут ничего делать, – уверенно сказал Морган. – С чего бы им? Я заработаю эти деньги.
- Как? – Брови Вэлли поднялись.
- Я направлю стадо, так уж и быть. Но не на город. Это убийство, а таким я не занимаюсь ни за какие деньги. Космический Патруль не прощает убийств.
- И какой тогда твой план?
- Знаешь фруктовые сады к востоку от города? И поля между ними и Энцибель? Я проведу Харвестеров по этой долине. Они втопчут посевы прямо в землю. И снесут фруктовые деревья. Разрушат добрых полгода работы. Возможно, это заставит жителей покинуть с Локи. – Морган шлепнул губами. – Должно произвести такой же эффект.

– Я бы не был так уверен, – нахмурился Шайнин Вэлли.

– Ты когда-нибудь слышал стадо несущихся быков? – потребовал Морган. – Земля тряется, как при землетрясении. Окна вылетают в домах, расположенных даже в полукилометре от стада. Когда жители почувствуют, услышат и увидят, что происходит, они покинут свои дома, как пчелы, вылетающие из улья. У тебя будет достаточно времени. Кроме того, это именно то, что я и так собирался сделать. И ничего больше. Хочешь, чтобы я заработал деньги или просто ушел с ними?

Шайнин Вэлли посмотрел на свои длинные, бескостные пальцы, сжимающие оловянную кружку. Он причудливым образом переплетал их друг с другом, словно плел сложное венерианское предложение на языке жестов, чтобы помочь себе принять решение. Через

секунду кивнул и поднял голову, а его глаза скрыл поднимающийся столбик пузырьков.

— Отлично, — наконец, сказал он. — Значит, я могу на тебя рассчитывать?

Морган встал и отодвинул стул.

— Конечно, я все сделаю, — ответил он. — Но по-своему.

Шайнин Вэлли опять уткнулся в поднимающиеся пузырьки. И издал горганью звук венерианского моря, накатывающего на каменистый берег.

— По-твоему, — согласился он самым мягким голосом.

Харвестеры — безмозглые ангелы разрушения. Они выглядят, как керубы*, величественные бородатые керубы из ассирийских легенд, огромные, с телом быка, большими львиными головами и густыми, курчавыми ассирийскими бородами. Надбровные дуги покрыты звукочувствительными усиками, и они воспринимают звук не хуже сонара. Любое отклонение от нормального звукового фона обращает их в ужасное, сметающее все на своем пути бедство.

У хорошего исследователя не бывает опасных путешествий, вспомнил Морган старую пословицу и истолковал ее, как: *избегай неожиданного*. Новые миры таили в себе слишком много неожиданностей. Первая вода, выпитая Морганом на Локи, казалась пригодной даже после проведения всех химических тестов, но вызвала двухнедельный жар из-за нового вируса, который наука смогла классифицировать... гораздо позже, лишь после его обнаружения. Вирус проходил через фарфоровые фильтры, выдерживал кипячение, противостоял всем стандартным очистительным химикатам и так сильно выходил за привычные рамки, что экстраполяция не помогла — если не экстраполировать до бесконечности, но тогда все новое останется за бортом.

Как и Харвестеры. Был способ управлять ими. Его знали немногие, и еще меньшее количество обладало молниеносной реакцией, чтобы воплотить его в жизнь.

Затаившись в засаде, Морган едва осмеливался дышать. Он был почти, как камень. Но не совсем — это стало бы ошибкой, поскольку он все же не являлся камнем, а без естественной врожденной маскировки не мог надеяться сымитировать полную неподвижность. Но Морган всеми чувствами воспринимал природный ритм и дви-

* Керубы — крылатые быки, охранители царских врат в древней Ассирии. Керубы имеют отношение к херувимам. Херувим от арамейского корня «пахать», из чего христианами сделался вывод о том, что херувим имел вид быка (прим. перев.)

жение темного леса вокруг, звезд над головой, время сна и время пробуждения флоры и фауны Локи, и медленно, постепенно погружался в совершенную, динамическую пустоту идеальной гармонии с миром природы.

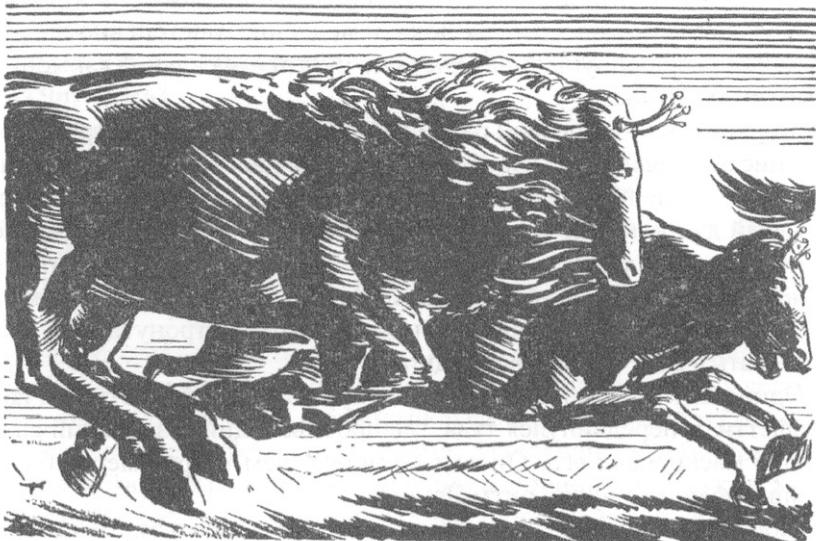
Морган опустошил свой разум. Он не просто ждал. Ультразвуковой пистолет был готов в любой момент выстрелить. Морган запомнил положение пасущегося стада Харвестеров, направление ветра, который дул в лесу и над ним. Стадо сонно паслось, едва заметно передвигаясь в темном лесу долины перед ним. Потом животные замерли, наверное, заснув под звездами. Морган сел на корточки в звенящей тишине, позволил кончикам пальцев дотронуться до мха и послать в мозг слабые вибрации.

Один раз Морган пошевелился, зашуршав сухими листьями, как конфетти, и передвинулся туда, где пробивающийся звездный свет лучше маскировал его. Он сам не понял, чем второе место было лучше, пока не ощутил ритм Локи.

Морган уже вступал с таким количеством миров в эту духовную и одновременно физическую связь, что легко ощущал пульс жизни планеты, открывшей путь для перехода между живым миром и живым человеком. В тот момент ему показалось, что вся планета Локи спала и не знала о его присутствии. Только он припал к земле в идеальной согласованности с врачающимся миром. Моргану вряд ли нужно было смотреть на темный осциллограф, устройство, при помощи которого он проверял свою согласованность с окружающим. Чувством более сложным, чем зрение, он знал, что все идеально. Дрожащая зеленая линия на табло осциллографа преобразовывалаочные звуки Локи в нечто видимое. Вторая линия, периодически пересекающая с первой, показывала его собственную активность. Разумеется, ни один человек не мог сделать так, чтобы обе линии сливались воедино. По крайней мере, пока был жив.

Разум Моргана, освобожденный от крутящихся воспоминаний, позволил всплыть старым образам. *И носит он врачающийся шар*, вспомнил Морган строчку из давно забытой книги. Мертвец, облеченный во врачающийся мир. Сейчас Морган носил Локи, но не в том смысле, о котором писал поэт. Это придет позже. Когда-нибудь, где-нибудь, в каком-то мире, чье название даже еще неизвестно, он вступит в брак с врачающимся шаром, а затем зеленые линии задрожат и сольются воедино.

Но сейчас Морган носил Локи, свой мир, за который сражался и страдал. Он не собирался никому его отдавать. И такая возможность была. Места хватит для всех. Деревни будут расти, стальные паутины расползутся дальше, но горы и лес никуда не исчезнут.

Пройдет очень много времени, прежде чем поселенцы посмеют начать исследовать Смертельную равнину, Великую Долину Болот или Горячие Холмы.

Земля задрожала. Зеленая линия задергалась в быстром танце. Быки Харвестера пришли в движение.

Зеленая линия пришла в бешенство. Мок под пальцами Моргана начал передавать сильные вибрации. Десятки мощных копыт, несущих огромные тела, лениво топали по узкой долине прямо к нему. Он ждал. Чувства напряжения не было вовсе.

Морган еще не увидел животных, но появилось ощущение, что вокруг него все зашевелилось. Листья зашелестели, стволы деревьев завибрировали. Стадо приближалось. Морган полностью расслабился, позволив биению Локи нести его с собой.

Вверху, среди листьев, тускло освещенных звездным светом под острым углом, из своего положения Морган увидел, как лианы задрожали, затрещали, разорвались и внезапно появилась черная, бородатая морда, покрытая разорванными листьями. Лианы треснули на могучей груди, и вожак стада величественно представал перед Морганом, черный, гладкий, посверкивающий голубоватым отливом, а его кудрявая грива соединялась с такой же кудрявой бородой. Усики медленно, но беспрестанно раскачивались над круглыми, настороженно моргающими глазами. Бык фыркал и свистел ноздрями. Когда он ступал своими мощными копытами, земля сотрясалась.

Морган не пошевелился, но все его мышцы натянулись, как струны, а внутренний баланс его жилистого тела приготовился

к прыжку. Он подождал секунду, затем его правая рука стиснула устройство для стрельбы, связанное со спрятанным пистолетом.

Это был «крикун», установленный на максимальную мощность чистого звука. Морган услышал первую волну мощнейшего механического рева, широко открыл рот и закричал так громко, как только мог. Его голос утонул в шумном выстреле «крикуна», но его это не беспокоило. Ему нужно было уравнять вибрации с обеих сторон барабанных перепонок: крик спасал его от глухоты.

На Харвестеров рев подействовал сокрушающее. Через весь лес разнесся грохот копыт, и гора мощных мышц, казалось, задрожала, когда стадо приготовилось помчаться во весь опор. Морган рассчитал время с точностью до долей секунды. Его реакция должна была быть идеально точной.

Две пятых секунды ушло на то, чтобы сенсоры Харвестеров полностью потеряли чувствительность после воздействия. Стадо моментально оглохло. Оно больше не будет реагировать с привычной для них сверхчувствительностью. Но за эти две пятых секунды рефлексы отправят их в головокружительное бегство.

И в эту долю секунды Морган вскочил.

Это был хитрый трюк. Морган рассчитал так, чтобы оттолкнуться коленом от передней ноги вожака, когда тот ринется вперед. Руки Моргана схватили кудрявую гриву, и он отчаянно потянулся вверх в тот же миг, когда передняя нога быка вылетела, как поршень, и мощные мышцы подбросили Моргана так, что он дотянулся до огромной черной колонны – шеи вожака.

Морган был готов и ждал этого момента. Он перекинул ногу через гладкую холку и прижался к шее, идеально точно выбросив обе руки вперед, чтобы ухватиться за толстые основания усиков, торчащих, как рога, из выпуклостей над глазами животного.

Морган ощутил левой рукой холодный, гладкий пучок усиков, и стиснул его в кулаке. Правая рука нащупала... соскользнула...

Промахнулась.

Промахнулась!

Этого не могло произойти. Раньше он никогда не мазал. Он был точен, как звезды в своем вращении. Его тело было механизмом таким же верным, как солнце, восходящее над планетой Локи. Джейми Морган собирался жить вечно. Неужели возраст мог ослабить его? Такого никогда не должно было случиться...

Но он промазал мимо правого выступа. Инерция беспомощно протащила его вперед, и неизбежное движение головы быка сбросило с гигантской шеи. Морган ощущил, как толстая, твердая колонна шеи животного скользит под ним. Почувствовал тошнотворную вибрацию тысяч копыт, сотрясающих землю. Летя по касательной вниз, он успел увидеть размытую траву, проносящую под ним с бешеною скоростью. Он вспомнил, как выглядит человек после того, как по нему промчится стадо Харвестеров.

Когда он сорвался, точно осенний лист, его разум закрылся от всего, кроме одного, во что он вцепился изо всех сил – в свое имя.

Джейми Морган, бешено закричал его разум, затягиваясь вокруг осознания этой личности, которая, казалось, находилась так близко к забвению. Земля содрогалась от ритмичного грохота, голова воожака Харвестеров моталась из стороны в сторону, а мох внизу размывался под взглядом напряженных глаз Моргана.

К этому примешалась память о Шемл'ли-ххане. *Он постарел. Один раз он оказался слишком медлительным, и самец бизона догнал его.* Интересно, за секунду до смерти, Шемл'ли-ххан видел и чувствовал тоже самое? Морган раньше никогда не допускал оплошностей... будет ли у него шанс сделать это еще раз в своей жизни?

О, да, будет.

Потом, пытаясь вспомнить, как именно ему это удалось, какое невероятное движение вернуло его на шею быку, Морган не знал, что сказать. В одно мгновение он находился практически в свободном полете, мчась к трясущейся земле. А в следующее его колени опять скажали мощную мускульную колонну, а руки вцепились в зна-

комые основания усиков, держа и делая нечувствительными рецепторы быка.

Больше никто не смог спастись, подумал он, а его голова кружилась от страха и ликования. Никто, кроме меня. Но молва все равно пойдет. Я все же ошибся. Промазал. Я постарел, как Шемл'ли-хан, ...

Морган оглянулся. Стадо Харвестеров позади выбежало на яркий звездный свет единственным черным грохочущим водопадом уничтожения. Это были величественные ангелы разрушения, войско небес, мчащееся на Энцибель Ки. Сжав ладони еще сильнее, Морган стал тянуть вожака вправо по широкой дуге, концом которой станут поля рядом с поселением. Вожак подчинился...

Внезапно Морган заметил, что хохочет во все горло. Из-за встречного ветра и необъяснимой радости из глаз потекли слезы. Он не знал, почему смеется. Только понял, что глубокий, древний страх внутри него пропал, затих, как биение сердца в горле. Старый? Еще нет – еще нет! Где-нибудь, когда-нибудь – но не сейчас!

Прижимаясь к огромной, пульсирующей шее, держа руки на основаниях усиков и надежно обхватив коленями холку Харвестера, Морган вел стадо. Восторг кипел внутри него, как крепкий алкоголь, дико отравляя разум. Мощь зверя, на котором он сидел, наполнила силой и его самого, а ритмичный грохот несущегося стада заставил его сердце биться в таком же грозном ритме. Он обратил против спящих поселенцев саму планету Локи, планету, разгневавшуюся, чтобы стряхнуть с себя захватчиков.

По лицу хлестали листья. Поток холодного ветра заставлял слезиться глаза. Жаркий, едкий запах бегущего быка ударил в нос. Затем листья внезапно поредели, а грохот бегущих зверей изменился, когда лес остался позади, и перед ними раскинулась равнина. Морган напряг правую руку, лежащую на основании усиков быка. Чувствительность рецепторов Харвестера притупилась еще сильнее, и он повернул налево, в сторону холмов с виноградниками, фруктовыми садами и большими распаханными полями над городом. За ним свернуло и стадо, земля заревела и задрожала под стучащими копытами сотен быков.

Звезды, казалось, тоже затряслись. В черном небе содрогались безымянные созвездия, новые, искаженные изображения, видимые с дальнего края Галактики, которые будут оставаться без имени, пока такие люди, как Морган, не прибудут туда под покровом ночи и не дадут им знакомые названия. Он увидел созвездие Ракеты, вы-

тянутым овалом раскинувшимся над городом и Созвездие Бизона, мчащегося к горизонту. Все звезды освещали Парадиз-стрит.

Но поселение спало. Несколько огней горело там, где в центре города скопились салуны и игорные дома, а дальше, за заслоняющими их холмами на фоне звезд возвышались силуэты пяти кораблей. Свет снизу мерцал на их сужающихся боках, а звезды освещали их носы. Космический Патруль расположился где-то не подалеку, охраняя космопорт. Морган свирепо ухмыльнулся. Руфа Додда ждет сюрприз.

Он сильнее прижался к огромной шее, глядя на защитную проволоку, которая предупредит фермеров, если незванные гости окажутся слишком близко. Он увидел, как блеснули порванные концы, заграждение разошлось в разные стороны, и ухватился за надбровные выступы покрепче, проводя стадо через брешь.

Теперь перед ними нависли деревья, тяжело нагруженые спеющими фруктами. Ровные ряды тянулись вниз по склону, как колонны солдат. Вожак стада мотнул бородатой головой, когда сильный человеческий запах появился в воздухе впереди, как невидимые фонтаны. Но давление стада сзади было очень мощным, и вожак продолжил нестись через деревья.

Огромные плечи затрещали, ломая ветки. Сопротивление сада, казалось, только сильнее разозлило Харвестеров. Они неслись через него, фыркая, ревя, стуча копытами и обрывая ветки. Неостановимым сокрушающим клином, движимым чистой инерцией, мчались они вперед.

Морган подался на огромной шее, покрытой гривой, и заорал во все горло.

– Топчите их! – кричал он животным, которые его не слышали.
– Топчите все! Сносите эти гнилые, вонючие фруктовые деревья!

Он немного ослабил хватку рук, держащихся за основания уси-ков, и завопил диким индейским фальцетом, чтобы довести быка до абсолютного бешенства, будто несколько децибел слабого человеческого голоса можно было услышать сквозь рев и грохот стада.

Морган практически потерял над собой контроль, будучи опьяенным разрушением, и каждый новый ряд сокрушенных деревьев возводил его на новые высоты радости. Сама мысль о том, сколько работы было вложено и сколько месяцев потрачено на насаждение этого сада, приводила Моргана в восторг. Аромат раздавленных фруктов и поваленных деревьев удариł ему в нос, и это было как запах крепкого виски. Человек может опьянеть от одной только мысли о разрушениях, которые он сеет во вражеском лагере.

– Крушите все, что видите, мои джаггериауты! Растопчите их! – еще громче завопил Морган и застучал коленями по мощной, ничего не чувствующей шее.

Впереди, за полуразрушенными фруктовыми садами, лежали поля. Крепко держась за разъяренного зверя, Морган начал обдумывать курс. Вскоре ему придется слезть с быка. А это будет непросто.

Нельзя просто взять и спрыгнуть. Только не под тысячи копыт несущегося стада. Ему нужно будет повернуть вожака и не просто куда-то, а к чему-то выше Харвестера.

Стадо прорвалось через последний ряд деревьев, и перед ними растянулись кукурузные поля, серебристые в звездном свете. Что-то прокричав, подгоняя Харвестеров, чтобы они мчались еще быстрее, Морган прижался к огромной шее. Мягкая земля пенилась под копытами, и они, толкая друг друга, с ревом ускорили бег в направлении нового объекта разрушения. Морган завопил, опьяненный радостью. Он был самым могущественным человеком на свете. Он метал молнии, как сам Зевс, ведя огромное стадо по полям.

Справа, в городе, расположенному неподалеку от бегущих Харвестеров, Морган увидел, как начинаются зажигаться огни, услышал вой сирен и ритмичный звон колокола, дико раскачивающегося под крышей церкви. Морган разразился яростным смехом. Прогнать его с Локи, как бы не так! Пусть только попробуют! Он прокричал бессмысленную угрозу звенящему колоколу.

Впереди, сразу за полями, Морган увидел ряд деревьев-селит. Он зацепится за одну из мощных изогнутых веток, когда вожак окажется там, поскольку *селиты* отмечают место, где должно закончиться его путешествие.

Морган оглянулся, сжав ладони, держащиеся за выступы. За ним грохотали Харвестеры, страшное скопление мотающихся голов, гладких, сотрясающихся тел в ярком свете звезд. Он увидел вдалеке разоренные фруктовые сады, через которые они пронеслись, а перед садами – широкую полосу перепаханных полей, где и зерна, и сорняки были втоптаны в угольно-черную почву неумолимой стихией. Морган ликующее расхохотался. Собрались распахать Локи, да? Засеять его дикие и одинокие долины кукурузой?

Нынче ночью он вбил чуждые посевы в землю, на которую они вторглись. Сама планета содрогалась от топота копыт стада, что он вел. Он понял, что, должно быть, ощущали кентавры, которые все же были полубогами...

Вдоль границ уничтоженных садов возникло какое-то скрытое движение. Морган повернул голову и увидел по краям полей тоже самое. Он вел стадо уже по окраинам города, и ряд *селил* становился все ближе и ближе. У него было времени беспокоиться по поводу этого малозаметного шевеления, пока еще не настал конец гонки, но ему оно не нравилось. Морган не понимал, что это. Двигалось то, что не должно было двигаться...

Селиты, отчетливо различимые в звездном свете, неумолимо надвигались на него, увеличивались, словно стремительно росли, пока стадо неслось к ним. Он напряг мышцы, тщательно вымеряя прыжок.

Между ним и деревьями с ослепительной внезапностью ударила молния и грянул гром. Ошарашенный, оглушенный, Морган смог только судорожно вцепиться в основания усиков и изо всех сил прижаться к огромной шее, на которой он ехал.

Под собой он ощутил, как все гигантское тело быка содрогнулось от резкого напряжения, содрогнулось, прыгнуло и, вроде бы, развернулось в воздухе. Когда вожак приземлился, от удара, казалось, задрожала вся долина. Морган сжал колени и руки, всех сил притупляя восприятия быка изо, но этого оказалось мало.

Мир крутился вокруг него, как земля под разворачивающим самолетом. Он вращался вокруг стержня в виде стучящих копыт Харвестера, и стадо вращалось вместе с ним. Раздались другие оглушительные, страшные звуки, но уже позади, громыхающие безумным ревом вдоль границ растоптанных полей.

Крикуны. Ультразвуковые пистолеты, поставленные на полную мощность.

Так вот что это, подумал Морган, ошеломленно мотая головой. Не было ни молнии, не грома. Это лишь выдумки его испуганного разума. Как следует ухватившись за быка, он оглянулся и увидел то, что до этого почти не встречал – ряд голов лимонного цвета, двигающихся вдоль края поля, длинные светлые одеяния, мерцающие в звездном свете, бледный металл, поблескивающий при каждом выстреле «крикунов».

Они гнали стадо и Моргана вместе с ним. Но куда?

Он понял еще до того, как быки повернули. Весь простой план стал ему полностью ясен, так очевиден, что только такой дурак, как он, мог не догадаться обо всем с самого начала.

По бокам уже мелькали низкие дома. Морган как раз успел повернуться, чтобы увидеть раскинувшиеся веером здания Энцибель Ки. Он вел стадо между ними, прямо к главной улице города.

Он безумно орал, чтобы животные остановились. Но его голос застрял в горле, утонул в реве «крикунов», раздающемуся сзади, и оглушающем топоте копыт, пока Харвестеры и наездник мчались по Энцибель Ки ужасным, уничтожающим все на своем пути потоком.

Убийственная ярость от полнейшей беспомощности душила Моргана, ненависть ко всему существующему. Он ненавидел быка под собой и стадо Харвестеров, которое вел. Ненавидел разбегающихся поселенцев, мелькающих между зданиями впереди. Ненавидел звон церковного колокола, поднимающего тревогу. Его тошило от ненависти к венерианину, который заманил его сюда, и к его всем людям, выстроившимся вдоль полей за городом и подговаривающих стадо выстрелами «крикунов».

Но больше всех он ненавидел Джейми Моргана, слепого дурака, очертя голову мчавшегося к разрушению Энцибель Ки и себя самого.

С шумом и треском разваливающихся зданий, стадо Харвестеров неслось через Энцибель. Пыль крутилась густыми вихрями, когда складывались пластиковые стены, а сводчатые крыши с грохотом падали вниз. Это была кошмарная катастрофа во тьме, с радугами в пыли, поднимающейся вокруг каждого уличного фонаря, и Морган с трудом мог видеть и дышать.

Он замечал нечеткие силуэты бегущих людей, кричащих, подзывающих друг друга и исчезающих в темноте. Прямо перед ним, в облаке пыли и темноты, он увидел человека, вставшего на одно колено, прижавшего винтовку к плечу и прицелившегося в скачущего на вожаке быков...

Словно раскаленная проволока коснулась плеча Моргана. Он сдвинулся в сторону на гигантской шее, к которой прижался, и стрелка, и аллею под ним снесло бурным потоком, точно обрывок сна.

Когда Морган снова выпрямился, колени его дрожали. А хватка за основания усиков стала менее уверенной. Его обуял новый ужас. Он не сможет сидеть на этом опасном настесте вечно, это он знал. Но возможность слезть с быка была уже упущена, и отдалась с каждым шагом харвестеров.

Он опять вспомнил Шемл'ли-ххана.

Пыль все еще кружилась, а здания с обеих сторон разрушенной улицы трещали и разваливались под напором несущегося стада. Крики мужчин, пронзительные, режущие ухо вопли женщин и глу-

хой звон церковного колокола пробивался через сотрясающий планету грохот бегущих копыт.

Харвестеры могли бежать несколько дней после того, как их охватит паника. Бежать, пока совсем не обессилят. Но хватка Моргана подведет задолго до этого. Подумав об этом, он почувствовал, как его сухожилия снова задрожали от усилий удержать себя на спине быка.

Каким-то образом ему придется слезть, причем как можно быстрее.

Разумеется, это какой-то бред. Что толку продлить жизнь на пару минут, если смерть все равно возьмет свое, когда взбешенные жители доберутся до человека, сравнявшего их город с землей? Его, наверное, уже узнали слишком многие, его, управляющего неумолимой стихией. Сколько мужчин и женщин уже погребла под собой эта лавина, а скольких раздавили обломки домов?

Морган немного успокоил себя тем, что на главной улице, в основном, были здания делового центра и игорные притоны, а не жилые дома. Но кто-то уж точно погиб. Кто-то наверняка лишился жизни. И если умрет хоть один человек, Космический Патруль его повесит, даже если это не сделают поселенцы.

Оглушенный шумом и вибрацией, окружавшей его, ошеломленный собственным гневом и страхом, ослепленный кружашейся пылью, Морган, наконец, поднял взгляд и увидел перед собой, возвышающиеся над облаками пыли и пленкой отражающегося света, пять высоких блестящих башен космических кораблей, стоящих в космопорту впереди. Он был достаточно близко, чтобы разглядеть лестницу, свисающую с ближайшего корабля, и слабое мерцание надежды снова забрезжило перед ним.

Корабли были единственным искусственным объектами, способными противостоять напору взбешенных Харвестеров. Морган даже слабо ухмыльнулся, подумав о том, как Патруль постыдно разбежится в разные стороны, завидев лавину быков, мчащихся по взлетному полю.

Пять кораблей торчали, словно пальцы гигантской стальной руки, нависшей над городом, будто какая-то колоссальная фигура небрежно оперлась на Локи, глядя, как мелкая людская драма достигает апогея.

Стадо Харвестеров с грохотом взбегало по холму за городом, все выше и выше. Вот уже последние здания остались позади, крики стихли, и огни Энцибель погасли. Еще чуть-чуть, и вожак с человеком на своей спине перевалил через вершину холма. Морган

собрался с силами в последней отчаянной попытке не свалиться с шеи быка, когда снова начался спуск, и несущийся зверь ринулся вниз по склону, ведущему к кораблям.

Маленькие люди в форме стянулись на границу поля, из стволов нацеленных пистолетов засверкали вспышки выстрелов. Ультразвуковое оружие выло недолго, поскольку толку от этого не было, и люди в форме знали это не хуже Моргана. Невероятная жизнестойкость Харвестеров вкупе с огромной инерцией сделала нелепой любую попытку убить зверей. Даже умирая, стадо все равно бы снесло бы Патруль с края поля.

Солдат словно смела невидимая метла, когда передний ряд быков достиг космопорта. Все еще тщетно постреливая, люди разбежались в разные стороны и исчезли.

Теперь высоченные корабли приближались к Моргану с кошмарной скоростью. Он увидел звездный свет, мерцающий на их поднятых носах, и яркий отсвет на длинных, гладких, выпуклых боках. Увидел веревочную лестницу, свисающую с ближайшего корабля, и, когда стадо поравнялось с гигантскими стальными колоннами, разделившимися на несколько потоков и затем снова слившимися в один, словно черная вода, обтекающая стабилизаторы, Морган собрался с силами, выждал...

И прыгнул.

В полете, на одну растянувшуюся в вечность секунду, его вера пошатнулась. Он не был уверен, что ему это удастся. Перед глазами проплыло лицо Шемл'ли-ххана, каждая морщинка была отчетливо видна Моргану. Затем его руки сомкнулись на веревке, и кожу ладоней стало обожгло, когда веревка заскользила между пальцами, мгновенно рассеяя все сомнения и страхи.

Морган вцепился изо всех сил, боясь, что руки вот-вот вырвут из плечевых суставов. В то же самое время он расслабил ноги и ощутил, как мощная шея Харвестера прошла под ним, чувствуя, как грохот стада сотрясаet воздух, пока он раскачивался на веревке и разворачивался над ревущим потоком.

Слабость от истощения ждала своего часа, чтобы, как вода, разлившись по мышцам, когда Морган расслабит их хоть на долю секунды. Но он не смел. Вместо этого, он вцепился руками в веревку, задрыгал ногами в воздухе, наконец, нашел ступеньку и завис на ней, оглохнув, ослепнув и дрожжа, пока поток бегущих в панике быков целую вечность громыхал под ним. Он закрыл глаза, задержал дыхание и скжал руки что есть сил, не желая умирать сейчас больше, чем когда-либо, несмотря на ожидающие его опасности. Казалось, прошла целая жизнь.

Грохот был в голове Моргана, и, наверняка, останется там на всегда. Время приобрело необъяснимую текучесть. Он не мог понять, кровь это стучит в ушах, или он все еще слышит стук копыт. Ему показалось, что рядом с ним кто-то разговаривает, возможно, прямо под ним, в шестиметровом пространстве, отделяющем его от бегущего во весь опор стада. Но откуда там могли взяться люди? Вся смелость словно покинула Моргана, и он только мог держаться за веревку и ждать, пока прояснится его голова.

Веревка в руках резко дернулась, почти сбросив его вниз. Он сжал руки сильнее, не обращая внимания на боль в ладонях. Она снова попыталась его скинуть. На этот раз Морган открыл глаза и тупо поглядел вниз через плечо.

На него уставилось несколько бледных лиц. Ему казалось, что он все еще слышит грохот Харвестеров, но это стучала кровь в ушах, поскольку стадо было уже далеко. После этого, встав вплотную спинами друг к другу, показались венериане.

Звездный свет придал их гладким, светлым волосам белый оттенок. Морган увидел яркие отблески на длинных винтовках и на тяжелых бутылях, которые они несли.

Затем веревка в его руках опять яростно дернулась, и он остался висеть на одной руке, раскачиваясь в воздухе и тупо смотря вниз. Что происходило? Почему дергается веревка?

Тут Морган увидел двоих светловолосых людей, схвативших свисающие концы лестницы. Увидел, как они снова рванули за нее.

Они пытались сбросить его вниз.

Морган покачал головой в инстинктивном, но тщетном усилии прогнать туман из головы. По крайней мере, прояснилось хоть что-то. Шайнин Вэлли не потерял ни секунды. В самом разгаре катастрофы, он со своими людьми забрал сокровище. Прежде чем Энцибель сможет встать на ноги после этого сокрушающего удара, банда венериан успеет погрузить *сейф* на корабль и покинуть Локи. Все было рассчитано с идеальной точностью. Теперь им осталось решить только одну малозначительную проблему...

По лестнице снова прошла волна, и ступенька, на которой стоял Морган, вылетела у него из-под ног. Он повис на руках, беспомощно ругаясь. Они обманывали его от начала до конца. В первый раз они вынудили его за бесценок продать драгоценный груз, а сейчас, когда, казалось, они вот-вот лишат его жизни, у них опять было преимущество. Оказалось недостаточным заставить его снести полгорода и использовать, как инструмент для массового убийства – поскольку Морган знал, что под лавиной Харвестеров погибло

много людей. Теперь венериане собирались отнять у него деньги, которые он взял, и, наверное, навсегда заткнуть ему рот. С горечью он вспомнил предупреждение Варбурга. Разумеется, оно было правдой. Джейми Морган и в подметки не годился этим коварным и хитрым тварям.

Руки на веревке онемели. Он раскачивался, словно в тумане. И не мог выхватить пистолет, потому что держаться приходилось обеими руками. Внезапно он понял, что, действительно, постарел. Цивилизация оказалась для Моргана слишком большим потрясением.

Веревка в очередной раз дернулась, и руки подвели его. В течение долгой секунды он летел по темному воздуху. Вдалеке кружились звезды: алмазный блеск Сириуса в созвездии Ракеты и созвездие Бизона, хорошо различимое в белом огне бесконечности.

Земля была в добрых шести метрах. Падение получилось жестким.

Разумеется, Морган умел падать. Ему приходилось переживать и не такое, вскакивая потом, как ни в чем не бывало. Он был обязан научиться этому. Но в этот раз он лишился присутствия духа и пролежал в таком состоянии неизвестно сколько времени.

Грубые руки перевернули его, обшарили карманы. Он почувствовал, как из его кобуры вытащили пистолет, и услышал шелест вытащенных банкнот.

– Он мертв? – спросил кто-то свистящей иноземной речью, которую Морган понимал лишь частично

– Нет! – услышал он собственный голос, резкий и хриплый.

Каждое движение причиняло боль, но он все-таки сел. В голове еще отзывался грохот, и взлетное поле закружилось перед его глазами. Он посмотрел на кольцо безразличных лиц. За ними протекала бурная деятельность, прервавшаяся лишь на секунду. Морган узнал одного человека.

Ему улыбался Шайнин Вэлли, бледный, как бумага. Морган яростно посмотрел на него, полный ненависти и совершенно лишенный надежды. Никогда раньше разум и тело не подводили его одновременно. Если он не мог перехитрить оппонента, ему удавалось перебороть его. А теперь он оказался беспомощен. В отчаянии он выругался на марсианском.

– Тебя трудно убить, Джейми Морган, – сказал Шайнин Вэлли. – Тебе все время везло – до этого момента.

Морган обозвал его на певучем венерианском, с грустью сознавая, что его интонации будут такие неправильные, что фразы, наверное, станут вполне безобидными.

– Ты помог мне добиться цели, Морган, – улыбнулся Вэлли. – Я вознагражу тебя за это. В Энцибель погибли люди, и тебя повесят, если я не избавлю тебя от этой участи. – Он поднес тощую руку к воротнику пальто, где люди его расы носили тонкие, прямые металлические ножи, и коварство замысла заставило улыбнуться даже его самого. – Тебя не повесят, – пообещал он.

– В отличие от тебя! – прорычал Морган. – Патруль найдет тебя, Вэлли. Они...

– Они не сделают ничего, – уверил Вэлли. – Не успеют. – Его взгляд свернул на поспешную погрузку, продолжающуюся за кольцом, окружившим Моргана. – Благодаря тебе, – сказал он, – их руки будут связаны. Мы загрузим *сейф*, который ты помог нам вернуть, и переправим его – ты же расчистил для нас космопорт. Продажа *сейфа* обеспечит нам защиту на столько времени, на сколько мы захотим оставаться на Локи. Патруль получает приказы от властей, как какие-то наемники. Однако это не должно тебя волновать, друг мой. Теперь тебе уже вообще не о чем, переживать. – Вэлли одарил Моргана приятной, холодной улыбкой и взялся за рукоятку ножа.

– Руф Додд достанет тебя, – пообещал Морган, слыша в своем голосе гнев, граничащий с отчаянием. – Ничьи приказы не остановят *его*, когда он узнает, что...

– Ты думаешь, не остановят, Морган? – резко засмеялся Шайнин Вэлли. – Тогда подожди секунду! Возможно, захочешь сам перекинуться с Доддом парой словечек – пока еще можешь говорить.

Морган пристально посмотрел на него, не особо обращая внимания на то, что говорил венерианин. Это ничего не меняло. Он безнадежно обдумывал, как можно убить Вэлли. И у Моргана родился неясный и весьма сомнительный план. В последний момент перед тем, как Вэлли достанет нож, Морган собирался броситься ему в ноги и повалить на землю.

Ноги, может, уже не держали его, а руки все еще дрожали после долгой и напряженной поездки на быке, но даже при совсем небольшой удаче, Морган, вероятно, сумеет попортить гладкое лицо Вэлли прежде, чем тот убьет его. Он с удовольствием вспомнил о технике выдавливания глаз, и большой палец на его правой руке, внезапно, согнулся в пыли малозаметным движением, которое имело значение лишь для самого Моргана. В ожидании возможности хоть как-то расквитаться, он коварно ухмылялся, когда крик Вэлли вывел его из транса.

– Майор Додд! – позвал венерианин. – Майор Додд, подойдите сюда!

Морган замер на пыльной земле, не смея повернуть головой. Он вспомнил, как солдаты разбежались в разные стороны перед стадом Харвестеров, и понял, что Руф Додд вряд ли далеко убежал... На секунду он ослаб от облегчения, но затем понял, что нет никакой разницы — умереть от ножа Вэлли или от веревки Додда. Фактически, он был виновен, и не мог представить суду ни единого доказательства своей непричастности. У Руфа не будет выбора. Но, тем не менее...

Шаги заставили землю под ним чуть завибрировать. Морган не повернулся, даже когда прямо над ним раздался знакомый голос.

— Морган, — сказал Руф с формальностью и сдерживаемым гневом, — ты арестован. Лейтенант, возьмите его под стражу.

Морган спокойно смотрел на свои колени, не подняв взгляда даже когда увидел с обеих сторон ноги в коричневой форме и почувствовал, как чья-то рука схватила его за плечо.

— Минутку, майор! — в последний момент заговорил Шайнин Вэлли. — Тут не ваша юрисдикция. Отзовите своих людей. Морган принадлежит нам.

— Я арестовываю его за убийство, — твердо сказал Додд.
— Лейтенант...

— Вы превышаете полномочия, майор, — мягко оборвал Вэлли.
— Я позвал вас не для того, чтобы вы нарушили приказы. Вы же получили инструкции из штаб-квартиры, не так ли?

На секунду стало слышно дыхание Додда. Даже не глядя вверх, Морган знал, что его челюсть выпячена, а воздух со свистом выходит через ноздри.

— Да, получил, Вэлли, — после долгой паузы, ответил Додд.
— И в чем их суть?

Снова молчание.

— Что я не должен вставать между вами и гражданскими, — после еще одной долгой паузы сухо сказал Додд.

— Отлично. Я позвал вас, главным образом, для того, чтобы вы объяснили Моргану, что он заблуждается. — Вэлли улыбнулся, глянув на неподвижное лицо отвернувшегося Моргана. — Ему казалось, что вы могли... гм... стать причиной для беспокойства, если он умрет в результате вооруженного ограбления, совершенного им ранее этим днем в отношении меня. Он ошибался, не так ли, майор? Вам же нельзя вмешиваться, да? — На долгое время наступила мертвая тишина. — Вам нельзя вмешиваться, — повторил Вэлли, — в то, что происходит между мной и гражданскими лицами, не так ли, Додд? Вы получили такой приказ? А вы никогда не нарушаете приказы, да, майор?

Тишина. Додд не отвечал. Морган, так и не подняв головы, первым прервал тишину.

— Забудь, Руф, — сказал он. — Ты ничего не можешь сделать. Я сам виноват. Но ведь ты знаешь, что они подставили меня с бегством Харвестеров. Я никогда не собирался вести их через город. Ты же слышал, как их подгоняли «крикунами»? Вот что...

— Ладно, Морган. — Голос Вэлли внезапно похолодел. — Мне некогда тратить на вас время. Майор, вы можете идти. Это касается только меня и гражданского населения. Вы получили приказ.

Он неуверенно поднес руку к ножу. Морган напрягся и уперся ладонью в землю, чтобы оттолкнуться. Его большой палец описал в пыли небольшой круг, вспоминая верное движение.

— Уходи, Руф, — не поднимая головы, сказал он. — Уходи... мерзавец!

— Тише, Морган, — сказал Шайнин Вэлли. — Теперь я отдаю приказы на Локи. Додд, забирайте своих людей и уходите. — Он улыбнулся. — Можете начать готовиться к тому, чтобы покинуть планету, — добавил он. — Вы получите приказ из штаб-квартиры, как только корабль доберется до нее. Деньги, направленные в нужные места, бывают очень убедительны, а эта партия направляется в самое нужное место. Тем временем, вы можете начать привыкать исполнять мои приказы. Уходите, Додд. Прочь с моих глаз.

Руфус Додд все еще молчал и не шевелился. До Моргана внезапно дошло, что это очень странно. На Руфа Додда это совсем не походило. Неужели он что-то задумал? Морган с трудом поборол себя, чтобы не повернуться и не посмотреть, впрочем, у него не было желания встретиться с Руфом взглядами. Он не забыл, что, при их последнем разговоре, ударил его ногой по лицу, и теперь имел все основания прятать глаза. Руф вряд ли отнесся к такому поступку со всей добротой.

Но что-то в неподвижности и молчании Руфа предостерегло Моргана от поворота головы. У него было странное чувство, что Руф прислушивался к чему-то, что он сам не слышал. Это казалось маловероятным, но Морган рассыпал какий-то приказ, и ему стало интересно, нет ли у Руфа какого-нибудь плана, осуществлению которого мешать не стоит. Когда знаешь человека так долго, как Морган знал Руфа Додда, часто попадая в такие же щекотливые ситуации, как эта, начинаешь улавливать вибрации беззвучных приказов, витающих в воздухе. Морган неподвижно сидел, готовый к чему угодно.

Мутные глаза Вэлли посмотрели на Додда. Потом венерианин пожал плечами.

— Оставайтесь, если хотите, — сказал он. — Я просто хотел избавить вас от этого зрелища. Желание вмешаться может быть очень сильным, майор, но вы в меньшинстве, даже если бы безрассудно решили нарушить приказ. Но можете смотреть, если вам так хочется. Морган... — Взгляд Вэлли опустился. — Скалла! — сказал он.

Его рука метнулась вверх по дуге, в ней появилось лезвие, сверкающее красным. Морган приготовился к броску, переложил свой вес на одно колено, рассчитал момент и...

Тонкий, пронзительный вопль разрезал темноту, и поднятая рука Вэлли судорожно отдернулась. Тощие пальцы растопырились, и сверкающий красным нож упал на землю. В центре поднятого запястья, точно по мановению волшебной палочки, появилось круглое алое пятно, размером с четвертак.

Никто не шевелился. Никто даже не дышал.

Вэлли медленно повернул голову, чтобы с ужасом посмотреть на собственную руку. Только сейчас кровь начала толчками выходить из пронзенного запястья. Первый взгляд разрушил чары, и все растворилось в резких, рваных движениях, большинство из которых не имело смысла.

Вэлли вытянул кровоточащую руку вперед и сжал ее здоровой, а его лицо стало серым, словно вся краска покинула его. Он забормотал что-то неразборчивое на венерианском, обращаясь к своим людям. Поднялась невообразимая суматоха, неразбериха, из которой донесся спокойный голос майора Додда. Он не сдвинулся ни на сантиметр.

— Они идут, Вэлли, — впервые за последние несколько минут открыл рот, тихо сказал он. — По холму. Прислушайся. Я слышу их уже пять минут. Если посмотришь туда, то поймешь, о чем я говорю.

Все одновременно повернулись, словно были чем-то жестко соединены. Бровка холма между городом и космопортом внезапно засветилась короной мигающих огней. Прямо на глазах, огни начали спускаться, слились воедино и растекающейся рекой неровно двинулись со скоростью пешего человека.

Факелы ярко освещали белых от пыли людей, жителей разрушенного Энцибеля с разгневанными, сосредоточенными лицами.

Шайнин Вэлли оценил ситуацию быстрым, удивленным взглядом. Он выкрикнул приказы звонким, ритмичным голосом, и венериане ускорили и без того торопливую погрузку корабля. Последние бутыли с *сифтом* быстро занесли по лестнице, и рабочие начали осторожно обступать корабль, снимая винтовки с плеч.

В темноте снова раздался пронзительный крик, сразу за радиусом действия фонарей космопорта, и один из венериан, стоявших под кораблем, закружился и грохнулся на свою винтовку.

– Со следующим, кто пошевелится, случится то же самое! – доносялся голос из темноты. Мы не шутим.

– Джо! Джо Варбург, – тихонько прошептал Морган.

Он узнал эту стрельбу так же, как и голос.

Сливающаяся река огней потекла со склона быстрее. Теперь можно было увидеть отдельные лица и пыльную, помятую одежду толпы. Не все из них были хорошо вооружены. Кто-то держал в руках «крикуны», некоторые – старомодные огнестрельные винтовки, а у других было древнее оружие, используемое всеми фермерами в мире, когда приходилось с кем-то сражаться. Морган увидел блеск вил, там и тут свет падал на лезвия древних, старомодных кос, ужасного оружия во времена битв на Флоддене и Пуатье, с тех пор так и не ставшее более цивилизованным.

Морган узнал некоторые лица. Молодой поселенец, с которым он поссорился в магазине Варбурга, шагал в первом ряду, его ультразвуковой пистолет болтался в мощной руке, а простое ганимэдианское лицо светилось от гнева в свете фонарей. Рядом с ним шел седовласый фермер с вилами в руках, с другой стороны от него металли красные отблески очки священника. Ладони священника были натерты канатом церковного колокола, на плече он нес моток плетеной веревки.

Когда они дошли до источника пронзительного вопля, из темноты послышался голос, и на свету появилась знакомая фигура. Варбург вышел вместе со священником, его большая рука легко держала «крикун», установленный на максимальную мощность.

Шайнин Вэлли очень быстро что-то сказал своим людям тихим, невнятным голосом. Приспешники положили на землю то, что держали в руках, и затем медленно выпрямились, глядя на приближающуюся толпу. Сзади, в тени кораблей, некоторые из них припали к земле, подняв оружие и бесшумно отступая в укрытия.

– Поговорите с ними, майор, – сказал Вэлли, сжимая раненое запястье, но кровь все равно продолжала с тихими шлепками капать в пыль. – Скажите им, что стадо привел Морган. Вы видели, что он ехал на быке. Поговорите с ними – быстрее!

Руф Додд засмеялся резким, злобным смехом.

– Мне нельзя вмешиваться, – сказал Додд, – в то, что происходит между вами и гражданскими лицами на Локи. Такой я получил приказ, Вэлли!

Шайнин Вэлли повернулся прямо к толпе.

— Стойте, где стоите! — прокричал он. — Мои люди размещены вокруг вас под кораблями. Не двигайтесь, и больше никто не пострадает. Только задумайте что-нибудь и...

— Без толку, Вэлли, — возразил Варбург. — Погибло десять человек, из них две женщины. Наши парни не в настроении торговаться. Мы знаем, что произошло. Видели, кто все затеял. Теперь готовьтесь все закончить!

— Я доложу руководству Космического Патруля! — завопил Шайнин Вэлли. — Мы не имеем отношения к бегству быков! Это самоуправство!

— Мы мстители, — объяснил молодой поселенец с ультразвуковым пистолетом. — Патруль тут не причем. Не вмешивайтесь, майор, если не хотите, чтобы ваши люди тоже пострадали. Мы вздернем этих убийц, и не потерпим никакого вмешательства. — Его красные щеки побагровели, а простое ганимедианское лицо напряглось, когда его глаза встретили глаза Моргана, сидящего на земле. — Мы начнем, — сказал поселенец твердым голосом, — с того, кто вел стадо. Встаньте, мистер! Сегодня вечером вы растоптали десятерых. Если закону нет до вас дела, то мстителям есть!

Морган медленно встал на негнувшиеся ноги, не сказал ни слова, но встретился взглядом с Варбургом и задал немой вопрос. Варбург мрачно покачал седой головой.

— Мы все тебя видели, Джейми, — сказал он. — Мы знаем, как все случилось. Ты сделал это не один — но ты привел стадо. Погибло десять человек. Посевы уничтожены. В Энцибель нет человека, чья жизнь не уничтожена вместе с ними. В эти поля был вложен год работы и куча денег, Джейми. Повезло тем, кто умер — во всяком случае, так нам кажется сейчас. Мертвых к жизни мы не вернем, но, по крайней мере, отправим к ним тех, кто их убил. Ты оказался в плохой компании, Джейми. — Запыленное лицо Варбурга помрачнело еще сильнее. — Я не стал бы ничего делать, чтобы остановить этих парней, — сказал он, — даже если бы мог.

Морган коротко кивнул.

— Я могу понять тебя, Джо, — сказал он. — Ладно, парни. Давайте начинать.

Он шагнул вперед. Молодой поселенец взял веревку, которую держал священник и широкими шагами зашагал к Моргану. Морган напряг мышцы, но не был уверен, что делать дальше.

Именно тогда раздались первые выстрелы из тени кораблей, где прятались люди Вэлли. Краснощекий ганимедианин замер, не за-

кончив шаг, выронил пистолет, развернулся на сто восемьдесят градусов и растерянно схватился за грудь обеими руками.

Из толпы выскоцил юноша. Это был помощник Варбурга с марсианским загаром, Тим. Он подхватил упавший пистолет, бросился на землю, со знанием дела держа оружие, и приготовился к удару при падении. Пистолет начал выплевывать сгустки фиолетового огня в сторону кораблей через три секунды после того, как Тим оказался на земле.

Потом началась суматоха.

Разумеется, итог мог быть лишь один. Венериане в несколько раз превосходили числом. Морган не принимал особого участия. Причиной этому был оглушающий ожог на боку головы, который нанесла ему одна из сторон конфликта, прежде чем он благоразумно упал в пыль через долю секунды после Тима.

Морган свернулся тугим калачиком, пытаясь спрятаться от схватки вокруг него, несмотря на звон в голове, осознавая, что возможности выжить у него нет, вне зависимости от того, кто победит. Он слишком устал, чтобы бежать, и был слишком ошеломленным, чтобы сражаться.

Он сильно постарел.

Морган сумел расслышать в грохоте выстрелов и криках раненых голос Руфа Додда, заявляющего, что Джейми Морган его заключенный. Но Руф ушел недалеко. Поселенцы только сейчас обратили внимание на Патруль. Приказы Руфа сталитише и вскоре совсем прекратились.

После этого кто-то пнул Моргана по голове, он увидел вспышку искр вдоль Парадиз-стрит и погрузился в полную темноту.

Следующим, что помнил Морган, была вонь от истоптанной копытами земли и размолотых ими растений. Грубая, влажная почва проминалась под ним, и он слышал шум, возню и тихое, деловое ворчание чем-то занятых в ночи людей вокруг него. Казалось, его руки были связаны за спиной, и, открыв глаза, он понял, что прижал к дереву. Он поднял голову.

Дерево оказалось *селитом*, и через его листву просвечивали звезды. Головой к горизонту висело созвездие Бизона, а бело-голубой Сириус в носу Ракеты указывал на полярную звезду Локи. В их свете Морган увидел разрушенные поля к западу от Энцибель, торчащие стволы поломанных фруктовых деревьев хорошо выделялись на фоне звездного неба. Значит, народ Энцибеля оставил его умирать на месте своего преступления. Морган тихо присвистнул и сел вертикально, чтобы посмотреть, что происходит вокруг.

Ряд селитов, отмечавших дальнюю границу полей. Забавно, подумал он, что пару часов я, действительно, пытался залезть на одно из этих деревьев.

В трех метрах справа он увидел бледную фигуру, привязанную к стволу соседнего селита. В трех метра слева был еще один пленник. Каждому своя виселица, подумал Морган. Неужели справа был Шайнин Вэлли с желто-коричневой бахромой, раззывающейся на ночном ветру? Морган попытался вытянуть шею. Он решил, что это, и правда, Вэлли, но не был уверен.

На деревьях дальше мрачная работа мстителей уже завершилась. Моргану стало интересно, что Варбург на самом деле думает по этому поводу. Это не походило на Джо. Хотя он изменился. Стал на путь поселенца. *Были и худшие пути*, подумал Морган. Но такая смерть не подходила даже для убийц. Возможно, жителям городам пришлось так сделать. Трудно понять, как работают их тупые мозги. В конце концов, их вряд ли можно винить. Он рискнул и проиграл, а, когда играешь в такие игры, приходится следовать суровым правилам. Хотя умирать было еще рано.

Поселенцы продвигались мимо передней линии деревьев, постепенно приближаясь к Моргану, решительно выполняя свою работу. Кто-то перекинул через ветку веревку, и бормотание толпы стало напоминать далекие раскаты грома, когда петля упала на шею человека внизу.

Морган с отвращением наблюдал за ними.

Он чувствовал себя уставшим и, в конце концов, не совсем несчастным, теперь, когда настал момент, которого ему так часто удавалось избежать во столь многих мирах. Он тихо насвистывал самому себе и радовался, что не носит такое же длинное пальто с бахромой, как венериане. Оно нелепо разевалось, когда человек болтался под деревом с петлей на шее.

Заключенный под соседним деревом повернул голову и посмотрел Моргану в глаза.

– Скалла, – сказал Морган.

Это был Шайнин Вэлли. Морган ухмыльнулся.

Но затем отвернулся. Его не особенно заботила судьба компании, с которой он отправится в последнее путешествие. Наверное, это не имело значения. Он продолжал насвистывать себе под нос.

Что-то тихонько зашуршало в темноте за ним. Прислушиваясь, Морган напрягся. Затем к запястью прикоснулся холодный металл, и связывающая его веревка ослабла.

– Стой спокойно, дурак, – пробормотал голос Джо Варбурга.

Морган осторожно пробирался по Энцибель Ки, прячась за домами, придерживаясь самых темных теней. В городе было больше людей, чем ему казалось вначале, учитывая толпу на полях.

Ему было плохо. Голова гудела от перенесенных побоев, и он не был уверен, что действительно быстро переговорил с Варбургом в тенях деревьев, пока мстители подбирались все ближе и ближе. Казалось, это был такой сон, какой может присниться человеку после того, как его отправили в нокаут.

– Направляйся к городу, – наставлял его Варбург во сне. – Доберись до аллеи за последним салуном, ведущей к космопорту. Держись в тени. Старый дурак, ты что, правда, решил, что я дам тебя повесить?

Может быть, это произошло на самом деле. А может, и нет. Во всяком случае, вот и аллея. Морган прижался к стене, бросив быстрые взгляды в обе стороны улицы. Разрушенные здания, потрескавшаяся брускатка, огромный мертвый Харвестер, лежащий на боку, пара испуганных поселенцев, пробирающихся к центру города. Почему Морган оказался тут? Что у Джо на уме?

– Может быть, мой корабль в порту? – предположил Морган.
– Может, старина Джо заправил его? Хотелось бы, что все было именно так...

Затем он услышал топот марширующих ног и еще плотнее прижался к стене, когда мимо зашагало подразделение Патруля: коричневые ноги двигались в унисон, коричневые руки ритмично поднимались и опускались. Морган неподвижно стоял, позволив солдатам пройти в опасной близости.

Замыкали колонну двое офицеров, идущих бок о бок. Одним из них был Руф Додд.

Руф остановился сразу за выходом с аллеи. Морган видел его тень на потрескавшейся улице и слышал его твердый голос.

– Начинайте разыскивать его с восточной стороны города, – приказал он. – Рассредоточьтесь. Он сбежал лишь десять минут назад. Он не успел бы далеко уйти. Бегом!

Снова послышались шаги, на этот раз шаги бегущих людей.

– Чего вы ждете, лейтенант? – уже потише спросил Додд.
– Ваших приказов, сэр. Вы сказали... взять его живым? – Этот голос был растерянным.

– Все верно. Мне нужен Морган. Его ждет правосудие.
– Но он опасен, майор. Ощущал вкус крови. Стоит ли мне рисковать людьми без особой необходимости?
– Вы оспариваете мой приказ, лейтенант?

Наступило молчание. Тень Додда на улице вытащила тень сигары, лениво ее зажгла и выдохнула облако дыма в сторону звезд. Морган учゅял запах табака, выращенного на Марсе. Он не видел второго человека. Он испугался, что его сердце стучит на всю улицу. Когда Додд заговорил, голос его был спокоен.

— Джейми Морган больше никого сегодня не убьет, — заверил он.
— Дело не в том, что он ощущает вкус крови. А совсем в другом. Морган оказался слишком близко к цивилизации, и она запачкала его. Но эта грязь смоется. Может быть, он выучил урок, который должен был получить рано или поздно.

Опять молчание.

— Сэр...

Додд не обратил внимания.

— Да, — продолжал он, — когда человек молод, то находится в постоянном движении. Он не задерживается подолгу в одном мире. Но у него появляются привычки, и они замедляют его. Однажды он понимает, что не готов улететь, когда приходит время. Но он не может повлиять на приход цивилизации, хорошо это или плохо. Что человек может сделать? Планета становится цивилизованной, как только ее открывают, уже ничто не может изменить это. Итак, людей, как Морган засасывает еще до того, как они понимают это. Им приходится следовать правилам цивилизации, даже когда кажется, что они сражаются с ними. Нельзя оставаться непричастным. Морган не понимал этого. — Додд выдохнул ароматный клуб дыма. — Локи больше не принадлежит Моргану. Теперь планета в руках поселенцев. Но на небе полно звезд, лейтенант. Слышали о последней открытой планете, Ровоам IV?

— Это уже другое, сэр. Мы не охраняем этот грузовой корабль. Если Морган узнает об этом... если спрячется там...

— Он не знает, что «Нинква» взлетает на рассвете, — произнося слова с максимальной отчетливостью, ответил Додд. — Он даже не знает, что я отменил приказ об охране этого корабля. На борту «Нинква» охрана не нужна. Человек следует своим привычкам. Морган направится в леса. — Майор усмехнулся. — Морган слишком стар, чтобы меняться, — сказал он с насмешкой в голосе, звучащей, как вызов. — Он забыл, что есть и другие миры. И не помнит косоглазого гиганта.

— Сэр?

— Забудьте, лейтенант. Выдвигайтесь. Догоняйте своих людей, пока не потеряли их из виду.

— Да, сэр, — без особой уверенности ответил голос лейтенанта.

— Идемте, — велел голос Додда, и две пары ног застучали по улице. — Знаете, всегда будут существовать миры, которые нужно открыть, и всегда будут находиться такие, как Морган, чтобы сделать это. — Донесся голос Додда, четкий и задумчивый. — Всегда были. И всегда будут. Один из древних поэтов написал о Джейми. Он сказал, что такой человек всегда будет знать, что... — Голос майора оборвался, затем прокричал в темноту. — *Что-то кроется за горизонтом... кроется и ожидает тебя... Иди.*

Топот тяжелых ботинок загремел по темной улице, стал тише, затем слился с остальными звуками ночи.

Морган стоял, не шевелясь, пока не стих далекий ритмичный стук шагов. Затем высунул голову из-за угла и посмотрел на запад, в сторону космопорта. Он увидел пять высоких кораблей и мерцающее небо за ними.

Его так и не оставила печаль, но, в целом, настроение поднялось, и он забыл о том, что стареет. Ненадолго присев на корточки, Морган коснулся земли. *Прощай, Локи*, подумал он. *Прощай навсегда, мир.*

Затем он свернулся в темноту и бесшумно побежал на запад, к возывающимся кораблям и бесконечным просторам Парадиз-стрит.

Paradise street, (Astounding, 1950 № 9), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

15¢

APRIL

Strange STORIES

15¢

13 COMPLETE
STORIES IN
THIS ISSUE!

FEATURE

CURSED BE
THE CITY

A Complete Novelet of
Inhuman Bondage

By HENRY
KUTTNER

A THRILLING
PUBLICATION

STRANGE STORIES

APRIL 1939

AUGUST W. DERLETH · FRANK B. LONG, JR. · RALPH MILNE FARLEY
MARK SCHORER · ROBERT BLOCH · C. L. MOORE · TALLY MASON
DAVID H. KELLER · KEITH HAMMOND · AMELIA REYNOLDS LONG

ЧУДО В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

— У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ, ЭЙБ! Это так же близко к жизни, как кино! Я сделал это! — в черных глазах Блэра О'Бирна светилось торжество.

Эйб Сильверс, худощавый, загорелый, с утомленным взглядом, перебросил сигару в другой уголок рта и шагнул в дверной проем, резко отделявший блестящий солнечный свет Калифорнии снаружи от длинной, затененной студии О'Бирна.

— Надеюсь, вы правы, — сказал он, покусывая сигару. — Я слишком долго ждал этого. Видит Бог, вы угрожали на это массу времени и громадную кучу денег. Зачем вы вообще занимаетесь этим, Блэр? Человек с вашими деньгами и вашим положением в обществе прячется здесь, в темноте, и работает в поте лица дни и ночи...

— Я вовсе не отгораживаюсь от жизни... Я в самой ее гуще! — Бледное, худощавое лицо О'Бирна расплылось в довольной улыбке.

— Это и есть сама жизнь, я нащупывал ее все эти годы и, наконец, нашел, Эйб! У меня получилось!

— Ну, да, получилась иллюзия. Немного лучше, чем «Метро-космик» снимал последние годы. Если он столь же хорош, как вы говорите, вы купим его... но что это?

О'Бирн повернулся к нему со сверкающими, затуманенными мечтой глазами.

— Говорю же вам, это жизнь! Это почти как тени, которые могут быть... ну, возможно, даже слишком близко. «Кинофильмы»! Нужно придумать какое-то новое название для того, что я создал. Это не набор картинок — это живая действительность. Я работал над ней, пока все иное, казалось, перестало иметь значение, перестало казаться реальным! У меня получилось, Эйб! Это сама жизнь!

ЭЙБ СИЛЬВЕРС снова перебросил сигару в другой уголок рта, и, если глаза его все понимали, то в голосе звучало лишь усталое терпение. Он уже слышал подобные слова от множества отчаянно искренних изобретателей. То, что он знал О'Бирна уже много лет, не меняло его заученное отношение к подобным вещам.

— Ладно, — пробормотал он. — Показывайте. Где тут проекционная, Блэр?

— Вон там, — О'Бирн махнул худой, дрожащей рукой в центр большой студии, где под батареей высоко подвешенных ламп, с помоста высотой по талию рослого человека поднимался U-образный

*Photography and Sound Recording Are Bound by a
Man-made Limit—and Beyond that Lies Madness!*

The illusion was marvelous

Miracle in Three Dimensions

By C. L. MOORE

Author of "Tryst in Time," "Greater than Gods," etc.

стержень из тусклого серебра. Позади нее у стены высилась большая, прямоугольная конструкция из стекла и хрома, на поверхности которой смутно виднелись отражения ламп. Сильверс фыркнул.

— Вот это? Эта штука больше смахивает на радиоприемник. А где экран, сидения и...

— Говорю же вам, это нечто совершенно новое, Эйб! Вам придется избавиться от всех устоявшихся представлений. С этой минуты все, что вы видели прежде, безнадежно устарело. Кинофильмы так же

мертвы, как волшебный фонарь. Это нечто совершенно иное! Эти лампы и «радио», как вы его назвали, помост и панель – все это для одного, отдельно взятого зрителя.

– Но что же это такое? Вы можете объяснить получше?

– Сейчас я ничего вам не буду объяснять, – нетерпеливо выпалил О’Бирн. – С одной стороны, вы мне все равно не поверите, пока не увидите сами. С другой, потребуются недели, чтобы растолковать вам теорию в такой степени, чтобы вы поняли принципы действия. Эта штука слишком сложна для кого угодно, чтобы объяснить все на словах. Я не могу дать вам даже метафорические объяснения. Скажу лишь одно: вы еще никогда такого не видели. Ну, может быть, это все равно некая проекция иллюзии жизни на трехмерном экране, созданном смутным освещением. Изобретатели в наше время уже начали возиться с принципами трехмерных фильмов, спроектированных на плоский экран, так, что у нас возникает иллюзия глубины. Все это пока что у них очень неуклюже. Я же подошел к этой проблеме с другой точки зрения. Мой экран трехмерный, свет окутывает вас, когда включаются вон те батареи ламп. И вы оказываетесь посреди экрана, все проектируется лучами вокруг вас со сдвоенных пленок, поставленных по стереоскопическому принципу. Чуть позже я покажу вам все. А вот через тот стержень, за который вам придется держаться, пропущен ток, слабый, но вполне достаточный, чтобы выборочно стимулировать ваши нервы, которые передают мозгу ощущения осязания. Вы будете трогать все, все видеть и слышать. Вы будете ощущать запахи. При случае, вы даже сможете попробовать что-нибудь на вкус – все это вы испытаете. Только не увлекайтесь, потому что вы, как зритель, не участвуете в действии. Вы просто будете свидетелем в непосредственной близости, куда большей, чем могла мечтать любая аудитория. А теперь поднимайтесь на помост и беритесь за этот изогнутый стержень. Вот так. Держитесь крепче и ничему не удивляйтесь. Помните, что вы еще никогда не видели подобного. Готовы?

Батареи ламп яростно засияли, совершенно ослепив Сильверса. Перед его глазами возник туман, в котором он не мог различить даже собственные руки, уцепившиеся за стержень. Все вокруг было так, словно свет отражался от бесчисленных пылинок, паривших в воздухе, и, из-за преломления лучей от столь крошечных поверхностей, было видно лишь сверкание со всех сторон. Сильверс крепко скжимал стержень и ждал.

И в этом сверкающем тумане раздался вдруг голос, такой громкий, словно говорил в огромном помещении и чуть ли не эхом про-

катывался в нем, звучал сразу со всех сторон, заполняя собой туман, в котором Сильверс стоял, потерянный.

— Сейчас вы попадете в зачарованный лес возле Афин ночью, в разгар лета, чтобы увидеть то, что увидел во сне Шекспир более трехсот лет назад, — сообщил этот мягкий, глубокий голос. — Титанию, королеву эльфов, играет Энн Актон, а короля Оберона — Филип Грэйвс...

Эйб Сильверс в изумлении стиснул стержень. Энн Актон и Филип Грэйвс работали по контракту с принадлежавшим ему самому «Метро-космиком», и каждое из других имен, продолжавших звать в тумане, являлось звездой первой величины. Самые великие актеры современности играли в этом невероятном фрагменте «Сна в летнюю ночь». Сильверс даже задрожал, подумав о том, каких денег все это стоило О'Бирну.

Бархатный голос умолк. Туман стал проясняться. Руки Сильверса сильнее сжались на стержне, пока он скептически глядел на темно-синюю поляну возникшего словно из ниоткуда леса, ясную в серебристом свете висевшей высоко в небе луны. В листве зашелестел ветерок, овеяя прохладой ему лицо. И хотя ни один волосок у него на голове не шевельнулся, он сразу поверил в этот шепчущий в лунном свете бриз.

Потом Сильвер глянул вниз. Сам он был невидим, словно бесстелесен, но стоял не на деревянном полу, а среди цветущего луга, чьи травы еле заметно доносили свой аромат. Не было ни мерцания, ни слоистых теней и света на этом невероятном трехметровом экране, окружавшем его со всех сторон. Поляна простиралась гораздо дальше, чем могли бы позволить стены студии, а иллюзия бездонного звездного неба над головой была совершенна, цветы же среди травы выглядели такими реальными, что у Сильверса даже мелькнула мысль опуститься на колени и нарвать букетик.

Но тут скопившийся под деревьями туман распахнулся, как занавес, и на залитую лунным светом поляну вышла королева фей. Никогда еще Эн Актон не была так прекрасна. Длинная завеса серебристо-белых волос струилась за ее спиной, как паутина, и все темные округлости были наполнены жизнью. Одновременно над ней парила какая-то аура нереальности, смешивающая воедино фантазию и действительность, когда она летела над нетронутой травой, и яркие крыльшки трепетали у нее за плечами.

ЗАТЕМ ПОСЛЫШАЛИСЬ серебряные звуки горнов эльфов, и в лунный свет шагнул Оберон с заостренным, потемневшим от гнева лицом. Знаменитый низкий голос Филипа Грейвса пронесся

по лунной поляне. Титания ответила ему серебристым, но вызывающим голоском.

Затем в лесу раздалась живая человеческая речь, и на поляну выехала Фиби Темплетон в роли Гермии в атласных одеждах, проехав на лошади так близко от Сильверса, что он уловил аромат ее духов и почувствовал легкое прикосновение атласных юбок. И он практически знал, что мог бы протянуть руку и остановить ее, такая она была настоящая и теплая вблизи. Ее прекрасный, чуть хрипловатый голос стал звать Лизандра.

А затем лес стремительно поплыл мимо лица Сильверса, и у него возникла иллюзия полета, он летел, словно во сне, по зачарованной лесной тропинке, в темноте, под дрожащим светом звезд, и увидел бегущую в чаще Елену, которая, спотыкаясь и рыдая, выкрикивала имя Деметрия.

Она пробежала мимо и исчезла. А Сильверс невольно вздрогнул от дикого, почти что нечеловеческого хохота Пака, и ветерок обдул его разгоряченное лицо, когда маленький эльф стремглав промчался мимо.

Сцена затуманилась, словно туман поднялся вверх, к луне. Сильверс невольно замигал, а когда снова поднял глаза, Титания изящно лежала и дремала на украшенном блестками росы речном берегу пруда, где рос чабрец.

Затем в этом волшебном лесу внезапно раздался резкий звонок. Он звонил настойчиво, с металлическим оттенком и в высшей степени неуместно. Сильверс завертел головой, пытаясь среди мерцания росы увидеть источник этого раздражающего звука. И тут лес возле Афин растаял, как дым. Сильверс ошаращенно уставился вперед, стоя посреди большой, пустой студии. Это было как пробуждение от сна, такого яркого, что сама действительность казалась бледной и неуместной при воспоминании об этом сне.

— Вам звонят из студии, Эйб, — раздался голос О'Бирна. — Эй, очнитесь! Вы разве не слышали звонок?

СИЛЬВЕРС ВСТРЯХНУЛСЯ и смущенно рассмеялся.

— Я все еще возле Афин, — моргая глазами, признался он. — Это же... просто превосходит все, что я когда-либо видел... Вы сказали, из студии? Где телефон?

В трубке послышался взволнованный голос.

— Очень не хотелось беспокоить вас, шеф, но мне кажется, вы должны знать. Энн Актон уже полчаса бормочет что-то невразумительное. Врач ничего не может с ней сделать. А Филип Грейвс упал

в обморок прямо на съемках и с тех пор что-то шепчет себе под нос... кажется, какие-то стихи.

Сильверс откашлялся.

— Н-не позволяйте газетчикам пронюхать об этом. Я скоро буду.

Он бросил трубку на рычаги и повернулся к О'Бирну.

— Что-то случилось с нашими актерами, которых вы умыкнули, — рявкнул он. — Я вернусь, как только смогу. Но послушайте, Блэр, это у вас нечто! Сколько вам потребуется времени, чтобы построить еще несколько таких помостов. Ну, скажем, десяток для начала. Я бы хотел, чтобы наше правление увидело все это как можно скорее. Это будет самой грандиозной революцией, когда-либо произошедшей в киноиндустрии. Когда вы закончите что-то, что можно будет показать правлению?

— Я... Я даже не знаю, Эйб. Честно говоря... я немножко боюсь.

— Боитесь? Великий Боже, о чём вы?

— Точно не знаю, но... у вас не возникало такое чувство, пока вы смотрели отрывок, что он как-то слишком уж... ну, слишком живой, что ли?

— Блэр, мне кажется, вы немного переработали. Позвольте с этого момента взяться за дело мне, ладно? И перестаньте об этом думать. А сейчас я должен вернуться в свою студию и узнать, что там случилось с актерами — вероятно, очередные перепады настроения, — но сегодня вечером я хочу увидеть вас и окончательно оговорить сроки демонстрации. А пока что вы больше никого не станете посвящать во все это, верно?

— Вы же знаете, что не стану, Эйб. Это все будет вашим, если захотите.

По дороге в студии мысли Сильверса все время возвращались к тому, что он увидел. Он сообщил изобретателю, как впечатлен пробой и как стремится заполучить себе эту новинку, лишь потому, что хорошо знал О'Бирна. Тот сам был богат и совершенно равнодушен к мирской славе, он лишь хотел завершить свое чудо, над которым работал уже много лет. Чудо в трех измерениях! То, что он только что видел, было похоже на сон, но за этим лежала перспектива такого состояния, на какое еще не мог рассчитывать ни один киномагнат в мире. Владеть этим чудом означало владеть всем миром. Сильверс стиснул в зубах сигару и принял обдумывать открывающиеся перед ним блестящие перспективы.

Энн Актон лежала на низкой кушетке в своей гримерной и каким-то пафосным взглядом глядела на доктора, когда в гримерную вошел Сильверс. Разумеется, это было не логично, но он был по-

трясен, увидев ее здесь, тогда как совсем недавно оставил ее в зачарованном лесу возле Афин, спящую на заросшем чабрецом берегу.

— Как вы, Энн? — с тревогой спросил он, поскольку она обошлась компаний в невероятную сумму, и заболел она сейчас, посреди съемок нового фильма, грянет катастрофа. — С ней будет все в порядке, док? Когда это случилось?

— Как раз перед тем, как позвонили вам, Эйб, — слабым, жалким голосом сказала Энн, тревожно вертя головой, так что длинная волна серебристо-белых волос скользила по парче. — Это... это было так странно. Я внезапно чувствовала ужасную усталость, из меня словно высосали все силы. Наверное, я потеряла сознание, хотя... на самом деле сознания я не теряла. Это, скорее, походило на странный сон... я уж не помню теперь подробностей — какой-то лес... и музыка. Внезапно все кончилось, и я открыла глаза. Теперь со мной все в порядке, я только чувствую себя слабой, как новорожденный котенок. Вот посмотрите, — и она протянула изящную руку, чтобы показать, как та дрожит.

— В чем дело, док? — с тревогой спросил Сильверс врача.

— Гм-м... возможно, сверхурочная работа, полный упадок сил... трудно сказать что-то определенное без дальнейших исследований...

— Но с ней все будет в порядке?

— Не вижу оснований для обратного, учитывая отдых и надлежащий уход.

— Я пошлю за вашей машиной, Энн, — властно распорядился Сильверс. — Поезжайте домой и выспитесь. До скорого!

Филипп Грейвс в украшенном оплетками наряде кабальеро из нового фильма лежал на своей кушетке и держал в дрожащих пальцах сигарету, когда Сильвер протиснулся через группу окружавших его работников.

— Вам уже лучше, Фил? — спросил он. — Что с вами было?

— Ничего... ничего, — нетерпеливо ответил актер. — Со мной уже все хорошо. Просто на несколько минут потерял сознание. Но я буду в полном порядке.

Эйб Сильверс, не теряя времени, созвал собрание правления. Двенадцать членов правления «Метро-космик» уже ночью стояли парами и тройками, недоверчиво переговариваясь, в затененной студии О'Бирна, как только там был установлен первый десяток помостов. Сильверс никому не посмел описать заранее это чудо современной техники.

— Это не походит ни на что, что вы видели когда-либо прежде, — смущенно предупредил он их, когда члены правления стали под-

ниматься на помосты. Когда все заняли свои места, Сильверс подал сигнал О'Бирну, что можно начинать, и еще раз глянул вокруг, прежде чем засияли лампы. Члены правления пристально поглядели на него в ответ, что-то бормоча и даже высказав парочку протестов.

— Самое подходящее слово для этого «глупый», — сказал один из правления. — Глупо стоять здесь и пялиться в пустоту. Я уж не говорю о том, что тут нет даже экрана? Куда же мы должны смотреть?

А затем, когда стена сверкающего света отрезала его от коллег, Сильверс остался один, стоя посреди сверкающего со всеми сторонами тумана. Откуда-то доносились пораженные восклицания и возгласы, которые замерли, когда Сильверс во второй раз услышал бархатный голос диктора, раздавшийся как бы со всех сторон одновременно.

— *Сейчас вы попадете в зачарованный лес возле Афин ночью, в разгар лета, чтобы увидеть то, что увидел во сне Шекспир более трехсот лет назад...*

Почему-то, пока продолжалась пьеса, Эйб Сильверс начал вдруг думать о силе ссоры между Титанией и Обероном, которая почти осязаемым пламенем пылала в чистом ночном воздухе. Ссорились ли они в прошлый раз столь же отчаянно. Была ли их...

Дикий хохот и прыжок Пака через его плечо стер его полусформировавшиеся мысли, и тут в лесу пронзительно зазвенел телефонный звонок. Секунду Сильверс пребывал в каком-то подвешенном состоянии. Он прекрасно помнил, что в прошлый раз звонок не звонил до того, пока Титания не легла спать на берегу, где густо рос чабрец. Но лес вдруг исчез. Сильверс ошеломленно уставился в студию, столь внезапно выросшую вместо знаменитой поляны волшебной страны, и увидел замерших в изумлении, ошеломленных людей.

— Вас к телефону, Эйб, — голос О'Бирна окончательно рассеял туман грез, все еще окутывавший его.

Сильверс смущенно усмехнулся и спустился с помоста.

— Шеф, шеф! — забормотал из трубки чей-то голос, пронзительный, перекрывающий возрастающий позади Сильверса гул голосов. — Энн Актон лежит без чувств в Гроуве!

— Она что, пьяна?

— Не думаю... но так наверняка напишут в газетах! Она... секундочку... О, она приходит в себя! Так что нам делать?

— Отвезите ее домой, — вздохнул Сильверс. — Я немедленно займусь газетами. Ну, что за жизнь пошла!

ОН ПОВЕРНУЛСЯ к О'Бирну и пожал плечами.

— Актон снова падала в обморок, — сердито пробормотал он. — Ну, ладно, но если она опять скучится посреди «Только не завтра», мы лишимся последних рубашек. Я поеду сейчас за врачом...

— Эйб, — прервал его О'Бирн так тихо, что Сильверс, уже собиравшийся уйти, удивленно повернулся к нему. — Эйб, вы понимаете, что Энн Актон падает в обморок каждый раз, как мы начинаем показывать эту пьесу? Интересно, как обстоит дело с другими актерами?

— Что вы имеете в виду? Почему они?.. Блэр, не сходите с ума!

Голос Сильверса звучал уверенно, хотя у него в голове прозвенел звоночек тревоги. Филип Грейвс, который играл Оберона, тоже терял сознание в прошлый раз. И... да, разве он не заметил газетную заметку в рубрике светской хроники, что Фиби Темплтон упала в обморок во время чаепития в Нью-Йорке? Было ли это в тот же день? Скорее всего, да, с ужасом подумал Сильверс. Конечно, все это было лишь скандальной сенсацией, но теперь он должен приложить все силы, чтобы уберечь Актон от газет. Она никогда не искала любви репортеров, и Сильверс понимал, что они постараются максимально раздуть эту историю. Они... Опять зазвонил телефон.

— Только что пришла телеграмма от помощника Филипа Грейвса, — встревоженно раздался в трубке голос его жены. — Филипп, находящийся на борту корабля, внезапно заболел. Его помощник сообщает, что это появится завтра во всех газетах, и спрашивает вашего совета.

Сильверс с тревогой пригладил рукой волосы.

— Спасибо, — чуть упавшим голосом пробормотал он. — Я позабочусь об этом. Домой вернусь поздно.

Он подошел к людям, все еще толпившимся возле помостов и что-то восхищенно обсуждавшим. Они не слышали его разговоры по телефону в дальнем конце студии.

— У нас же уже есть контракт с этим человеком, не так ли? — с тревогой спросил кто-то у его локтя. — Нужно немедленно начать производство. Это самое грандиозное, что вообще когда-либо происходило...

— Да... контракт, считайте, у нас в кармане, — расплывчато ответил Сильверс. — Блэр, сколько времени понадобится на производство первой сотни таких помостов? Мы должны организовать большой показ как можно быстрее.

— Сто пятьдесят будет готово примерно через неделю, — нехотя признал О'Бирн. — Но, Эйб... Эйб, вы же не думаете, что мы должны сделать это?

Сильверс оттащил его в сторону.

– Послушайте, Блэр, – тихо сказал он. – Держите свое воображение под контролем. Какая может быть связь между показом фильма и тем фактом, что у перегруженных работой, темпераментных людей временами бывают обмороки? Я признаю, что это действительно странное совпадение, но давайте мыслить разумно. Мы не можем позволить себе упустить самую грандиозную революцию, когда-либо свершившуюся в киноиндустрии, только потому, что какая-то впечатлительная актриса несколько раз падала в обморок.

О'Бирн слегка пожал плечами.

– Интересно, – пробормотал он, словно размышляя вслух, – сколько уже времени люди пытаются создать жизнь. И всякий раз что-то мешает... никто еще не добился успеха. Мое изобретение, конечно, не жизнь, но слишком близко к ней, чтобы я мог оставаться спокойным. Мне кажется, за присвоение власти Бога всегда следует расплата... даже просто за приближение к ней. Я боюсь, Эйб...

– Блэр, вы можете сделать мне одолжение? – спросил Сильверс.

– Отправляйтесь сейчас спать и забудьте обо всем до утра. Завтра мы встретимся, а сейчас у меня по горло других проблем.

На губах О'Бирна появилась бледная тень улыбки.

– Ладно, – сказал он...

ТЕМПЛТОН-ФРЕДЕРИКС! ТАЙНОЕ БЕГСТВО ЛЮБОВНИКОВ!

Такой заголовок выкрикивали разносчики газет, когда Сильверс вылез из машины на следующее утро. Он дважды просмотрел заголовок, чтобы убедиться в этом, потому что все журналы, посвященные кино, последние полгода освещали и обсуждали роман Фиби Темплтон с Манфилдом Дрейком, а вовсе не с Биллом Фредериксом. На этой неделе должна была состояться их свадьба, но... Он торопливо купил газету, а в голове засела одна дикая мысль. Темплтон и Фредерикс *играли любовников* в телефильме О'Бирна!

«Мы с Биллом знали друг друга уже полгода, – были процитированы в газете слова Фиби Темплтон, – но не понимали вплоть до прошлой ночи, как много мы значим друг для друга. Это было просто чудо. Я поехала на Запад, а Билл остался в Голливуде. И внезапно в Денвере меня осенило, что я должна немедленно поговорить с ним. Я позвонила... а дальше все было словно в тумане. Я только смутно припоминаю, что зафрахтовала самолет, мы встретились в Юме и уже нынче утром поженились. Конечно, я понимаю, что нехорошо поступила с Манфилдом, но это было

сильнее меня. В десять часов вечера мы с Биллом внезапно поняли, что предназначены друг для друга...»

Сильверс закрыл газету и впился зубами в сигару. Именно в десять вечера они смотрели сцену, в которой Гермия и Лизанд, – а играли их именно Темплтон и Фредерикс, – бормотали в лунном свете слова страстной любви. На мгновение фантастическая мысль пришла ему в голову.

– Я, наверное, схожу с ума, – пробормотал Сильверс.

Неделю спустя сто пятьдесят человек собрались на предварительный просмотр «Сна в летнюю ночь» О'Бирна. Платформы были установлены в большой студии, которая первая должна была увидеть удивительную иллюзию. Студия была уже полна переговаривающимися со скептическими лицами чиновниками и директорами «Метро-космик», а также их разволниванных жен. Странное беспокойство овладело Сильверсом, когда он нашел О'Бирна в углу студии, у пульта управления. О'Бирн сидел на тяжелом табурете перед своей аппаратурой, и его лицо, когда он повернулся к подошедшему другу, буквально дышало странной, напряженной силой.

– Эйб... – заговорил он, – у меня такое безумное чувство, будто всякий раз, когда я демонстрирую этот фильм, он становится все реальнее и реальнее. Похоже, что персонажи уже не всегда придерживаются того, что мы сняли, что происходит нечто помимо того, что написал Шекспир, и чем больше...

СИЛЬВЕРС СТИСНУЛ его плечи и потряс, пытаясь выкинуть из своей головы абсурдную тревогу от того, что всякий раз сцена ссоры Титании и Оберона становится все яростней, и твердо сказал:

– Немедленно прекрати, Блэр! Ты слишком много работаешь. Может, кто-то другой сумеет заменить тебя на сегодняшнем показе... а ты должен отдохнуть.

О'Бирн безучастно поглядел на него.

– Нет, это должен сделать я, – сказал он внезапно равнодушным голосом. – Разумеется, если ты все так же полон решимости сделать этот показ. Никто лучше меня не справится с этим. В конце концов, ведь это я создал такую аппаратуру...

Сильверс мгновение глядел прямо ему в лицо в напряженной тишине, затем пожал плечами и пошел к последней пустой платформе в ряду ждущих на других платформах зрителей. *О'Бирн просто не реутомился, сказал он себе. После того, как он столько работал, ему нужно поехать в санаторий на длительный отдых. Наверное, голова у него раскалывается...*

Туманное сияние сомкнулось вокруг него, скрывая сто пятьдесят остальных зрителей. Несколько секунд слышалось удивленное бормотание, прерываемое полуиспуганными вскриками женщин, а потом каждый зритель оказался в собственном мирке в тишине и одиночестве.

В серебристом тумане раздался знакомый уже глубокий, бархатистый голос, и в третий раз Сильверс увидел широкую поляну волшебной страны, окруженную зачарованным лесом. В третий раз Титания, трепеща крыльшками, полетела в лунном сиянии. В третий раз Оберон большими шагами вышел из сомкнувшейся вокруг поляны чаши, ступая по не пригибающейся под его ногами траве с волшебной легкостью. Но в гневе их не было никакой легкости. Между ними вспыхнула старинная ссора, и даже легкий ветерок задрожал от их гнева.

Снова появились Гермия и Лизандр, одновременно веселые и испуганные лесом. Снова Елена, рыдая, выкрикивала среди деревьев имя Деметрия и не получала ответа. Маленький эльф Пак ликующе скакал, накладывая свои озорные чары, и Титания улеглась спать на траве, украшенной блестками чабреца.

Но на сей раз никакой телефонный звонок не разрушил магию грэзы.

И снова ожили персонажи, перемещавшиеся перед зрителями так явственно, что тех обдавало ветерком, их можно было коснуться руками, зрители слышали звук их дыхания, когда те стояли рядом, и создавалось впечатление, что призрачны не эти придуманные, сказочные персонажи, а сами зрители. Настоящей была любовь и ненависть, реальное горе под невероятно живой луной.

Несколько раз у Сильверса мелькало в голове, что кое-где действие проходит не точно так, как он видел в прошлый раз. Давала ли в прошлый раз Титания пощечину хмуруому, разгневанному Оберону, прежде чем развернулась и ушла с поляны? Столь ли долго целовались Гермия и Лизандр в глубокой тени раскидистого дуба? Но действие продолжалось, и Сильверс забыл обо всем, что было прежде, погрузившись в происходящее перед ним сейчас.

Пак чарами заманил влюбленных в глубь леса. Они прошли, спотыкаясь, через туман, и рассорились, ослепленные туманом, магией и собственной тревогой на сердце. В лунном свете сверкнули мечи. Лизандр и Деметрий вступили в схватку среди деревьев. Пак расхохотался пронзительным, высоким, нечеловеческим смехом и указал большим пальцем правой руки вниз. И Лизандр захрипел,роняя меч.

Деметрий свирепо склонился над ним. Сильверс увидел яркую кровь, запузырившуюся на боку упавшего, и меч, с которого стекали капли все той же, небывало яркой крови. Иллюзия была восхитительна. Гибель Лизандра была настоящим чудом исполнения, от первого хриплого вскрика до последней пузырящейся крови, хлынувшей из его горла, и вплоть до шелеста вложенного в ножны меча. Смерть Лизандра...

Что-то тревожное опять всплыло в памяти Сильверса, но прежде чем он уловил эту мысль, где-то в туманном лесу истерично закричала женщина: «Он мертв! Он мертв!», лес внезапно исчез и Сильверс увидел ошеломленные, словно окованные сном лица зрителей, возникшие там, где миг назад лежал, умирая, на мхе Лизандр. Где-то среди них истерично рыдала женщина.

— Он мертв, говорю же вам! Лизандр мертв, он умер по-настоящему, а не по роли! Кто-то убил его! Это была настоящая кровь... я даже почувствовала ее запах! О, уведите меня из этого ужасного места!

Сильверс провел рукой по глазам, словно смахивая с них остатки образов сказочной страны, и начал уже спускаться с помоста, собираясь пойти к проектору, и внезапно вспомнил кое-что теперь, что ускользнуло из его памяти во время сцены убийства Лизандра. Пьеса Шекспира была комедией, а не трагедией. Лизандр не должен был умирать в ней.

Бирн словно прилип к своему табурету, стиснув кулаки так, что побелили костяшки пальцев, и глянул в глаза Сильверса.

— Вы поняли? — безжизненным голосом спросил он. — Теперь вы поняли, на что способен массовый гипноз? Они не могли помочь ему... бедняги, они должны были остаться живы и лишь заблудиться в тумане...

— Блэр! — резко окликнул его Сильверс. — Блэр, прекращайте это! Что за бред вы несете? Вы что, с ума сошли?

О'Бирн безучастно глядел на него.

— Я боялся, — тем же монотонным голосом продолжал шептать О'Бирн, словно разговаривал во сне. — Я боялся демонстрации перед толпой людей... я должен был понять, что произойдет, когда Актон и Грейвс...

— Вы все еще зациклились на том совпадении? — жестким тоном спросил его Сильверс. — Вы что, не понимаете, что это просто глупо, Блэр? Какая может быть связь между картинками на экране и живыми людьми, к тому же находящимися за полмира отсюда? Я согласен, что случившееся сегодня вечером...

— Вы когда-нибудь слышали, — прервал его Блэр тихим голосом, словно боялся упустить какую-то важную мысль и потому не обращал внимания на слова Сильверса, — что дикии закрывают лица, когда туристы хотят их сфотографировать? Они боятся, что фотография украдет их душу. Эта идея столь широко распространена, что не может быть лишь каким-то местным суеверием. Она жива до сих пор в племенах по всему миру. Африканские дикии, тибетские кочевники, китайские крестьяне, южно-американские индейцы... Даже древние египтяне — весьма цивилизованный народ — делали рисунки угловатыми и как бы неживыми. Все они полагали, что слишком хорошее сходство способно перемещать душу из человека в изображение.

— Ну, да, все слышали о таком... — буркнул Сильверс. — Но вы же не предполагаете?..

— После тайного бегства Темплтон... после обмороков Энн Актон и болезни Филипа Грейвса, до и после того, что случилось сегодня вечером, как можете вы, Эйб, отметить это? Нет, и древние египтяне, и современные дикии куда ближе к истине, чем мы. Только вот до настоящего времени сходство не было таким совершенным, чтобы поглотить личность так, чтобы это было заметно. Но вот мои иллюзии — они настоящие, живые, дышащие. Пока вы толькоглядите на них, то не можете распознать, что перед вами находятся не настоящие, живые мужчины и женщины. Когда смотрели фильм вы один, это повлияло лишь на Актон и Грейвса, часть их личности перешла в иллюзию, созданную во многом вашим собственным воображением. Не знаю, насколько коснулось это других актеров... я в самом деле не знаю, почувствовал ли кто из них в тот день тошноту или головокружение. Я не проверял — может, просто боялся... Когда на просмотр собрались двенадцать членов правления, перенос стал сильнее, так, что Грейвсу стало плохо на борту корабля, а Актон не могли привести в чувства, пока телефонный звонок на прервал демонстрацию фильма. Но это кардинально повлияло на Темплтон и Билла Фредерикса, потому что зрители поверили в то, что их персонажи действительно любят друг друга...

ВОСПОМИНАНИЯ хлынули в голову Сильверса. Он вспомнил, что почувствовал, когда прочитал газетные заголовки о тайном бегстве.

— Но как это могло произойти, Блэр? — спросил он. — Как сознания массы людей могли повлиять на поведение тех, на чьих образах сосредоточили свое внимание? Я уже думал об этом. Если двенадцать человек были какое-то время убеждены, что видели двух

страстно влюбленных, то действительно их убеждение повлияло на актеров... Нет, это безумие! Этого просто не может быть!

— Но вы сами видели, что это было, — почти беззвучно пробормотал Блэр. — Вы видели, что произошло, когда сто пятьдесят человек сконцентрировались и были убеждены, что видели, как меч пронзил человека! Для большинства из них меч был настоящим — их воображение отмело очевидные факты, и они решили, что Лизандра действительно заколол меч Деметра. Они и правда считали, что видели, как он умер.

— Но он же не умер, верно? Я имею в виду, что на сей раз ничего не произошло, иначе мне бы немедленно позвонили.

Бледная улыбка скривила напряженно сжатые губы О'Бирна. Он обернулся. Сильверс услышал щелчок и понял, что все это время трубка лежала на столе.

— Я хотел, чтобы вы все поняли, прежде чем вам сообщат, — тихо сказал О'Бирн. — И я знал, что телефон прервет меня, если я...

Телефон пронзительно зазвонил. С резким уколом ужаса Сильверс схватил трубку. В ухо ему закричал тоненький голос:

— Сильверс? Это вы, босс? Боже, я весь вечер пытаюсь дозвониться до вас! Актон уже час находится в коме, и врач не может привести ее в чувства. Из Лондона пришло сообщение, что Филь Грейвс тоже без сознания — и с ним не могут ничего сделать! А так же... *Что?* Босс! Мне только что сообщили, что Темплтон тоже находится в обмороке, а Билл Фредерикс упал замертво! Что происходит? Все это похоже на конец света...

— Эйб...

Сильверс резко повернулся, когда рука О'Бирна легла ему на плечо. Раздался словно неслышный вопль ужаса, когда взгляды их встретились. Лицо О'Бирна было почти безмятежным, но осознание того, о чём кричал голос в трубке, плескался в его глазах.

— Теперь вы мне верите? — спросил он. — Вы понимаете? Вы понимаете, что я соорудил эту омерзительную штуку из самой жизни? Да... двухмерные изображения доносят до нас блудную тень трехмерного объекта... достаточно сидеть в темноте, чтобы дать волю своему воображению. В моем же трехмерном изображении я каким-то образом получил тень четвертого. Возможно, это четвертое измерение и есть измерение самой жизни. Но больше моя проклявшая машина не убьет никого... Нет!

ГРОМКИЙ ЗВОН бьющегося стекла прорезал истерический шум толпы. Воцарилась, как сама смерть, гробовая тишина, она упала на бормочущую и всхлипывающую толпу, и лица всех на-

ходящихся в студии побледнели. Тощие руки О'Бирна размеренно поднимали тяжелый табурет и с отчаянной силой били им в самое нутро проектора, в путаницу тонких проводов и хрупких схем. Сильверс стиснул продолжавшую верещать телефонную трубку и, не шелохнувшись, смотрел на него.

Miracle in three dimensions, (Strange Stories, 1939 № 4), nep.
Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

Генри Каттинер

ПОЗЖЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ.....	7
Later than you think, (Fantastic Adventures, 1942 № 3), пер.	
Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
У МУЗЫКИ СВОЕ ОЧАРОВАНИЕ.....	27
Music hath charms, (Startling Stories, 1943 № 12), пер. Андрей	
Бурцев и Игорь Фудим	
МЕШОК-КУСАКА	45
The grab bag, (Weird Tales, 1991, Spring), пер. Андрей Бурцев	
и Игорь Фудим	

Лоуренс О’Доннел

ШИФР	55
The code, (Astounding, 1945 № 7), пер. Андрей Бурцев и	
Игорь Фудим	
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ.....	101
Promised land, (Astounding, 1950 № 2), пер. Андрей Бурцев и	
Игорь Фудим	
ПАРАДИЗ-СТРИТ.....	131
Paradise street, (Astounding, 1950 № 9), пер. Андрей Бурцев и	
Игорь Фудим	

Кэтрин Мур

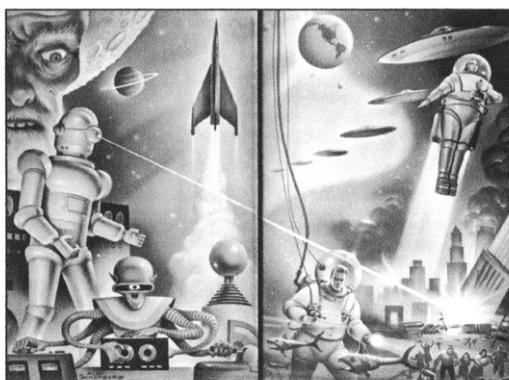
ЧУДО В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ	185
Miracle in three dimensions, (Strange Stories, 1939 № 4), пер.	
Андрей Бурцев	

Читайте в
следующем томе:

«ТАЙНА КОЛЕЦ» Сборник фантастики о Сатурне

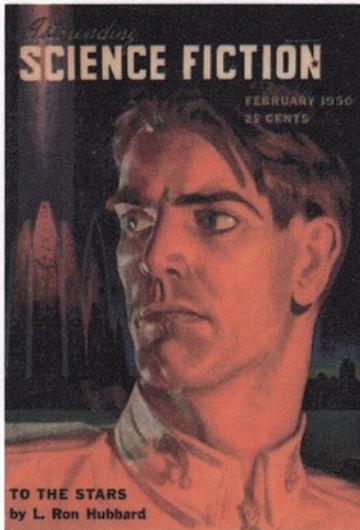
Том 25 у нас юбилейный. Он знаменует, что половина Библиотеки Англо-американской классической фантастики уже позади. Разумеется, это не считая собрания сочинений в Приложениях.

И вот, в честь такого юбилея я решил сделать 25-й том в двух выпусках – 25а и 25б. Это будет, по сути, единый коллективный сборник из подсерии «Дети Солнца», посвященный планете Сатурн и ее знаменитому кольцу. В сборник войдут романы таких известных мастеров фантастики, как Дональда Уолхейма, Дэвида Гриннелла и Лина Картера, Филиппа Лэтема, Еэндо Биндера, а также повести и рассказы других англо-американских фантастов. Оба тома выйдут до Нового года.

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТЕР

Земля обетованная